НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

ИРАК

Посвящается капитану Брэнту Морелу, настоящему другу в первом разведывательном батальоне первой дивизии морской пехоты, убитому в бою 7 апреля 2004 года в Ираке в провинции Аль-Анбар, а также храбрым матерям служащих морской пехоты Соединенных Штатов.

НАТАНИЭЛЬ ФИК

МОРПЕХИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта автобиографическая книга написана человеком, который с юности мечтал стать морским пехотинцем, военнослужащим самого престижного рода войск США. Преодолев все трудности, он осуществил свою мечту, а потом в качестве командира взвода морской пехоты укреплял демократию в Афганистане, участвовал во вторжении в Ирак и свержении режима Саддама Хусейна. Он храбро воевал, сберег в боях всех своих подчиненных, дослужился до звания капитана и неожиданно для всех ушел в отставку, пораженный жестокостью современной войны и отдельными неприглядными сторонами армейской жизни. Эта чрезвычайно интересная и познавательная книга не только расскажет о реальных исторических событиях в системе однополярного мира, но и даст читателю понять, что такое американская армия, чем она отличается и чем похожа на нашу.

- Натаниэль Фик
  - Часть I
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
  - Часть II
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

        - 24
        - 25
        - 26
        - 27
        - 28
        - 29
        - 30
        - 31
        - 32
        - 33
        - 34
        - 35
        - 36
        - 37
        - 38
    - Часть III
        - 39
    - ОТ АВТОРА
    - Copiright
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Натаниэль Фик
МОРПЕХИ

Посвящается капитану Брэнту Морелу, настоящему другу в первом разведывательном батальоне первой дивизии морской пехоты, убитому в бою 7 апреля 2004 года в Ираке в провинции Аль-Анбар, а также храбрым матерям служащих морской пехоты Соединенных Штатов.

Часть I
МИР

1

ПЯТНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК, И Я В ИХ ЧИСЛЕ, поднялись в очень старый школьный автобус. Автобус не совсем обычный: белого цвета, в окнах решетки, а по бокам надпись из четырех слов: МОРСКАЯ ПЕХОТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Одетые совершенно по-гражданski — в шорты и сандалии, мы заполонили своими вещами весь автобус. Некоторые тут же принялись пить кофе из бумажных стаканчиков, кто-то разворачивал купленную газету. Я облюбовал место в самом конце салона и не успел еще толком разместиться, как машина с ревом завелась, из-за чего внутри сразу же почувствовался запах выхлопных газов.

Руководивший нами второй лейтенант сел впереди. Его габардиновая куртка, его форма цвета хаки придавали ему очень мужественный вид. Хотя он, по всей видимости, окончил военное училище совсем недавно, именно ему было поручено сопровождать нас на базу морской пехоты в Квантико, штат Вирджиния — около часа пути. Как только мы отъехали от призывного пункта, он тут же поднялся в проходе, встал лицом к нам. Я подумал: сейчас скажет что-то типа «добро пожаловать» или пошутит, словом, проявит хоть какую-то доброжелательность.

Однако я не угадал.

— Честь, мужество и преданность, — говорил лейтенант, пытаясь перекричать шум мотора, — вот основные принципы морской пехоты. Если вы не можете быть предельно откровенными, как может армия доверять вам вести людей в бой?

Его слова звучали официально и вместе с тем искренне.

Бой. Я окинул взглядом приспособленный для армейских нужд автобус и с неким удивлением заметил, что новоиспеченные солдаты все как один либо читают, либо делают вид, что спят. Никто не ответил на вопрос лейтенанта. А он все стоял в проходе и смотрел на нас, и я автоматически начал выпрямлять спину. Лейтенант был моего возраста, но выглядел как-то по-другому. Волосы были короче, чем у нас, что совсем не удивительно, и в плечах он был шире. И было что-то еще, от чего создавалось ощущение, что он в чем-то нас превосходит. Может быть, это из-за его тяжелой челюсти или из-за густых бровей, но мне было как-то не по себе.

Чтобы не встретиться с ним взглядом, я повернулся к окну. Народ ехал целыми семьями, может быть, на озеро или на пляж. Дети в наушниках таращились на нас, уверен, им было интересно знать, что за неудачники ездят лётом в школьном автобусе.

Девушка в открытом джипе встала и начала поднимать свою кофту, но вторая, та, что за рулем, смеясь, потянула подругу обратно. Обе помахали нам и, прибавив скорость, умчались вперед. Я думал о моих друзьях, которые на время каникул уехали в Нью-Йорк и Сан-Франциско и теперь днем работали в офисных зданиях-небоскребах, где уж точно есть кондиционер, а по ночам тусовались на вечеринках. Смотря на яркий солнечный день через автобусные решетки, я думал о том, что, наверное, таким же образом людей перевозят в тюрьму Синг-Синг. Что я делаю в этой колымаге?

Я поехал в Дартмаус, чтобы поступить на медицинский. Однако провалил экзамен по химии, почувствовал тягу к истории и окончил исторический факультет, специализируясь на классике. К лету 1998 года мои одноклассники уже подписывали контракты с пятью нулями, работая консультантами и инвестиционными банкирами. А я все еще не понимал, по каким вопросам можно консультировать в двадцатидвухлетнем возрасте. Другие пошли учиться на юристов или медиков — этим предстояло еще несколько лет читать вместо того, чтобы жить. Ни то, ни другое меня не прельщало. Я мечтал о больших приключениях, хотел испытать себя, служить Родине. Я хотел добиться чего-нибудь действительно стоящего, чтобы ни у кого не возникло повода думать или тем более говорить обо мне дерьмово. Думая о том, что в Афинах или Спарте мое решение было бы воспринято как само собой разумеющееся, я чувствовал, что родился слишком поздно. В нашем мире нет больше места для молодых людей, которые хотят носить броню и убивать драконов.

В Дартмаусе же отхождение от проторенной тропинки не возбранялось только в том случае, если оно приводило к миротворческим организациям или благотворительным образовательным учреждениям. Но я-то хотел чего-то более брутального! Чего-то, что могло или убить меня, или сделать меня лучше, сильнее, выносливее.

В моей семье не было военной традиции, хотя дедушка с маминой стороны, как и многие люди его поколения, принимал участие во Второй мировой войне. Дедушка был офицером военно-морского флота, служил в Южно-тихоокеанском регионе, и его корабль «Натома Бэй» сражался в Новой Гвинее, в заливе Лейте, у Иводзимы и Окинавы. Их команда часто высаживалась на берег вместе с морскими пехотинцами, помогая им в бою. Как повествует наша семейная история, 7 июня 1945 года в 06.35, всего лишь за два месяца до окончания войны, японский летчик-

камикадзе направил свой самолет на корабль, где служил мой дедушка, и врезался в полетную палубу. Взрыв образовал дыру шириной в двенадцать и длиной в двадцать футов. При этом тело дедушки изрешетила японская шрапнель. Моя мать помнит, как по прошествии двадцати лет он все еще извлекал из своего тела куски металла. Один из кусков этой шрапнели он переплавил в подкову, которую называл удачливой, и мне, тогда еще маленькому мальчику, с гордостью ее показывал.

Мой отец стал срочнослужащим в 1968 году. Когда большинство его сослуживцев отправились во Вьетнам, он получил приказ о переводе в Управление безопасности. Он провел год в немецком городе Бад-Айблинг, перехватывая радиосигналы Восточного блока и ожидая, что Советский Союз начнет войну. Он окончил Школу подготовки офицеров. Когда президент Ричард Никсон начал вывод войск из Европы, отец, воспользовавшись досрочным увольнением, поступил на юридический факультет. Он всегда гордился тем, что был солдатом.

Когда я учился на первом курсе в Дартмаусе, пришло письмо, в котором мне обещали заплатить за обучение в университете, если я соглашусь послужить в Вооруженных Силах. Военно-Морской Флот и Военно-Воздушные Силы сделали то же самое, обещая к тому же научить меня определенным навыкам. Только морская пехота не обещала ничего. В то время как другие рода войск перечисляли свои преимущества, морская пехота спрашивала: «Есть ли у вас то, что нужно нам?» Я решил: если я собираюсь служить, мне нужно идти именно в морскую пехоту.

Несколько месяцев назад я увидел в столовой плакат, агитирующий прийти на встречу с Томом Риксом, корреспондентом «Уолл-стрит джорнэл», работающим в Пентагоне. А поскольку незадолго до этого я прочитал его книгу, буквально проглотил ее за одну ночь, я решил непременно пойти. В день, когда должна была состояться встреча с Риксом, я встал пораньше, чтобы занять удобное место. Рикс объяснял культуру морской пехоты и разницу между гражданскими и военными в США. Его точка зрения была такова: морская пехота является последним бастионом чести общества, местом, где молодых американцев учат работать в команде, доверять друг другу и в первую очередь себе, жертвовать ради принципов. Обычно я воспринимал подобную информацию довольно скептично, так как чаще всего она звучала из уст агента по найму кадров. Но тут был журналист — совсем другое дело, журналист — это независимый наблюдатель.

На встречу пришли и студенты, и профессорско-

преподавательский состав, и выпускники. После речи Рикса одна из женщин-профессоров и задала ему вопрос: «Как вы можете одобрять присутствие службы подготовки офицеров резерва в таком месте, как Дартмаус? Служба милитаризирует студенческий городок, и наша культура терпимости может оказаться под угрозой».

«Неправда, — ответил Рикс. — Служба сделает военных более либеральными». Он объяснил, что при демократии военные должны стать представителями народа. Военные должны отражать лучшее, что есть в американском обществе, и не быть изолированными от него. В своей речи Рикс использовал такие слова как «обязанность» и «честь», без оттенка цинизма, что я совсем не часто слышал в Дартмаусе.

Его ответ помог мне принять окончательное решение: летом, между первым и последним годами учебы, я попробую пройти ШПО (Школу подготовки офицеров). Меня всегда забавляло, когда слышал, что люди идут в армию на спор или после просмотра фильма, но на мой выбор повлияло обстоятельство не лучше. Хотя я и принял решение в основном самостоятельно, Том Рикс своей часовой беседой в Дартмаусе в конце концов убедил меня стать морским пехотинцем.

Да уж, изъявить желание служить в морской пехоте во времена молодости моих родителей не казалось таким сумасшествием как сейчас. Тогда был 1968-й, а не 1998-й. Соединенные Штаты развесили на своих столбах дивиденды мира «холодной войны». Ученые говорили о «конце истории», о свободных рынках, распространяющих свою продукцию по всему миру, и о смерти идеологии: я буду служить в армии в мирное время. По крайней мере, когда я разговаривал с родителями по поводу принятого мною решения, этот довод был ключевым. Они были удивлены, но все-таки поддержали меня. «Морская пехота, — говорил мой отец, — научит тебя всему. Я слишком тебя люблю, чтобы сделать это самому».

Чтобы добраться до базы морской пехоты в Квантико, сначала нужно двигаться по федеральной автостраде — 95, потом вдоль тысяч акров соснового леса и, наконец, одолеть тридцать миль шоссе через болотные топи к югу от Вашингтона. Наш автобус с грохотом вкатился в ворота, затем мы проехали через ряды ангаров с облупленной краской — их, наверное, уже вечность не приводили в порядок; далее следовали унылые кирпичные здания, отличавшиеся друг от друга только номерами. Все это напоминало заколоченные досками мельницы Нью-Хэмпшира и выглядело как останки какого-то давно вымершего производства.

Мы ехали в глубь базы все дальше и дальше. Невольно в голову закралась мысль, что если нас здесь убьют — никто никогда об этом не узнает. Но тот, кто нас сюда послал, наверно, именно этого и добивался. Наконец автобус остановился, водитель открыл двери, мы вышли и расположились посредине парадной палубы черного цвета, размером в три футбольных поля. Эту палубу, этот своеобразный плац окружали суровые кирпичные бараки. На одном из углов красовалась надпись по-английски: ШКОЛА ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ ВОЕННОЙ ПЕХОТЫ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, и на латинском: DUCTUS EXEMPLO. Я перевел этот девиз, вспомнив уроки латинского: «Руководство примером».

Я думал, что инструктор по строевой подготовке в шляпе медведя Смоки поднимется в автобус, прикажет нам выйти и встать на желтые следы — ими поп-культура увековечила солдат-добровольцев, прибывших ранее для прохождения военной службы в рядах морской пехоты. Но он не приказал, и это отсутствие театральности меня несколько разочаровало. Инструктор всего лишь раскрыл свой планшет, выдал каждому из нас по карандашу и сказал, что нас впереди ждет много бумажной волокиты. В течение двух дней нас тасовали и так и эдак: отправляли на стрижку и выдавали одежду, то таскали по многочисленным тестам, проверяя физическую подготовку. Курсанты, провалившие предыдущий экзамен и решившие начать все сначала, объясняли нам, что данная схема была создана для минимизации числа тех, кого придется исключать из ШПО по причине высокого кровяного давления. На третий день, когда медицинский молоток испробовал колени каждого из нас, оценка наших физических и психических способностей была закончена.

Мы спали в казармах — по пятьдесят спальных мест в каждой. Тут я постиг свой первый урок: в ШПО есть соревнование. В условиях мирного времени морской пехоте необходимо строго определенное количество офицеров, так что если какому-то числу курсантов суждено окончить обучение, то какому-то предопределено отправиться домой ни с чем. Я думал, что это породит конкуренцию в наших рядах. Но и те курсанты, которые в прошлый раз не прошли тест, и те, кто служил срочнослужащим в морской пехоте, делились своими знаниями со всеми остальными.

Наш род войск — военно-морская служба — подразумевает наличие и использование морских терминов. Двери — это шлюзы, стены — переборки, а платформа — это палуба. Отголосками этого на Квантико был огромный лозунг «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА БОРТ», хотя море находилось от нас совсем не близко.

Старослужащие также обучили нас и сленгу морских пехотинцев. Так, ботинки для бега назывались «быстролетками». Фонари, которые в Морской пехоте носят на груди в ШПО, назывались «лунатиками». Мы путались во всех этих названиях, что необыкновенно веселило некоторых офицеров. «Посмотрим, что вы скажете, когда попадете на корабль», — говорили они. «Пенисом осла» называли сразу три объекта: радиоантенну, ерш для чистки ствола миномета и воронку для заправки военных «Хаммеров».

Кроме изоляции от окружающего мира, моим самым глубоким эмоциональным впечатлением от Квантико было время, а точнее, его отсутствие — оно как бы остановилось, исчезло. Все было мрачным, и я, смотря в горизонт, представлял себя на месте Франклина Рузвельта. В Белом доме, как и в ШПО, нет пластика, нет рекламы и нет ярких красок. Зато в ШПО есть койки в два уровня, то есть наши постели, пол, покрытый зеленым линолеумом, кирпичные стены и голые лампы над головой. Единственным украшением комнаты были буквы высотой в две среднестатистические ступни, они занимали всю стену: «Честь, мужество и преданность государству». Мало-помалу я укреплялся в чувстве, что морская пехота — это другой мир, совсем не тот, в котором живут все остальные люди.

Когда какой-то курсант ударил ногой о соседнюю скамейку и сел рядом, я был только рад. Общения здесь пока было крайне мало.

— Я Дейв Адамс, — он быстро протянул свою руку.

Он улыбался даже в такой атмосфере, и это как-то сразу расположило меня к нему. Мы разговорились. Дейв пытался поступить в колледж «Уильям энд Мэри». Его брат учился в Дартмаусе.

— Ну что ты обо всем этом думаешь? — я попытался задать вопрос как можно с меньшим волнением в голосе.

Дейв улыбнулся и сказал:

— Я думаю, это лето для нас будет дерьмовым. Но я все детство мечтал вырасти и стать офицером морской пехоты. Как там говорится в пословице? «Боль проходит. Гордость остается навсегда».

Я же ответил, что видел надпись на бампере одного из автомобилей, стоящих на здешней парковке: «В поту еще никто не тонул», — почувствовал, что в глубине души нервничаю. То есть не было страха или беспокойства — это пришло позже, а вот какая-то тревога все не отступала. Трансформация в морского пехотинца — хорошая проверка для американского молодого человека. Репутация морской пехоты всем известна.

Мы прочувствовали это на своей собственной шкуре, получая на складе обмундирование утром третьего дня. Все курсанты построились и зашагали от бункера к бункеру, нам выдавали рубашки и брюки зеленой камуфляжной ткани, нейлоновые ремни с двумя фляжками оливкового цвета, ну и всякую мелочь типа спрея от насекомых с надписью: «Средство, отпугивающее насекомых и членистоногих». Болтавшиеся на складе два молодых морских пехотинца решили воспользоваться предоставленным им шансом и «подставить» будущих офицеров, гаркнув: «Вольно!»

Такую команду мы еще не проходили. Я, мысленно аплодируя им, все же пытался дать понять, что не собираюсь терять собственное достоинство.

— Давайте не будем делать из нас посмешище. Встать по стойке «смирно»?

Курсанты рядом со мной немного выпрямили спины, руки опустили по швам. На что два морских пехотинца сказали, что в ШПО можно стоять только двумя способами: либо по команде «вольно» — при которой ступни солдата находятся друг от друга на расстоянии примерно 30 сантиметров, руки сомкнуты за спиной, лицо поднято, взгляд устремлен вперед, либо по стойке «смирно» — ноги вместе, спина прямая, руки по швам.

Позже, на обед, нас привели в полуцилиндрической формы ангар из гофрированного железа — так называемый куонсетский ангар,[1] собранный впервые во время Второй мировой войны в местечке Квонсет-Пойнт, штат Род-Айленд. Жуя бутерброды с мясом и яблоки — готовые обеды, которые морские пехотинцы называли «мерзкой коробкой», мы буквально испеклись в этой нагретой солнцем алюминиевой печке. Здесь мы познакомились с нашим командиром, который, похоже, относился к нам с таким же омерзением, как к этим обедам. Чисто выбритая блестящая челюсть, нос с горбинкой, седеющие волосы как-то не соответствовали образу полковника-контрактника. Но силы ему было не занимать, он выглядел так, как будто мог уложить на землю любого, властность чувствовалась в каждой нотке его голоса.

— В каждом курсанте мы пытаемся отыскать такие качества, как интеллект, человечность, моральные ценности, которые в дальнейшем помогут ему успешно управлять группой людей. Мы ищем командиров, — сказал он нам. — Поведение курсантов в ситуации давления — это ключевой показатель «потенциала командира». Пытаясь выявить командиров для морской пехоты, которые впоследствии смогут посмотреть врагу в лицо, мы должны знать, кто может думать и действовать в стрессовой

ситуации. Стрессовую ситуацию создают в ШПО многими способами, и вы это еще увидите.

Закончив свой монолог, он представил нам инструкторов школы морской пехоты. Все они были инструкторами строевых учений. Хотя в ШПО их называли «сержантами-инструкторами». Мы должны были обращаться к ним, упоминая должность, чин и имя. Штат инструкторов четким маршем зашагал в нашу сторону и встал перед нами по стойке «смирно». Форма цвета хаки с пятнами разноцветных нашивок. Глаза, сфокусированные на стене, прямо над нашими головами. Улыбок не было. Они были сержантами или штаб-сержантами, или орудийными сержантами, большинство прослужили в Вооруженных Силах лет десять-двенадцать. Я видел шрамы, бицепсы и татуировки. Когда представление инструкторов закончилось, полковник повернулся к ним и произнес десять слов, которые положили конец нашей гражданской жизни:

— С этого момента ситуация должна находиться под вашим контролем, действуйте в соответствии с расписанием дня.

Столы были мгновенно перевернуты, стулья убраны в сторону — я даже забыл о полусъеденном яблоке в руке. Теперь мы находились в подчинении своих инструкторов. Мы все, одновременно, начали выбегать из куонсетского ангара. У меня возникло желание рвануть, не останавливаясь, куда-нибудь в лес, выбраться на шоссе и оттуда автостопом добраться домой. Но гордость в молодой душе превосходит другие импульсы, и я, вместе со своими сотоварищами, вскоре стоял в строю взвода новобранцев.

— Хватит смотреть по сторонам, придурок.

Я неотрывно смотрел вперед. Я не думал, что инструктор обращается ко мне. Теплое влажное дыхание на моих щеках. Если он говорит не со мной, то с кем-то в непосредственной близости от меня.

— Застегнуться!

Его слюна была на моих глазах и губах. Инструктор прошелся взад и вперед по нашему неровному ряду. Он говорил со всей группой, но складывалось впечатление, что обращается он к каждому лично.

— Если вы издадите хоть звук, я услышу его — вые… вас в рот. Так что молча соберите ваше долбаное барахло и двигайтесь вперед. Сделайте так, чтобы я поверил, что вам нравится быть здесь.

Мы повесили вещевые мешки на плечи. У бывалых курсантов оказались рюкзаки. Им было поудобней, они быстро сложили все вещи и стояли с таким видом, будто готовы хоть сию минуту

отправиться по горным тропам Аппалачей. Про себя я такого сказать не мог и вообще смутно представлял себе занятия с таким огромным, переполненным вещевым мешком за спиной, как у меня.

Я бросил взгляд на значок с именем инструктора. Олдс. На плечах три полоски. Сержант Олдс. Он орал во все горло так, что аж вены на шее выскакивали наружу, а глаза выкатывались из орбит. Он размахивал руками так, будто пытался отогнать назойливую осу. Я смотрел на сержанта-инструктора сержанта Олдса — официально к нему нужно было обращаться именно так — и чувствовал, что он только что стал одной из вех в моей жизни.

— Курсант, прекрати пялиться на меня. Что, хочешь пригласить меня на свидание? Что, на свидание хочешь пригласить?

— Нет, сержант-инструктор сержант Олдс.

— Вперед, курсант. И смотреть прямо мне в глаза.

Он подходил ближе, и его голос превращался в шепот. Я видел, как пульсировала вена на его виске, и старался не входить с ним в визуальный контакт.

— Клянусь, ты хотел пригласить меня на свидание. Хочешь дать своим болванам-сослуживцам повод посмеяться надо мной? Клянусь, это будет последним, что ты сделаешь.

Я что, в театре? Я видел «Цельнометаллическую оболочку». Но то была шутка. А здесь и сейчас все было совсем не похоже на шутку. Когда Олдс обращался ко мне, меня окатывала ледяная волна выработавшегося адреналина. Начали трястись колени. Но самым худшим во всем этом было то, что Олдс знал, что со мной происходит. Я боялся продолжения.

Олдс развернулся на каблуках и ушел, гордо шагая по парадной палубе. Выбора у нас не было, и мы зашагали за ним. Капли начавшегося дождя разбивались о темный асфальт. Они становились все больше, и вскоре весь асфальт превратился в один сплошной поток. Я старался тащить свой вещевой мешок по тротуару. Вчера вечером он казался мне намного легче. Я положил туда только самое необходимое: три комплекта штатской одежды, кроссовки, туалетные принадлежности и походные сапоги, которые мне прислали несколько недель назад, чтобы я успел их разносить. Одежда была аккуратно сложена: брюки по стрелкам, а рубашки так, чтобы не помять на груди.

Сержант Олдс позвал нас к канаве протяженностью метров в сорок пять. Он стоял и смотрел на нас, скрестив руки на груди.

— Вываливайте свой мусор из вещевых мешков. Я хочу посмотреть, кто пытался взять с собой фотографию своего голого

дружка.

Я стоял в растерянности, не понимая, — действительно ли он хочет, чтобы мы вывалили свои вещи на грязный тротуар. Потоки дождевой воды становились больше и быстрее.

— Мы что, глухие? Я сказал: вывалить весь ваш мусор из мешков. Немедленно! Двигайтесь!

Как выяснилось, сержант Олдс всегда говорил «мы», он не говорил «вы». Я расстегнул «молнию» и выложил на грязный асфальт сапоги. Затем аккуратно положил на них одежду и сверху, чтобы хоть как-то спасти вещи от дождя, прикрыл все пакетом с туалетными принадлежностями. Моя конструкция почти сразу привлекла внимание Олдса. Он толкнул ее ногой, оставив отпечаток своего сапога на воротнике моей тщательно выглаженной рубашки.

— Что здесь? — спросил он, схватив пакет с туалетными принадлежностями. — Наркотики? Спиртное? Может быть, вазелин и большой огурец?

Мои зубная щетка, зубная паста, бритва и крем для бритья, одно за другим, попадали на землю.

— В следующий раз, наверное, спрячешь их поглубже, курсант, — прорычал Олдс. — Но я все равно их найду. Да, найду. И когда я это сделаю, то вышвырну твою задницу из морской пехоты быстрее, чем ты успеешь позвонить своему конгрессмену.

Затем он перешел к своей следующей жертве, а я начал быстро собирать все то, что всего лишь несколько минут назад было аккуратно упаковано в моем вещевом мешке: «Что я вообще делаю в ШПО?». Дейв, стоящий рядом со мной, улыбаясь, поймал мой взгляд и произнес одними губами: «Новичок».

2

КАЖДОЕ УТРО, РОВНО В ПЯТЬ ЧАСОВ, все курсанты дружно просыпались, потому что ночной караул включал флуоресцентное освещение. Это примерно то же самое, что выстрелить над ухом из пушки. Инструкторы буквально высыпали из офиса, концентрируясь у двери длинной комнаты. У нас было пять секунд, чтобы приземлиться с наших полок на пол, нырнуть в черные резиновые хлопушки (в морской пехоте так называли сланцы) и встать по стойке «смирно», причем пальцы ног должны были касаться черной линии, пролегающей вдоль всей комнаты. Никакого предупреждения. Никакого надевания сланцев на ходу. Не стонать и все делать очень быстро.

Самым громким всегда был Олдс.

— Я хочу увидеть лес ранним утром. Я хочу выяснить, кому во сне приходили в голову грязные мыслишки на мой счет.

Он шнырял туда — обратно вдоль линии, немного поворачиваясь в корпусе, пялился на нас, определенно вглядываясь в район паха. Еще два инструктора — штаб-сержант Карпентер и штаб-сержант Баклер — стояли неподвижно, с масками безразличия на лицах. За три недели подготовки мы так ничего о них и не узнали. Мы видели их каждое утро, но наше общение не сходило с нулевой отметки.

Их любимым утренним ритуалом было смотреть, как мы по счету одеваемся. После построения вдоль линии нам предстояло освоение новой версии игры «Саймон говорит».

— Надеть левый носок! — надрывали свои глотки инструкторы, и мы стремглав начинали исполнять приказание. У нас было три секунды, чтобы снять сланец и нырнуть в черный носок.

— Слишком медленно! Снимайте! — ревел Олдс в такт мерному шагу.

Мы возвращались к исходной позиции, держа по носку в каждой руке. Боковым зрением я видел стоящего рядом с собой курсанта Данкина. После того как Данкин стал громоотводом недовольства и ненависти наших инструкторов, я начал проклинать систему, по которой спальные места распределялись в алфавитном порядке. В то время как вся команда играла с сержантом-инструктором в «Саймон говорит», Данкин, как будто не слыша его команд, медленно одевался. Это заметил, конечно же, не только я, но и Олдс.

— У нас тут есть индивидуальность.

Олдс произнес слово так, как будто слово

«индивидуальность» являлось синонимом слова «маньяк».

— Курсант Данкин, что это вы делаете? — спрашивал Олдс, произнося слова в ритм барабанной дроби, которая, наверное, всегда звучала в его ушах.

Данкин не отвечал.

Не ответил он и сейчас. С отсутствующим взглядом, направленным на противоположную стену, он снял носок и вернулся в исходную позицию. Олдс концентрировал взгляд на пять сантиметров выше носа Данкина, шипя так, что его могли слышать только находящиеся в непосредственной близости:

— Я тебя вышвырну отсюда, щенок. Но прежде чем отправиться домой, я заставлю тебя страдать.

Данкин моргнул, Олдс набрал в легкие побольше воздуха и заорал:

— Правый носок! — в этот раз он даже не посмотрел, как быстро справились все остальные. — Слишком медленно!

После десяти таких раз мы взяли в руки сапоги, встали на колени и маршем потопали на своих четырех конечностях вокруг спальни. Олдс объяснил: медленно приводимые в исполнение приказы приводят к потере преимущества. Мой страх перед ШПО начал потихоньку перерастать в разочарование. Я не понимал правил игры. Всё было как в тумане, я ожидал от морской пехоты большего. Я ползал по кругу с сапогами на руках и мечтал о том, чтобы бросить всё и вернуться домой. Я бы мог провести остаток лета, работая телохранителем. Боец — это, наверное, не тот социальный статус, который мне нужен.

Когда Олдс объявил об окончании игры, мы оделись и отправились на площадку для занятия физкультурой.

Центром физкультурной площадки был красный деревянный помост. На нем, спиной к восходящему солнцу, стоял цветной сержант из Британской королевской морской пехоты. Он приехал из Соединенного Королевства по обмену, и ему определенно нравилось приводить в форму так жаждущую этого американскую команду.

— А, курсанты, доброе утро. Надеюсь, отсутствие биг-маков и просмотра шоу Джерри Спрингера хорошо сказалось на вашей готовности к утренним занятиям. Помните, ничто так не подтверждает ваших усилий, как рвота фонтаном.

На этот счет у меня тоже есть история. Спустя несколько недель после беседы с Томом Риксом я пошел в призывной пункт морской пехоты в Лебаноне, штат Нью-Гэмпшир. Над солдатским металлическим столом висели плакаты с девизами типа «Обдуманные действия всегда превалируют над масштабными

силами» или «Мы ищем хороших людей». Лозунги мне, определенно, понравились. Сидящий за столом сержант с резкими чертами лица оглядел меня сверху донизу и, не выдержав, рассмеялся. Он сказал, что может записать меня прямо сейчас, и к концу недели я уже буду сидеть в автобусе, идущем на остров Паррис. Но, так как я был студентом, он посчитал более приемлемым для меня воспользоваться программой подготовки офицеров, уточнив, что их офис занимается только набором в морскую пехоту. Клянусь, в тот момент я не понимал разницы между двумя этими предложениями. Он вручил мне визитку и пожелал всего хорошего. Сев в машину, я прочитал надпись на визитке. Капитан Стивен Эттейн, офис по подбору офицеров, Портсмут, Нью-Гэмпшир.

Спустя три недели я поехал в Портсмут. Нужный мне офис был запрятан в недрах центра по профессиональному ориентированию. Девушка, сидящая на регистрации, поздоровалась и предложила присесть на диван. Приемная была выдержана в нейтральных тонах, с мягким освещением, — честно говоря, я ожидал увидеть совсем другое. Когда дверь одного из кабинетов открылась, я встал. Знакомый уже мне капитан Эттейн, в своей синей форме, выглядел очень подтянутым, — прямо как офицеры на рекламных плакатах морской пехоты.

— Так вы решили, что обладаете необходимыми качествами офицера моего рода войск? — иронии во фразе было больше, чем вопроса.

Моим первым испытанием было прохождение теста на физическую подготовку. Наивысший результат — 300 очков; для того чтобы стать курсантом, нужно было набрать не менее 275. Тест был разделен на три этапа: подтягивание, отжимание и бег на три мили. Чтобы набрать 300 очков, нужно было подтянуться двадцать раз, не срываясь с перекладины и доставая подбородком до верхнего уровня планки, затем отжаться сто раз за две минуты и пробежать, уложившись в восемнадцать минут. Как триатлон: нужно уметь делать хорошо сразу три вещи. Трудно, но зато комбинация позволит верно определить уровень физической подготовки. В школе я играл в футбол и занимался кроссом, а в Дартмаусе считался хорошим велогонщиком, поэтому, покинув в тот день Портсмут, я был уверен в успешности прохождения теста.

Капитан Эттейн, здороваясь со мной во время моего следующего визита, спросил, с чего я бы хотел начать тренировку: с отжимания, подтягивания или бега. Поблагодарив его за то, что он спросил о моих предпочтениях, я ответил:

— Подтягивание, отжимание и затем бег.

— Отлично — ухмыльнулся он. — Тогда мы начнем с бега, потом отжимание и подтягивание.

Это было моим первым знакомством с нравами морской пехоты.

Наверное, я побледнел, и тогда он пояснил, что предложил начать с бега для моей мотивации. Двумя минутами позже я выбегал из парковки, а капитан Эттейн ехал позади меня на правительственном фургоне, сигналя и крича, чтобы я бежал быстрее. В 17.30 я пробежал три мили, свалился на траву, лег на спину, капитан уже стоял рядом со мной. По свистку я начал отжиматься. Девяносто восемь, девяносто девять, сто. До двух минут осталось десять секунд. Еще один блестящий результат. Меня скрутило. Мы зашагали к перекладине для подтягивания. Каждый вдох образовывал облако конденсата. Мое тело болело от бега и отжимания, но силы в руках были. Я подпрыгнул, ухватился руками за перекладину и начал подтягиваться. Капитан Эттейн громко считал:

— Тринадцать, четырнадцать, четырнадцать, четырнадцать.

Что я делаю не так?

— Не дрыхнуть — четырнадцать, четырнадцать.

Что значит «дрыхнуть»?

Я сделал двадцать подтягиваний, а его счет все еще не превышал четырнадцати. Руки дрожали и, несмотря на холод, капли пота падали мне на глаза. Я сорвался с перекладины, согнулся в коленях и выблевал свой завтрак прямо на траву. Когда рвотный рефлекс отступил, я спросил:

— Что значит «дрыхнуть» и почему вы после четырнадцати перестали считать?

— Ты раскачивал свое тело вперед и назад. Ты должен двигаться вверх и вниз по прямой линии. Думаю дать тебе еще один шанс, но и то из-за того, что тебя стошнило.

Эттейн посмотрел на свою планшетку.

— Двести семьдесят — неплохо. Нужно над этим немного поработать, и ты будешь готов к ШПО.

Стоя перед цветным сержантом в то утро, я был машиной. Я мог пробежать три мили за шестнадцать минут и сделать двадцать пять подтягиваний. К сожалению, в ШПО редко тестировали навыки дважды.

— В это утро вам придется много побегать. Мне нужны добровольцы, чтобы продемонстрировать весь процесс.

Двенадцать курсантов буквально сорвались с места, делая шаг вперед.

— Поднимите бревно.

Курсанты взвалили на плечи настоящий телефонный столб длиной в двадцать футов и весом фунтов четыреста. От столба очень сильно несло креозотом, на руках и плечах курсантов оставались коричневые пятна.

— Не бежать, — приказал цветной сержант. Они быстро шагали вокруг поля.

— Видите, это легко. Даже вы, идиоты, справитесь. Каждая группа берет по бревну. Поймайте меня, — сказал сержант, пробегая рысцой вниз по тропинке.

Мы решили распределить свои усилия — встать по росту, в противном случае тот, кто ростом меньше, не сможет удержать бревно. Сначала высокие: они будут сохранять быстрый темп. Дейв и я были самыми высокими парнями в команде, поэтому он стоял первым у бревна, а я — в футе от него.

Дюжина команд по дюжине человек в каждой команде наперегонки бежали по тропинке, мы смотрелись как многоножки, бегающие под бревном. Наши ноги двигались быстро, но не очень результативно. Мы топтались по грязным и скользким тропинкам, пытались пробраться между стволами деревьев. Пару раз столб чуть не свалился с плеч прямо на наши ноги. Я одной рукой держал столб, а другой пытался вытирать пот с глаз.

Впереди курсировал цветной сержант и, не стесняясь, высказывал свое мнение о будущем морской пехоты.

— Ваша морская пехота существует двести двадцать три года? Неплохое начало. Попытка, достойная уважения. Армия сделает из вас людей, — в это время сержант дошел до разветвления тропинки и свернул налево.

— Он направляется к броду. Как мы через него перейдем? — голос доносился сзади, мы все упорно пытались держать бревно и не поскользнуться на скользкой тропинке.

Точно, тропинка вывела нас прямо к бочагу со стоячей водой, к довольно глубокому броду. Остановившись у края воды, инструктор поднял камень размером в шар для боулинга. Он ждал, пока соберутся все команды, несущие бревна. Бросил в бочаг камень, расплескав воду, оттуда показались четыре змеиных головы.

— Вы хорошо поработали, поэтому я показываю вам, где находятся змеи. Давайте, лезьте в воду.

Ну что ж, мы начали присоединяться к змеям. Зашли в воду, стараясь плыть рядом с бревном, и, наверное, очень сильно напоминали буксиры, тянущие изо всех сил баржу. Я вырос в Чесапикском заливе и поэтому был сильным пловцом, но все равно, перспектива оказаться беспомощным под водой всегда

была моим самым худшим кошмаром. Курсант сзади, поскользнувшись в воде, оказался под бревном и начал «подбодрять» нас, крича, что есть мочи, всякие разные интересные словечки, которые, как только его голова погрузилась в воду, превратились в бульканье. Мое же внимание было сосредоточено на удержании рук на бревне, а головы — поверх воды.

— Пошли, пошли, ребята, еще немного вперед. Вот, хорошо.

Дейв передо мной старательно тянул бревно, время от времени оглядываясь на нас. Он окончательно промок, лицо покраснело, он все время щурил глаза. Было видно, ему было больно, он пытался концентрировать всю свою энергию, так как тянул за собой всю команду.

Через час после начала этого мероприятия Дейв повел нас обратно на солнечную площадку, с которой мы стартовали. Он пел под ритм нашего шага, а мы подпевали ему, уже из последних сил.

— «Рождён в лесу. Взращён медведем…»

У Дейва проснулось второе дыхание и он чуть ли не подпрыгивал под бревном.

— «…Зубов вдвое больше, чем у собаки. Тройная шуба собственных волос…»

Боль была во всем моем теле.

— «…С двумя магазинами и моей М-16. Я накачен и обучен…»

Мы вместе страдали и разделили нашу ношу на всех, мы были одной командой, и так было намного легче.

— «…Я американский морпех».

Олдс ждал нас на поле.

— Прекратите нести эту чушь. Вы не морские пехотинцы.

Мне показалось, что за маской его возмущения промелькнула маленькая тень удовлетворения нами.

— Душ после физкультуры. У вас есть четыре минуты. Мы уже опоздали на жрачку.

А еще не было и семи утра.

Душевые — это тоже одно из многих унижений, которые нам приходилось терпеть каждый день. Вода была холодная, и мыться приходилось с сорока самими близкими друзьями. Вода в душевой включалась тогда, когда курсанты раздевались. И принимать душ нам приходилось одним потоком — как говорится, «яйца к задницам». Воды всегда хватало, чтобы смыть грязь с конечностей, но никогда не хватало для ощущения чистоты тела. Мы вытерлись, оделись и замаршировали по парадной палубе, все еще задыхаясь после бега с бревном.

Взвод маршировал по три колонны, по дюжине человек в каждой. В ШПО мы ходили от одного объекта к другому только маршем, и все равно, в добавление к этому обычно час или два вечером маршировали на парадной палубе. Олдс называл это «вождением автобуса». Мы должны были маршировать от одного конца палубы к другому, повернуться кругом и промаршировать обратно, а потом еще раз и еще раз… М-16 мы носили на правом плече, придерживая рукоятку так, чтобы рука при этом была параллельна палубе. Вначале сержант Олдс сам задавал мерный шаг, но постепенно эта ответственность переместилась на нас. Где-то посередине парадной палубы, по пути в столовку, Олдс вытащил меня из ряда и поручил мне задавать шаг.

С первой же ноты я все перепутал. «Левой» стало «правой», а «правой» — «левой». Темп вообще получался то слишком медленным, то слишком быстрым. Взвод, как мог, старался не сбиваться, но я все-таки ужасно растерялся. Закончилось все маршем под названием «кто в лес, кто по дрова», и мы стали похожи на группу туристов во время утренней прогулки. Олдс накинулся на меня.

— Отставить, курсант. Ты знаешь, что случается с лейтенантом, который не может заставить своих солдат правильно маршировать?

Я крикнул:

— Нет, сержант-инструктор, сержант Олдс.

— Благодаря таким их солдат убивают в бою.

Такую судьбу в ШПО пророчили не только тем, которые не могли маршировать, но также и тем, кто не начистил сапоги до блеска, не отполировал бляшку на ремне или не успел достаточно быстро надеть носки.

— Ты хочешь, чтобы твоих пехотинцев убили?

— Нет, сержант Олдс.

И сразу же понял ошибку во фразе, только что слетевшей с моих губ.

Олдс заревел:

— Как ты меня назвал? Мы что с тобой друзья, заглянувшие после работы в кабак? Ты что, хочешь встречаться с моей сестрой?

— Нет, сержант-инструктор сержант Олдс, — заорал я.

— Курсант, я думаю, ты тюфяк.

Голос Олдса больше не был громким, он рычал, его лицо находилось в нескольких дюймах от моего.

— И я вышвырну отсюда всех тюфяков. Морские пехотинцы не должны допускать, чтобы их солдат убивали как мух. Запомните это.

Я был взвинчен. Я вернулся в строй, сослуживцы пытались меня подбодрить, говорили, что у каждого в жизни бывают беспонтовые дни. Но мне все равно было не по себе. Я хотел остаться в ШПО, я старался — как мог. Впервые в моей жизни желания и усилий не было достаточно. Я понял, единственный легкий день в морской пехоте — это вчера. Успех днем раньше не значил абсолютно ничего, а завтра могло не наступить. Я просыпался каждое утро в Квантико и удивлялся: неужели я еще в ШПО?

Столовая для курсантов находилась в невысоком здании на реке Потомак, чтобы добраться до нее, нужно было пройти через железнодорожные пути, пролегающие вдоль нашей казармы, и дальше, мимо парадной палубы. Рельсы мы переходили по мосткам, балансируя руками, туда и обратно, три раза в день. Триста семьдесят восемь раз за время летнего обучения. В ШПО курсантам не разрешалось носить часы, а настенных часов было крайне мало. Мы могли ориентироваться во времени только по часам приема пищи.

В столовке поднос в руках нужно было держать прямо перед собой, параллельно полу, локти прижаты, руки согнуты под углом в девяносто градусов. Сержант настаивал на этой позе — она напоминала ту, с помощью которой зажимают под мышками винтовки во время марша. Он утверждал, что описанный выше способ перенесения подносов — это самая лучшая тренировка мышц. Если, мол, мы этому не научимся, то в армии нам делать нечего. Между очередью и столами стоял ряд орущих инструкторов. После наезда на меня во время маршировки я пытался не выделяться. Я опускал голову и, стараясь не думать о том, что уходит положенное мне на прием пищи время, стоял по команде «смирно» и, ощущая непременное выделение слюны, слушал лекции на тему выносливости и преданности. Агрессия инструкторов, я полагал, не была спонтанной. Они провоцировали курсантов, которых, на их взгляд, нужно было

осадить. Поскольку я свою дозу на сегодняшний день уже получил, то добрался до стола без приключений.

Я сидел за столом из огнеупорного пластика — спина прямая, пятки вместе, стопы под углом в сорок пять градусов. Создавалась видимость благородной осанки. Но без хороших манер и без разговоров за столом. Я загребал пищу в рот. Моей целью на ближайшие несколько минут было запастись достаточным числом калорий для оправки от утреннего бега.

Большая часть среднестатистического дня, в промежутке между утренней физкультурой и ежедневной вечерней маршировкой, была заполнена занятиями. Мы маршировали в классы, находящиеся или в куонсетских ангарах, или в бывших ангарах для самолетов. Сесть за парты мы могли только по команде. Когда весь взвод стоял по стойке «смирно», Олдс кричал: «Готовы. Садиться!» — «Убить!» — кричали мы в ответ. Усвоение этого ритуала было первым шагом нашей подготовки к насилию. При этом у нас была одна секунда, чтобы упасть на стулья, иначе мы вставали и делали всё сначала.

У каждого курсанта был блокнот с отрывными листами, там он конспектировал лекций. Занятия проводили по большей части офицеры — капитаны и первые лейтенанты, метод преподавания был един. Мы запоминали имена и даты знаменитых сражений, а также подвиги знаменитых морских пехотинцев. Изучили четырнадцать характерных черт лидеров, восемь способов маскировки и шесть способов сражений в бою.

Поначалу учебный план казался нелепым. В гуманитарных дисциплинах, которым я обучался, всегда ценились дискуссия, дебаты и нюансы интерпретации идей. Но в бою, как нам говорили, редко бывает время на дискуссии и дебаты. Идеи должны быть простыми, а то они останутся идеями, так и не став действиями. Характерными чертами лидеров, о которых нам рассказывали преподаватели, были выдержка, мужество, решительность, надежность, выносливость, энтузиазм, инициативность, честность, рассудительность, справедливость, компетентность, преданность, тактичность и доброжелательность. Мы штудировали этот список, впрочем, как и все остальные, повторяли его снова и снова. Я повторял эти характерные черты в классе, в очереди в столовке и ночью в койке. Целью было, как нам говорили, довести наши знания до уровня инстинктивных. Для того чтобы они, при принятии тех или иных решений, срабатывали бессознательно.

Один из капитанов стоял перед классом и читал цитату Т. Е. Лоренса, лидера арабского революционного движения

против турок в Первой мировой войне.

> «Девять десятых тактических приемов понятны всем, они есть в учебниках, но последняя, десятая доля, она как зимородок, пролетающий над водой и отражающийся в ней то здесь, то там — это нюх полководца. Это интуиция, она обрамляется в мысли только тогда, когда ваш мозг натренирован до такой степени, что при стрессовой ситуации интуиция так же естественна, как рефлекс».

Он сказал, что нас обучат одной десятой этих приемов в ШПО, следующим пяти или шести — в Школе основной специальной подготовки (ШОСП). Остальные десятые можно познать только в бою. И познание этих десятых казалось нам очень далекой перспективой.

В течение первых трех недель я успел поспать в пяти разных койках — наши спальные места менялись, так как курсантов отчисляли. И как только кого-то отчисляли, одного из нас перемещали на его койку. Курсантов отчисляли по разным причинам. Двое из трех подпадали под критерий «Не годен по состоянию здоровья». Другие не могли понять концепции теоретических занятий. В этом случае формулировкой было «Неуспеваемость». Пока отчисленные освобождали свои прикроватные тумбочки, инструкторы оскорбляли и унижали их на полную катушку. С другими поступали еще хуже.

Курсант Данкин боролся за право быть морским пехотинцем с первой недели своего пребывания, после того как Олдс определил его как индивидуальность. Обвинение Олдса оказалось полной правдой. На этом примере я понял: наши инструкторы превыше всего ценили энтузиазм и преданность. Они хотели видеть в курсантах сердце и рвение, хотели видеть в них единую команду. Курсант, борющийся за право остаться, мог исправить свое положение усердием и своей деятельностью. Но Данкин выбрал другой курс.

Добавочное питание было строго запрещено. Мы пили воду и ели в столовке то, что давали. Всех курсантов предупредили, что если кого-то поймают при использовании каких-либо неположенных препаратов, то его ждут особые истязания с обязательным последующим отчислением.

Мы построились в казарме вдоль линии, готовые выполнить команду «отбой». У инструкторского же состава было другое мнение — они объявили осмотр прикроватных тумбочек. У Данкина в принадлежностях для чистки обуви нашли бутылку с

эфедрином. Он стоял и не скрываясь плакал. Сержант Карпентер спокойным голосом приказал ему собрать вещи и пройти в коридор. Все это — без криков и театральности, без оскорблений, только констатация факта негодности для рядов морских офицеров. Взвод стоял по стойке «смирно» и в тишине смотрел на сборы Данкина. Когда он повесил на плечо вещевой мешок и пошел между рядами коек, никто не проронил ни слова.

Данкин нарушил основное правило — правило доверия между командирами и подчиненными. Принципы лидерства — это больше чем список, который нужно вызубрить для теста. Надежность. Честность. Рассудительность. В тот вечер я впервые осознал отношения между сержантами-инструкторами и кандидатами в офицеры: учись подчиняться, прежде чем начнешь командовать сам. В первые десять недель команда школы имела нас как хотела. Они орали на нас, каждое утро заставляли по пятнадцать раз снимать и надевать носки, изматывали до предела с ранней зари и до отбоя. Но после получения нами звания офицера отношение к нам должно измениться. Курсанты станут лейтенантами, затем капитанами и полковниками. Они будут командирами, ведущими своих солдат в бой. У инструкторского состава есть обоснованная причина для отчисления курсантов: они не хотят иметь плохих офицеров, которые поведут своих солдат на верную смерть.

3

Я НА ПОЛПУТИ К ОКОНЧАНИЮ ШПО. Я стою перед строем, и на меня падает свет от прожектора. Я не мог маршировать, я не учел важного фактора: правый угол бляшки ремня должен был находиться над правой крайней пуговицей моих брюк. Моя реакция уже напоминает мазохизм. Я знаю: на меня сейчас начнут орать. Я смотрю в глаза моего истязателя и чувствую приближение очередного раунда оскорблений. Олдс выделял меня столько раз, что уже перестал называть меня по имени. Он говорил: «Так, так, так, и посмотрим, кто это у нас?» Или: «Какой сюрприз». Надо мной нависает опасность быть исключенным по формулировке «Отсутствие адаптации»…

В пятницу, после обеда, мы построились перед казармой, за нами стояли складные табуретки. По команде «Смирно. Сесть» мы сели: спина прямая, руки на коленях. Ждали речи командира нашего взвода капитана Фаннинга. Позже я понял, что команда инструкторов в ШПО — накопительная емкость молодых капитанов, возвратившихся в Квантико на повышение квалификации. Это тепленькое местечко, где можно расслабиться после службы на флоте: легкая работенка, мало контроля и нет угрозы безопасности. Как я уже говорил, инструкторами ШПО были сержанты, штаб-сержанты и орудийные сержанты, так что тогда, летом 1998-го, капитан для нас отождествлял почти абсолютную власть. Увидев его, мы вскочили на ноги.

Капитан Фаннинг был пилотом вертолета, он разговаривал мерно и спокойно. Мое внимание привлекли золотые самолетные крылья, прикрепленные слева над грудью. В руке он держал всего один листок бумаги, попросил сесть, посмотрел на нас с сочувствием, перемешанным с пренебрежением.

— Прошло пять недель. Целью ШПО является обучить, оценить и отфильтровать. В основном отфильтровать. Мы хотим увидеть, в ком из вас есть потенциал офицера морской пехоты. Это игра. Вы должны играть по правилам. Наши законы — это законы морской пехоты. Большинство из вас, наверное, в колледже были спортсменами.

Курсанты кивали головами, мы были рады услышать о себе хоть какую-то положительную оценку.

— ШПО ничем не отличается от футбола: чтобы играть в него, сначала нужно выучить правила. Поверьте мне, ШПО — это еще далеко не настоящая морская пехота. Просто выполняйте, что приказывают, и у вас будет шанс сделать карьеру и прожить достойную жизнь. У вас есть еще четыре недели. Потом начнутся

по-настоящему серьезные испытания.

До нас уже доносились невероятные слухи о серьезном испытании: три-четыре дня в лесу без еды и сна. Я начал растерянно думать об испытании, Фаннинг в это время посмотрел на свой листок и сменил тему.

— Сегодня я хочу поговорить с вами о лидерстве — о пяти правилах лидерства морской пехоты, которые помогли мне во время службы во флоте.

Я снял с ручки колпачок, думая о бесполезности записей этих фундаментальных принципов в столбик. Но Фаннинг не только прошелся по пяти правилам. Он рассказал об их значимости, о том, как он, будучи офицером, их использовал.

— Сначала, — говорил он, — вы должны быть подкованы технически и тактически.

Оправдания не принимаются. Нужно уметь разбираться во всем: в оружии, рации, самолетах и так далее.

— Быть хорошим парнем — это круто, но совсем не круто, когда половину группы, доверенной «хорошему парню», убивают только потому, что он плохо делал свою работу. Второе: принимайте своевременные решения и озвучивайте их.

В соответствии с речью капитана Фаннинга одной из самых фатальных ошибок является откладывание принятия решения до наличия ста процентов информации. В тумане боя у вас никогда не будет полной информации. Хороший, своевременно приведенный в исполнение план, — предупреждал он нас, — лучше плана самого продуманного, но несвоевременного. Принимайте решение и действуйте, будучи готовыми при необходимости принять другое решение.

Третий совет Фаннинга был прост:

— Будьте примером для солдат.

Глаза солдат всегда устремлены на офицеров. Мы задаем тон, и подчиненные выносят свое мнение о нас — хорошее или плохое — в соответствии с нашими поступками.

— Почему здесь и сейчас мы обращаем внимание на вашу форму? — спросил у нас Фаннинг. — Потому что ваши подчиненные будут обращать на это внимание.

Расхлябанность порождает расхлябанность, и маленькая невнимательность к себе повлечет расхлябанность подчиненных. Это, в соответствии с опытом морской пехоты, порождает взаимосвязь между моим незастегнутым ремнем и выживанием моей будущей команды.

— Четвертое: нужно знать своих подчиненных и заботиться об их благе.

Вспоминая морских пехотинцев, своих сослуживцев, Фаннинг

всегда улыбался. Ваши солдаты, говорил Фаннинг, войдут с вами в ворота ада, если будут уверены в вас и будут знать, что вы их никогда не подведете.

— Вы пока не офицеры, и это не про вас, — эту фразу Фаннинг сказал медленно, отчетливо произнося слово за словом. Он объяснял нам: основной составляющей данного рода войск являются срочнослужащие пехотинцы.

— Все остальные, включая вас, желающих стать офицерами морской пехоты, всего лишь поддержка для срочнослужащих солдат. И последнее, — говорил Фаннинг, смотря на нас. — Вырабатывайте в своих подчиненных командный дух.

Мораль такова: каждый должен чувствовать себя неотъемлемой частью команды.

— Это относится как к вам, так и к сержантам вашего взвода, — добавил он.

Новый лейтенант и его помощник должны разделить ответственность. Слишком часто, по словам Фаннинга, командиры взводов фокусируют свое внимание на поручении, а сержанты взвода следят за жизнью отряда.

— Каждый из вас должен делать и то и другое, — Фаннинг перевел теорию в практическое русло: — Какова разница между вами и сержантами вашего взвода? — Он сделал паузу и затем ответил сам: — Одна пуля.

Капитан Фаннинг не был генералом Джорджем С. Паттоном, стоящим рядом с американским флагом. Он не разбрасывался громкими словами и не размахивал пистолетом в воздухе. Наверное, поэтому его слова резонировали в моей душе. Он приподнял перед нами завесу настоящего мира морской пехоты. Мы начали осознавать связь между игрой и реальностью, между искусственным и настоящим давлением. Капитан Фаннинг объяснил нам предназначение игры.

В тот день я четко уяснил правила и начал жить в соответствии с ними. Одеваясь на счет, я старался двигаться быстрее, когда нужно было кричать, кричал громче остальных. Когда Олдс приказывал мне отдавать команды марширующим, я старался изо всех сил и никогда не сбивался. И он больше не говорил, что мои команды сбивают наш взвод с толку. Марш на самом деле не имел значения. Было важно уметь концентрироваться в ситуации, где ответственность за действия твоей команды лежит на тебе. Мы должны были развивать способность думать в любых возможных условиях. Не ради себя — ради солдат, за которых мы будем нести ответственность.

На следующий день после обеда начался отсчет нашего

выходного, который продлится двадцать четыре часа. Отец встретил меня у ворот в Квантико, и мы с ним поехали в Аннаполис. Я попытался описать ему ШПО — возмущение и смех моего отца были слышны на многие мили вокруг. Отец почувствовал то же, что чувствовал и я сам: Школа изменила меня, оставила в моей душе неизгладимый отпечаток. Я мог бы сказать ему в оправдание: ну ладно, это же всего лишь тренировка и ничего больше, можно воспринимать ее как обычную летнюю работу. Но себя ведь не обманешь: это было больше чем летнее развлечение. Патроны были холостыми, но испытания-то настоящие. Как говорили офицеры, нас отбирали по фактору наличия способностей быть командиром. Это был обряд посвящения, своеобразный рыцарский поединок, дуэль моего поколения. Я хотел пройти тест так, как еще ничего не хотел в своей жизни.

Взросление. Я уже проверял себя на спортивном поле. При плохой игре в футбол или проигрыше в кроссе можно было тряхнуть головой, попереживать вместе с командой и начать думать о следующей игре. В колледже я никогда по-настоящему не переживал за результат. Я готовился, готовился хорошо и ответственно и никогда не сомневался в итоге своих стараний. С первого года обучения в колледже я знал, что успешно его окончу. В ШПО я мог не получить офицерского чина. Меня могли исключить в любую секунду.

Будущее исчезло, а с ним и все мои эгоистичные побуждения. Я существовал только в настоящем. Было еще кое-что, заставляющее меня идти дальше — я теперь был частью команды. Я знал: каждая ошибка, совершенная моими товарищами, делает команду немного слабее. Большая часть американского общества избегает применения группового наказания, в ШПО же это было основным средством. Взводы сражались вместе. Вместе жили или погибали. Дисциплинарные взыскания применялись также ко всей группе. Богоявление имело место утром, через неделю. Мое тело находилось в упоре лежа при отжимании от пола. Сержант Олдс приказал всем принять такое положение, в то время как разносил в пух и прах за потертую обувь одного из курсантов. Он требовал, чтобы мы осознали: цель занятий не брать, а отдавать.

Наступил последний месяц лета. Дни пролетали один за другим. День, когда мы въехали в ворота Квантико, казался далеко в прошлом. Я вспоминал свои ранние ошибки уже с улыбкой. Меня очень долго тыкали в них носом, прежде чем я понял суть. Через неделю должно было состояться финальное испытание. Во время тестов нам предстояло показать все свои

знания, полученные на занятиях. Ходили волнующие слухи о церемонии после испытания. Нам вручат «Орла, Ядро и Якорь» — традиционные символы морской пехоты: символ того, что нам удалось «выжить».

В течение той последней недели каждый день заканчивался для нас так же, как и начинался: наш взвод строился в казарме вдоль линии. Мы стояли по стойке «смирно»: футболки, зеленые шорты и сланцы. Сержанты-инструкторы ходили с важным видом, поносили нас на чем свет стоит, но теперь в конце этих тирад мы все-таки слышали о себе и несколько слов похвалы.

— Вы самые худшие курсанты из всех, кого мы знали. Вы самые медленные. Самые тупые. Самые эгоистичные. — Олдс при каждом слове показывал то на одного, то на другого курсанта. Когда он все же не показал на меня, я облегченно вздохнул.

— Мы еще успеем отправить большинство из вас в колледж. Вы сможете продолжить играть в теннис, смешивать себе мартини и думать, что вы лучше тех, кто стоит на страже вашей свободы.

Он не блефовал. На этой неделе был отчислен один из парней нашего взвода. На этот раз — из-за низкого уровня строевой подготовки.

— Но у некоторых из вас есть сердце. И этих курсантов мы сделаем морскими пехотинцами. Они выйдут отсюда офицерами и будут убивать коммунистов для Сьюзи Роттенкротч.{1}

Эта Сьюзи была метафорой морских пехотинцев, говорящих о болтливой жене или девушке, которые остались у нас «на воле». Олдса волновал только один фактор — наша состоятельность при командовании солдатами. И заканчивал он одной из наиболее часто повторяемых сентенций:

— Если у вас маленькое сердце, вы, служа в морской пехоте, будете очень медленно продвигаться по карьерной лестнице.

Так что слова о том, что у некоторых из нас есть сердце, мы воспринимали как похвалу.

В конце каждого такого вечернего монолога мы «гидратировали». Гидратировать — это еще один термин морской пехоты. В морской пехоте не пьют, а гидратируют. Многие из выбывших курсантов провели свои последние часы в ШПО, лежа на картонной коробке со льдом, с торчащим, сами знаете где, ректальным термометром, носящим в морской пехоте название «серебряная пуля». Жара, стоящая в Виргинии в июле, не щадила ни высоких, ни маленьких, ни черных, ни белых, ни хороших курсантов, ни плохих. Она знала только гидратированность и негидратированность. Поэтому при команде Олдса «Всем спать!» никто из курсантов не медлил. Мы запрокидывали головы и с одного раза опустошали фляжки, потом переворачивали их вверх

дном, показывая, что они пусты. Один из нас случайно пролил воду на пол, и она образовала лужу у ног курсанта, стоящего напротив. Тот курсант продолжал смотреть прямо перед собой, чтобы не выдать товарища и, соответственно, не навлечь на него гнев инструктора.

Олдс показал на лужу рукой, он был зол:

— Это мой дом. К восходу лужа должна быть вытерта. И вам, придуркам, лучше сегодня не вставать ночью со своих кроватей. Если вам офицер приказал спать — значит, спать.

По команде «На полки!» мы взбирались на койки. Но даже тогда день еще не был окончен. Мы лежали по стойке «смирно»: руки по швам, пальцы сжаты в кулаки, пятки вместе, носки под углом в сорок пять градусов, взгляд устремлен в потолок.

Олдс стоял в центре казармы, скрестив руки на груди.

— Вни-и-и-ма-а-ни-и-е-е-е! — слово исходило не из его рта или даже легких, а откуда-то намного глубже. О происхождении этого звука знают только инструкторы и итальянские теноры. — Петь!

> — «От дворцов Монтесумы и до берегов Триполи…»[{2}]

Пятьдесят пять голосов на первой неделе обучения, затем — пятьдесят один голос, затем — тридцать восемь. Мы ревели «Гимн морской пехоты». Не гимн Корпуса морской пехоты, а именно гимн морских пехотинцев — ибо песня эта принадлежит морпехам.

> — «…В первых рядах сражаемся за правду и свободу, и за свою честь…».

Вся гордость, все сердце были в стихах, которые мы орали в потолок.

> — «…Если армия и флот вдруг увидят райские кущи, то обнаружат, что улицы там охраняются морской пехотой США».

В эту секунду, когда гимн был спет, когда звук, отражаясь от потолка, возвращался обратно, я слышал, как все мы, курсанты, затаили дыхание. Это были лучшие мгновения дня.

— Чем больше мы потеем в мирное время, тем меньше будет крови во время войны. Спокойной ночи, курсанты. — Олдс

выключил свет, а мы лежали по стойке «смирно» и смотрели на свет прожекторов, блуждающих по стенам.

7 августа 1998 года, когда до окончания обучения оставалась неделя, я встал с первыми лучами солнца — так волновался перед назначенным на предстоящую ночь финальным испытанием. Вспотев после утренних занятий, мы маршировали в столовку. Время обучения не прошло даром: теперь наш взвод функционировал как единый организм. Мы шли по парадной палубе, сами задавая себе ритм марша. Переходя мост, я увидел сержанта Карпентера, смотрящего на нас с бетонной площадки, находящейся за столовой. Взгляд у него был жесткий.

Подняв руку, тем самым остановив наше движение, он направился к нам.

— Курсанты, послушайте меня.

Я ожидал, что он опять пойдет вразнос, ругая нас за нарушение какого-нибудь вымышленного правила — ну, например, грязь в казарме.

— Террористы атаковали посольства Америки в Кении и Танзании. Взорвали их. Эти посольства охраняла морская пехота. Мои братья — ваши будущие братья — возможно, мертвы. Вы должны порвать врагов. Вы на пороге перемен. А теперь идите есть.

Мы жили в информационном вакууме: нет прогноза погоды, неизвестно, кто кого сделал в бейсболе, нет сведений о разрушении двух американских посольств.

В столовке, стоя в очереди, мы шептались, обсуждая услышанное.

— Что это значит?

— Война.

— Чушь собачья. Это ничего не значит. По крайней мере, для нас. Может, парни с флота и вмешаются, но точно не мы.

— Может, со временем?

— Да нет же. Третьей мировой войны не будет. Может, пара бомбежек… Направим на них наши ракеты, и на этом все закончится… Черт. Они опять пережарили блинчики.

Финальное испытание стартовало в десять часов вечера. После целого дня занятий сержант Олдс, как обычно, заставил нас петь гимн. Только вместо того, чтобы лечь спать, мы повесили на плечи вещмешки и вышли из казармы — нас ждал поход в лес. Мы должны были пройти десять миль. Олдс почти не кричал на нас. Он просто говорил, что нам нужно делать, и мы это делали. Сначала, разделившись на две колонны, шли вниз по дороге,

посыпанной гравием. Я топал сразу после Дейва. Он улыбался и насвистывал что-то совсем не в такт. Я был наполовину уверен: он хочет слинять отсюда. Свернув с дороги, взвод пошел уже одной линией, мы начали месить грязь на тропинке. Мы двигались параллельно болоту, которое я видел еще из окон автобуса, прошли посадочную площадку для президентского вертолета. База Квантико уже не была для меня тюрьмой.

Рассветало, когда сержант Олдс сказал, что пришло время для Квигли. Я уже слышал о Квигли. Мы все об этом слышали.

Большая часть заданий в ШПО успешно держалась в секрете, поэтому каждый день нас ждали неприятные сюрпризы, но Квигли, эта борозда со скользкой грязью, была прямо иконой тренировок в Квантико. Об этом испытании обычно рассказывают генералы, вспоминая, как все начиналось.

Мы медленно передвигались по канаве. Проходив всю ночь, мы ковыляли со скоростью, вполовину меньше обычной. Уже было девяносто градусов по Фаренгейту {32°C}, и вся моя форма была пропитана потом. Фляжка с глухим стуком ударялась о мою грудь после каждого шага, а веревки от вещмешка впивались в плечи. Курсанты, идя по борозде, начинали натыкаться один на другого. Задыхаясь, я с трудом дошел до перекопанного поля и увидел: наша канава упирается прямо в болото, а там — узкий деревянный мост. Увы, предназначался он не мне. Я должен был лезть в болото, идти рядом с колючей проволокой, ограждающей мост.

Болото было вонючее, серовато-желтого цвета. Я начал входить в него, не раздумывая, и этим хотел поразить инструкторов. Однако топь оказалась глубже, чем я предполагал. Я весь ушел под воду, вернулся туда, где стоял, и медленно, обогнув глубокий участок, продолжил двигаться в сторону противоположного берега.

Передо мной, тоже с трудом, шел другой курсант. Я решил нагнать его. Неожиданно он выпрямился, начал кричать и размахивать руками. На его локте висело что-то длинное и черное: змея.

«Боже мой, — подумал я, — здесь еще и змеи водятся». Я остановился.

Толчок в спину, в область между лопатками, и я падаю в воду.

— Что встал? Ползи быстрее.

— Есть, сержант-инструктор. — Из-за грязи, прилипшей к нёбу, голос получился искаженным, раньше так было только от арахисового масла. Я пошел дальше, прошел курсанта со змеей на локте, чувствуя на себе неотрывный взгляд инструктора.

— Ты не можешь сорвать операцию, твоих людей могут убить, пока ты пялишься на солдата, которого укусила безобидная маленькая змея. Пусть даже это будет большая ядовитая змея. Дисциплина прежде всего. А теперь убирайся с моих глаз.

Понятно, что Олдс имел в виду. Нужно всегда быть начеку — и прежде всего когда ты устал, голоден и находишься в некомфортных для себя условиях.

Следующие два дня я боролся с собой, стараясь всегда быть в боевой готовности, соблюдать дисциплину. Нас разделили на команды, по двенадцать человек в каждой, мы были командирами по очереди и все шли и шли в глубь сырого леса. Тактика была немудреной: дойти до объекта и взять его штурмом, стреляя при этом (конечно же, холостыми) из М-16. Операции в ШПО были направлены больше на выработку духа войны, чем на тренировку наших навыков.

Обе ночи шел дождь, мы спали в походных палатках эры корейской войны. Дождь и изматывающее, непреходящее чувство голода (нас кормили раз в день), объединившись, не давали нам уснуть. На третий день, в обед, лица курсантов, вымазанные грязью, в полной мере отражали все те бесчисленные атаки, предпринятые нами, и весь тот путь, который мы совершили. За несколько часов до окончания нашего финального испытания я тупо рыл яму, чтобы не заснуть.

— Курсант, черт возьми, что ты делаешь? — По голосу Олдса я мог предположить, что делаю не то, что должен был.

— Копаю «лисью нору»,[{3}] сержант-инструктор сержант Олдс.

— Копаешь *что*?

— «Лисью нору». — Я перестал копать и попытался встать в стойку «вольно», одновременно держа в руках лопату и поднимая каску повыше, чтобы лучше видеть сержанта.

— Лисы роют норы, чтобы в них спрятаться. Пехотинцы роют окопы, чтобы из них убивать врагов. Ты собираешься прятаться в этой яме или использовать ее как средство для уничтожения врагов?

{Для морпеха всё на свете может служить оружием — в этом заключается совершенно иной образ мышления. Моя пластиковая ложка из «сухпая» ПГУ (Пища Готовая к Употреблению) была оружием, если я использовал её в качестве изолятора в радиоантенне для обеспечения связи с самолётами при вызове и корректировке авиаударов.}

— Средство, сержант-инструктор.

— Правильно. Кто тебя прикрывает, пока ты роешь средство для убийства врагов?

Я посмотрел на кусты, в надежде увидеть трех других

курсантов, находящихся в моей группе огневой поддержки. Они храпели.

— Курсант, морские пехотинцы всё делают в парах. Мы сражаемся в парах, вдвоем ходим в разведку. Поезжай на нашу базу в Таиланд, и ты увидишь, мы даже трахаемся в парах. Морского пехотинца-одиночку легко убить. Морского пехотинца с напарником хрен убьешь. Сделай так, чтобы я больше тебя одного не видел.

«Тренируй своих солдат, чтобы они были единым целым, одной командой», — резюмировал я наш диалог. Я ругал себя: ну почему я так сильно хочу спать!

Несколько позже мы упаковали все свои походные принадлежности и отправились назад, к «парадной палубе». Громадные серые вертолеты CH-53 «Супер Стэльен»,{4} размерами превышающие школьные автобусы, ждали нас, чтобы доставить в ШОСП. Это был мой первый полет на вертолете. Мы сели на нейлоновые скамьи вдоль бортов грузового отсека, и я смотрел, как за грузовой аппарелью провалились вниз из виду «парадная палуба» и наши казармы. Пролетая над трассой I-95 я увидел машины, полные людей — это, скорее всего, были загородные жители, едущие по своим делам в Вашингтон. Они все были чистенькие, хорошо покушавшие, отдохнувшие, свободные в выборе работы и отдыха. И вдруг я осознал: несмотря на все вышеперечисленное, я бы не поменялся местами ни с одним из них.

После посадки в ШОСП, Школе основной специальной подготовки, нас разбили на группы по четыре человека. Каждую группу встречал второй лейтенант, сопровождавший ее в столовку. Мы положили в тарелки макароны и пиццу, ели медленно. В этот раз ни один сержант-инструктор за нами не следил. Никто не орал на нас за то, что мы смотрим по сторонам, или за то, что мы не поставили пятки вместе. Но через несколько секунд мы уже пришли в себя.

Поев, все пошли на построение. Мы были грязными и откровенно воняли, но тем не менее каждый из нас стоял прямо и уверенно. Ряды и колонны были идеально ровными. Сержант Олдс прошелся по всем рядам, останавливаясь перед каждым курсантом, чтобы пожать его правую руку и положить в левую холодный кусок металла. Я надеялся, Олдс скажет мне что-нибудь воодушевляющее, может, заметит мой большой прогресс в военном деле или скажет, что был рад видеть меня в числе своих курсантов. Вместо этого он посмотрел на меня неморгающим взглядом и процедил: «Для тебя на этом еще ничего не закончено».

Но наше обучение подошло к концу. Я держал в руках столь желанные «Орел, Ядро и Якорь». Олдс подошел к следующему курсанту. Кусок металла был длиной в один дюйм, анодирован черным и имел булавку, — наверное, чтобы носить его на форме. Это символ морской пехоты, увековеченный в Америке на бамперных наклейках и бейсболках. С этой булавкой в руках я мог вернуться в колледж, но если я вернусь в Квантико, то буду уже вторым лейтенантом.{5}

4

12 ИЮНЯ 1999 ГОДА я стоял в библиотеке Дартмауса с поднятой правой рукой и давал присягу в качестве второго лейтенанта морской пехоты: «Торжественно клянусь охранять и защищать Соединенные Штаты Америки от всех врагов: внешних и внутренних».

Мама прикрепила на мои эполеты золотые нашивки, а отец подарил настоящий меч. Благодаря лету, проведенному в Квантико, я знал, меч этот служит символом экспедиции лейтенанта Пристли О'Баннона, предпринятой в 1805 году с целью защиты своего народа от берберийских пиратов. Но никогда не думал, что он имеет хоть какое-нибудь отношение к морской пехоте. Впервые в жизни, надев синюю форму, я чувствовал себя чудаком, заявившимся в гости в костюме, который остался после Хеллоуина.

Окончив ШПО, я мог уйти из морской пехоты без всяких обязательств. Многим очень нравилась эта программа, потому что человек, окончивший ШПО, мог пойти на службу в любое время в течение четырех лет.

Мы могли продолжить обучение в колледже и хорошенько обмозговать: нужна нам морская пехота или нет. Однако мне не надо было ничего обмозговывать: ШПО отложила во мне свое семя. К тому же я не хотел, чтобы мои десятинедельные усилия прошли впустую.

Моих однокурсников по Дартмаусу вскоре ждет построение для получения дипломов, а затем собеседования при приеме на работу. И хотя мы еще маршируем в одной команде, живем в одном мире и вместе прогуливаемся по солнечным улицам, я уже начал чувствовать неминуемый ветер перемен. Начал замечать изменения в собственном мировосприятии. Моя толерантность к абстрактным теориям и академическому знанию напрочь исчезла. Теперь меня не интересовали философия или языки, я хотел служить во благо своего народа и во имя интересов своей страны. Когда морские пехотинцы отправлялись в Косово, Македонию или Либерию, я каждый день пытался отслеживать развитие событий. Мировые проблемы стали ближе, у них было лицо — морская пехота.

Мне было приказано приехать и зарегистрироваться в ШОСП в любое воскресенье. В ноябре 1999 года я возвращался в Квантико от своих родителей, живших в Росслине, штат Виргиния, и вспомнил о мемориале Корпуса морской пехоты,

расположенном на холме, рядом с рекой Потомак. Решение было спонтанным: посетить. В последний раз я был в мемориале еще ребенком, и сейчас мне очень захотелось взглянуть на него снова.

Ночь была звездно-холодной, за рекой, благодаря освещению прожекторов, были видны вашингтонские памятники. Мемориал Корпуса морской пехоты также освещался прожектором. Американский флаг развевался над пятью морскими пехотинцами и одним санитаром военно-морского флота. Памятник был создан по мотивам фотографии, сделанной Джо Розенталем а 1945 году, на которой были запечатлены пехотинцы, поднимающие американский флаг на горе Иводзима. Лица пехотинцев на памятнике очерчены только рельефно. Нет имен, нет званий, нет каких-либо отличительных особенностей. Ясно одно: эти парни были морскими пехотинцами.

Обойдя вокруг памятника, я прочитал о развитии военных действий — текст был оформлен на граните золотыми буквами. В войне за независимость, как гласила одна из газетных реклам, «нужны хорошие люди» для формирования нового рода войск — морской пехоты. Во время испанской войны корреспондент Ричард Хардинг Дейвис описывал события такими словами: «Морские пехотинцы сошли на берег, и теперь ситуация под контролем». В Беллау Вудс в 1918 году первый сержант Дэн Дэли вел своих людей в бой с криком: «Вперед, сукины дети. Вы же не хотите жить вечно?» На Иводзиме погибли около 6000 морских пехотинцев и еще 17000 были ранены во время захвата острова размером в одну восьмую Вашингтона. Адмирал Честер Нимитц резюмировал итог этой кампании: «Необычайное мужество было ожидаемым». При военных действиях в районе Чосинского водохранилища, где первая дивизия морской пехоты боем прокладывала себе дорогу через китайский капкан, погода была такой холодной, что в баках застывал бензин. В Ливане, где 23 октября 1983 года уничтожались первые отголоски терроризма, у бараков с морскими пехотинцами был взорван грузовик с бомбами, в результате чего погиб 241 американец.

Выгравированные названия военных кампаний резонировали в моем сердце. Меня поразило не прошлое. И не выгравированные названия. Меня поразило пустое место ниже выгравированных слов. Оно предназначалось для описания военных действий, которые произойдут в будущем. Я смотрел на текст цвета золота и пытался представить, какими будут следующие названия. В ту тихую ночь 1999 года я не мог себе даже вообразить, что могу стать участником последующих событий.

Кампус ШОСП, носящий название Кэмп Барретт, был больше

похож на старый муниципальный колледж, чем на колыбель корпуса офицеров морской пехоты. В это первое утро понедельника я смотрел на лейтенантов, снующих туда-сюда по классам. В руках они держали портфели и пластиковые кружки с кофе и были похожи на выпускников. В Кэмп Барретте была дюжина зданий: две казармы, несколько классов, бассейн, театр, оружейный склад, и все это было окружено полями, на которых росла трава. У этих полей было двойное предназначение: вертолетные площадки или место для игр.

Примечательностью Кэмп Барретта был Железный Майк, бронзовая статуя морского пехотинца с винтовкой в правой руке, машущего кому-то левой. Имя Майк, пожалуй, неверно, потому что статуя очень напоминает подполковника Уильяма Лефтвича, который в 1970 году командовал во Вьетнаме Первым разведывательным батальоном. Мы, новоиспеченные лейтенанты, не знали о Первом разведывательном ничего, за исключением того, что он считал себя самым лучшим. Затем его присоединили к войскам морской пехоты, и батальон начал называться Первой дивизией морской пехоты. На знамени дивизии изображены череп и две скрещенные берцовые кости на голубом фоне с алмазами и надписью «Молниеносно, безмолвно, смертельно».

В чрезвычайных ситуациях при десантировании подполковник Лефтвич всегда был со своей командой из разведывательного батальона. Эти операции были самыми опасными, сопровождавшимися большими потерями, воевать морпехам приходилось с противником, имеющим большое численное преимущество. Но погиб подполковник не в бою. В один ненастный день вертолет с Лефтвичем и набранной им командой добровольцев под названием «Приставалы» врезался в гору. Погибла вся команда…

Как-то утром наши занятия начались у Железного Майка. Я стоял рядом со статуей и чувствовал общность с историей

морской пехоты и ее героями. Вокруг меня стояли шесть взводов из роты «Альфа», 224 человека, каждому из которых недавно было присвоено звание «второй лейтенант». Около меня оказался долговязый парень с кривой улыбкой. Я повернулся, чтобы познакомиться.

Он пожал мне руку и представился:

— Джим Бил. Теннеси.

В то утро я не мог себе предположить, сколько всего нам с ним придется пережить в следующие два года. Его самодовольная уверенность как-то успокаивала — еще один показатель того, что Школа основной специальной подготовки сильно отличается от Школы подготовки офицеров. В казарме мы с Джимом жили в соседних комнатах. Взводы, состоящие из сорока лейтенантов, были разделены на отряды по тринадцать-четырнадцать человек. Отряды, в свою очередь, были поделены на огневые группы по четыре-пять человек в каждой. Ближайшие полгода мы должны были провести в Кэмп Барретте, изучая все, что может пригодиться офицерам морской пехоты. Нашей мантрой было: «Каждый пехотинец — хороший стрелок». Вследствие этого имеем еще одну мудрость: «Каждый офицер морской пехоты — командир взвода стрелков». В войсках морской пехоты служат пилоты реактивных самолетов, штабные, водители грузовиков, но в первую очередь — бойцы-пехотинцы. В ШОСП нас обучат основным навыкам, законам, положениям, административным нормам, которые могут пригодиться военным в мирное время. Главной темой разговоров в ШОСП был подбор офицеров на ВУС. Военно-учетная специальность — это то, чем человек будет в первую очередь заниматься, служа в морской пехоте. Можно стать летчиком, артиллеристом, заниматься материально-техническим обеспечением, управлять танком, быть пехотным офицером и так далее — и все это на конкурсной основе. Больше всего желающих было стать пехотными офицерами.

Президент Гарри Трумэн однажды сказал, что механизм пропаганды морской пехоты уступает только механизму работы Сталина. Он был прав. Я был в шоке, когда командир моего взвода, капитан Мак-Хью сказал, что только 10 процентов из нас станут пехотными офицерами. Остальных ждут другие рода войск: артиллерия, морской десант, танковые войска. Можно пойти служить в администрацию или заняться финансовым менеджментом.

Мак-Хью предупреждал о том, что сначала нужно изучить все возможные специальности, а потом уже принимать решение. Я кивал головой, но знал: меня устроит только должность пехотного офицера. Я хотел простоты, присущей человеку с

оружием, который пешком преодолевает большие расстояния, ходит под парусом, преследует врага, принимает решения и использует знания, полученные во время обучения. Я не хотел, чтобы самолет или танк перешли мне дорогу, и уж точно не собирался делать бумажную работу. Я жаждал испытаний. Морская пехота недавно начала кампанию по привлечению добровольцев, ее лозунгом было: «Никому не нравится воевать, но должны быть люди, которые знают, как это делать». Лозунг не пошел — пехотинцы любят воевать, и в офицерах всегда вырабатывается желание воевать.

Я чувствовал общность со всеми солдатами, даже с теми, кто участвовал в битве при Фермопилах. Изменились оружие и тактика, но это лишь внешняя оболочка. Люди не изменились. При наличии солдат-наемников и военных ударов, часть меня, думающая, что я родился слишком поздно, привела меня в пехоту. Отвага здесь все еще в цене. Морская пехота — это обряд посвящения в общество, ставшее настолько слабым и гомогенизированным, что позволяет себе насмехаться над каждой не вписывающейся в ее рамки идеей.

В первую неделю обучения в ШОСП капитан Мак-Хью попросил нас подготовить список военно-учетных специальностей, которые мы хотим постичь. В списке должно быть двадцать четыре пункта. Он сказал, что этот список понадобится ему как при оценке нашей деятельности в период обучения, так и при принятии решения о зачислении на одну из трех первых специальностей, выбранных нами. Основным критерием отбора будет «принцип служебной необходимости». В листке я указал три самые, на мой взгляд, приоритетные специальности: пехотный офицер, пехотный офицер и пехотный офицер.

— Лейтенант Фик. — Капитан уже успел пробежаться глазами по спискам. В его голосе звучало недовольство: — Хитрожопые здесь не очень приветствуются. Укажите три специальности.

— Я хочу быть только пехотным офицером, сэр.

— Мы не всегда получаем то, чего хотим, лейтенант. Половина людей, находящихся здесь, хотят стать пехотинцами. Морская пехота определит вас на ту должность, в которой вы ей необходимы. Единственный способ получить работу, которую хотите, — заслужить по этому предмету самую высокую оценку среди всех. Вы думаете, вы сможете это сделать?

Вспомнив о том, как я из кожи вон лез, только чтобы хоть как-то закончить ШПО, я решил выбрать в качестве второго и третьего пунктов моего списка морской десант и танковые войска.

Я любил ШОСП так же сильно, как ненавидел ШПО. Джим говорил шутя, что ШОСП — это акроним «Шею опять свернули пехотинцы». Скорость марша увеличилась, изучаемый материал был интересным и, в конце концов, нас тренировали, а не отфильтровывали. Первый месяц обучения прошел преимущественно на стрельбище, в учении стрелять из М-16 и 9-мм пистолета «Беретта». Некоторые парни, казалось, взяли в руки оружие и пошли на охоту сразу после того, как начали ходить, я же стрелял за всю жизнь всего лишь раза два или три. Морская пехота — это оружейный клуб, и прежде всего для пехотных офицеров. Я осознавал не очень успешное свое начало. У меня было три недели для обучения стрельбе. В последнее утро, это «зачетный день», мы должны будем получить оценку за стрельбу. И в соответствии с оценками нам выдадут значки, которые мы будем носить на своей форме. Справившиеся с заданием получат значок «Хороший стрелок», результат лучше даст право носить значок «Меткий стрелок», наилучший результат обеспечит право на значок «Специалист».

Джим сравнивал значки с презервативами и их размерами: L, XL, XXL.

Я смеялся, но в моей голове вертелась четко сформированная мысль: ни один уважающий себя пехотный офицер не может стоять перед взводом своих солдат, если у него значок меньше чем «Специалист».

Курс стрельбы на известную дистанцию предполагал поражение целей, имеющих форму людей, с расстояния двух сотен, трех сотен и пяти сотен ярдов очередью и отдельными выстрелами. Отдельные выстрелы должны быть сделаны за одну минуту с позиций сидя, на коленях и стоя. Стрельба очередью подразумевала огонь, выбор другой цели — опять огонь, и так десять раз за одну минуту. Мы целились через «механические прицелы», а не оптические, и я очень хорошо уяснил для себя: хорошая стрельба — следствие дисциплинированности. Здесь не нужен дзен-буддизм, и от удачи мало что зависит. Делай что говорят, и ты попадешь в цель.

Морская пехота обучала трем основополагающим компонентам меткой стрельбы: взять под прицел, опираться на кости, ощущать цель физически. «Взять под прицел» — значит сделать так, чтобы мушка, целик и мишень образовали прямую линию, и это довольно легко. «Опираться на кости» означает установить оружие на самую твердую поверхность, имеющуюся в наличии, то есть кость. Мускулы и сухожилия не находятся в состоянии покоя, они могут даже трястись, а кости, опершиеся на

землю, — все равно что штатив камеры. Третий элемент, физическое ощущение цели, является самым важным компонентом. Нужно начать физически ощущать яблочко в мишени. Сделайте так, чтобы спусковой крючок и ваше дыхание стали одним целым, и тогда вы попадете в цель.

Две недели, приходя на стрельбище еще до восхода и вплоть до середины дня, мы учили все нюансы этих основополагающих компонентов. Поняв, что постоянность — ключ к меткой стрельбе, я стал просто маниакален: каждое утро один и тот же (легкий) завтрак, одинаково сложенная одежда, тот же метод чистки оружия в конце каждого дня. Погода стояла отличная: прохладное утро, дающее дорогу теплому солнцу, ветра почти не было. Идеальная погода для стрельбы.

Стрельба на очки началась на третьей неделе, но нас предупредили, что считаться будут только результаты стрельбы в четверг. Максимально за курс можно было набрать 300 очков; чтобы получить «Специалиста», мне нужно было заработать 220 очков. В среду вечером, лежа в постели, я думал о постоянности. Мне нужно было воспроизвести все идеально, и в нужной последовательности. Единственным элементом выше моей власти была погода.

Я проснулся в четверг в 4.00, потянул веревку, убрал жалюзи с единственного окна в комнате. Дождь хлестал по траве, а голые деревья словно танцевали на ветру. Стояло холодное декабрьское утро. Черт. Получив оружие, мы построились на стоянке за пределами кампуса, нам предстояла трехмильная пешая прогулка к стрельбищу. Еще и часа не прошло, как я сполз со своей теплой постели, а сейчас мне, пыхтя, приходилось взбираться по склону, носящему название «Кардиак Хилл». Тяжести каждому шагу подъема из бухты добавляла слякоть, мой тяжелый вещевой мешок и струя рвоты лейтенантов, чей завтрак был более основательным.

Когда мы дошли до стрельбища, было еще темно. Я с трудом различал красные флажки, показывающие направление ветра. Флажки наклонило аж параллельно ветру. То был самый сильный ветер во время моей стрельбы. Сидя в темноте на чехле своей М-16, я дрожал от холода и ждал, когда будет достаточно светло для начала стрельбы. Я думал об основных правилах. Взять под прицел, опираться на кости, ощущать цель физически. Делай то, чему тебя учили, и ты попадешь в цель.

Я трясся от холода. В вещевом мешке лежали свитер и куртка, и я боролся с мыслью, что мне нужно что-нибудь надеть. Постоянность. На этой неделе дни были потеплее, и мне не нужно было надевать куртку. Этот лишний миллиметр ткани на моей

руке может привести к негативным последствиям при прицеливании в маленький черный диск, находящийся на расстоянии в пять футбольных полей. Я усилием воли заставлял свой организм не чувствовать холода.

— Магазин с десятью патронами заряжай! — Голос командира стрельбища эхом доносился сквозь туман. Он стоял в башне позади нас.

— Готовься! Когда появятся цели, можно стрелять.

Я заставил себя дышать ровно, от моего дыхания ствол слегка опускался и поднимался. Прислонив локоть к телу, я начал ерзать на мокрой поверхности, пытаясь образовать единое целое с оружием, своими костями и грязью. Естественный ритм дыхания позволил мне почувствовать контроль над ситуацией, цель уже сама оказалась в центре прицела. Я нажал на курок.

Вправо от цели. Настроил прицел с учетом сноса пули ветром, выстрелил снова.

Опять вправо от цели.

Расслабься. Дыши легко. Нужно вернуться к основам. Нужно не воспринимать отвлекающие факторы. Не холодно, нет дождя, ветра тоже нет. Делай то, чему тебя учили. Выстрой линию. Хорошо обопрись. Легко нажимай на курок.

В яблочко.

Мои следующие двадцать выстрелов попадали прямо в черный круг. Я стрелял механически, почти, рефлекторно. Как нам говорили не один десяток раз, нужно много практиковаться и тем самым довести стрельбу до уровня инстинкта. Нас обучали люди, умеющие это делать действительно хорошо. К тому времени, как я подошел к пятисотярдовой линии, на моем счету уже было 231 очко.

Инструкторам очень нравилось показывать нам на кипы тактических инструкций, которых всегда было полно на наших столах, и говорить: «Эти руководства написаны на крови ваших предшественников: капитанов и лейтенантов. Учитесь на их ошибках, а не повторяйте их». Морская пехота остается верна философскому принципу «ползай — иди — беги», поэтому мы сначала проводили уйму времени в аудиториях, и только затем шли в лес, чтобы на практике закрепить то, чему нас научили. Поначалу основу занятий составляли формулировки, совсем как в ШПО.

Мы изучили шесть способов ведения отряда, они значились под аббревиатурой НППООР. Начать планирование. Подготовиться к разведывательным действиям. Произвести разведку. Окончить планирование. Отдать приказ. Руководить.

Другой акроним, МВМО-В, мы использовали для оценки ситуации через призму тактики, для того чтобы окончить планирование: миссия (т. е. операция, акция), враг, местность, отряды, наличие поддержки огневой бригады, время. Нас учили правильно отдавать приказы. А это значило не выкрикивать их как полоумному, а оформлять письменно в пятиабзацном формате, который носит название СМВРК: ситуация, миссия, выполнение, руководство и материально-техническое обеспечение, командование и связь. Мы написали дюжину таких приказов.

Обучение в ШОСП идет намного дальше механического запоминания, образовывая некое смешение шахмат, истории, бокса и истории игры. Мы изучали неясность обстановки и несогласованность действий войны, при которых самые легкие вещи становятся сложными. Во время нашего письменного теста по предмету инструкторы врубали на полную громкость тяжелый рок, швыряли в наши головы теннисными мячиками, стреляли прямо в лицо из водяных пистолетов. Мы должны были усвоить урок: нужно уметь концентрироваться в любых условиях, не отвлекаться на посторонние обстоятельства, просто делать свою работу. Нас обучили динамизму ведения боя. Мы будем сражаться не с восковыми людьми в замке. Как говорили наши инструкторы: «У врагов тоже есть мозги».

Мы сражаемся с людьми, в свою очередь, сражающимися с нами. Мы учимся в бою, и они учатся тоже. Их тактика эволюционирует вместе с нашей. Ключевой аспект любого тактического маневра — «повернуть карту на 180 градусов». Посмотреть на свою ситуацию глазами врага. Каковы наши уязвимые места? Куда он может направить свой удар и как мы можем расстроить его планы?

Скорость, учили нас, — это оружие. Будьте агрессивны. Придерживайтесь высокого темпа. Отличительной чертой морской пехоты является маневрирование в бою: обойти стороной хорошо защищенные позиции и бить в слабые места. Нам рассказали о том, что нерешительность — это тоже решение, о том, что бездействие иногда стоит больше каких-либо действий. Хорошие командиры действуют и создают благоприятные возможности. Великие командиры безжалостно используют эти возможности, приводя врагов в замешательство.

Постоянная фокусировка на командирах напоминала о том, что даже в двадцать первом веке войны ведутся людьми, а не машинами. Командиры обязаны командовать там, где они могут повлиять на ситуацию. Офицеры морской пехоты, говорили нам, всегда на передовой. В хаосе они чувствуют себя как дома. Нам говорили о приоритете в приказах морской пехоте: «Скажи мне

что сделать, а не как это сделать». Децентрализуйте командование и позвольте подчиненным, в рамках приказа командира, действовать свободно. Тренируйте их как команду.

Это искусство войны. Нам уже хотелось выйти из леса и применить эти принципы на практике.

5

В ШОСП НАС ОЦЕНИВАЛИ по трем параметрам: лидерство, теоретические дисциплины и военные навыки. Самым значимым был последний пункт, первым в списке таких навыков было тактическое командование. Большую часть зимы мы провели в лесах и полях, окружающих Кэмп Барретт, в качестве команд и взводов отрабатывали тактические маневры. Мы атаковали и оборонялись, устраивали засаду и нападали из нее, патрулировали территорию и ходили в разведку. Командиром назначался то один, то другой лейтенант из команды. Перед каждой операцией командиры писали и отдавали официальные приказы. Иногда приказы занимали дюжину страниц, объясняя каждую деталь ориентирования, указывая средства связи, перераспределение снабжения и действия, которые необходимо предпринять при нападении на врага.

При необходимости составления письменных приказов мы жаловались друг другу и матерились. У нас что, во время боя будет на это время? В том-то и дело, что, конечно же, нет. Мы написали так много приказов в формате СМВРК, что все его компоненты прочно впитались в наше сознание. В декабре, когда мне дали тактическую задачу и одну минуту для определения ключевых моментов, я мог назвать пять таких моментов. К марту я называл уже тридцать. В мае — пятьдесят. Оценка нашего обучения набирала свои обороты, наши действия тоже становились быстрее. Мы научились использовать скорость в качестве оружия, находили возможности и использовали их.

Однако нередко процесс обучения был болезненным, иногда даже унизительным. В один снежный день меня выбрали в качестве командира, моей задачей было повести команду в атаку обороняемой высоты. Из-за белых оврагов я был в полной дезориентации, по карте не смог найти наше местоположение и повел двенадцать морских пехотинцев, порученных мне, к другой горе. Затем, вслед за разозленным капитаном, шел с виноватым видом к нужной горе, которую мы впоследствии и атаковали. Несколькими неделями спустя, с данным себе обещанием больше никогда не запутываться на местности, я был выбран капитаном Мак-Хью для руководства взводом во время патрулирования. Я выбрал дорогу, по которой наш враг, по моему предположению, обязательно должен был пройти, и разделил взвод пополам, чтобы устроить засаду не по одному направлению, а сразу по двум. Часы проходили один за другим, а мы все сидели в снегу, пристально следя за тропинкой. Ближе к закату показалась

огневая группа из четырех человек, медленно шагающая в нашу сторону. Я отдал команду, и лес в ту же секунду наполнился гулом приведенных в действие тридцати пяти пистолетов и автоматов. Меня начинало наполнять чувство удовлетворения, но тут капитан Мак-Хью приказал подойти к нему:

— Твое расположение — хрень собачья. Если бы у вас были настоящие пули, та половина взвода, — он показал на оставшуюся группу, стоящую на противоположной стороне дороги, — быстро бы вас всех перестреляла. Я сидел два часа и ждал, когда вы их заметите.

Одной из основных оценок за боевую подготовку считалась оценка за «Неделю ЗиН», сокращенно от «Защита и Нападение». Эта проверка проводилась как раз перед отбором на военно-учетную специальность.

Это было завершающее испытание, устраиваемое нашим начальством для отбора лейтенантов в пехотные войска. Капитан Мак-Хью был ко мне крайне неравнодушен. Во время наших последних занятий в поле он схватил меня за руку. Мы стояли на холме и сквозь деревья, распускающие свои почки, могли видеть окрестности на сотни ярдов вперед в любом направлении.

— Лейтенант Фик, у меня для вас задание. — Мак-Хью напоминал мне Джошуа Чемберлейна, героя Гражданской войны — высокого, брутального уроженца Новой Англии. В его улыбке можно было увидеть всю палитру эмоций — начиная со злобы и кончая садизмом. — Морская пехота сражается ночью. Сегодня впервые твой взвод будет воевать ночью. Я хочу, чтобы в этой первой ночной атаке ты был командиром взвода. — Капитан Мак-Хью пробежался по плану действий, применяя МВМО-В. По данным разведки, в нашем районе находился вражеский взвод. Он охранял забазированный запас. Моей задачей было до полуночи определить местоположение и уничтожить взвод. Мак-Хью улыбнулся и добавил: — Местность будет очень сильно напоминать Квантико.

Эта шутка была весьма распространенной: все наши операции в гипотетических странах мира отрабатывались на местности, похожей на Квантико.

И, конечно же, миссию будет сопровождать инструктор личного состава, капитан Гибсон. Гибсон был пехотный офицер, с какой-то неестественно натянутой кожей лица. Впервые я заметил его сидящим в своей синей парадно-выходной форме в баре Кэмп Барретта. Он носил награду за храбрость в бою. Один из лейтенантов спросил, за что его наградили.

— Я делал свою работу, — ответил он.

Сейчас Гибсон стоял рядом со мной, наблюдая, за вертолетом, приземляющимся на посадочной полосе прямо за нами.

— Этот запах… этот запах. — Гибсон закрыл глаза, как будто вспомнив об очень вкусной еде. — Запах выхлопов реактивного двигателя вертолета, ожидающего тебя и твоих солдат — морских пехотинцев, для высадки на поле боя. Я люблю этот запах.

Я не очень-то понимал его чувства и старался сфокусироваться на миссии. Ночная атака. Тридцать пять человек. Незнакомая местность. Я просматривал список тактических рекомендаций, которые мы проходили на занятиях. Сначала нужно было определить место расположения врага. Повернуть карту на 180 градусов. Я развернул заламинированный лист, находящийся в кармане. Продовольствие означает пути снабжения, то есть дороги. В нашей зоне было лишь два перекрестка, и сегодня мы уже патрулировали один из них на участке в несколько сотен метров. Он не был оккупирован. Я мог поспорить на что угодно: вражеский взвод располагался на другом пересечении дорог. Я прикинул план своих действий. Начать разрабатывать план операции. Подготовиться к разведывательным действиям. Произвести разведку.

— Сэр, я хочу произвести разведку этого перекрестка, — я показал ему место на карте. — Начинать нужно сейчас, до заката мы должны быть на месте.

Я расположил взвод по узкому периметру. До нашего возвращения он будет охранять вершину горы. Я взял трех пехотинцев, и мы отправились в, путь, к выбранному мною месту, сопровождаемые следующим за нами, словно тень, на расстоянии нескольких метров капитаном Гибсоном. Мы очень торопились. Я хотел быть на том перекрестке еще до заката, нужно было увидеть местность в свете дня и затем вернуться для инструктажа взвода. Тропы и реки, «естественные природные пути», для пехотинцев являются быстрой смертью, использование их в опасной ситуации является тактическим грехом, который нас учили никогда не совершать. Я повел свою команду вниз, к бухте, представляя себе, как капитан Гибсон зачеркивает в своих записях «пехотные войска» и вписывает вместо этого «материальное обеспечение». Но риск был просчитан, это не была игра в рулетку. Мы должны были торопиться, а эта маленькая долина может стать очень удобным местом передвижения взвода в темноте. Туман. Естественный шум природы. Это упростит задачу.

Впервые за всю неделю я был благодарен штату Виргиния за сырой климат. Влажность воздуха заглушала шепот наших голосов, лязг оружия и звук ломающихся веток. Мокрые листья

хорошо утрамбовывались нашими ботинками, и мы шли по ним как по ковру с большим ворсом. Долина заканчивалась у склонов холмов, и дальше нам приходилось взбираться вверх. В соответствии с моей картой третья такая долина должна привести нас прямо к перекрестку. Я пытался сравнить линии на карте с витиеватым пейзажем. Когда мы дошли до третьего ущелья, я встал на колени у дубового дерева и подозвал к себе остальную команду.

— Это наш шанс. Будьте внимательны, запоминайте все, даже мелочи. Я привяжу к этому дереву инфракрасный маячок, чтобы в темноте у нас было на что ориентироваться.

Я вытащил инфракрасную палку, которую можно было увидеть только через приборы ночного видения, и поломал ее на несколько частей. При помощи изоленты, обмотанной вокруг карабина моего разгрузочного жилета, я привязал эти куски на уровне коленей к стволу дерева, располагая их так, чтобы, когда мы будем возвращаться обратно, их было видно, из долины, но не было видно из лощины, находящейся рядом с тем перекрестком, куда мы направляемся.

Мы молчали, медленно передвигаясь вверх по лощине. Не пройдя и трехсот метров от дерева, я опять упал на колени. Чувствовалось какое-то движение, и это не было шумом природы. Сквозь густую листву прямо перед нами было видно светлое пятно. Слишком светлое. Дело рук людей.

Очень медленно, на руках и коленях, мы поползли вперед, передвигаясь диагонально от лощины к высоте, откуда можно было все хорошо разглядеть. Бросалась в глаза свежеперекопанная земля красно-оранжевого цвета. Вражеский взвод рыл окопы. Я лег на живот и начал советоваться с командой о том, нужно ли нам подходить ближе. Мы их нашли. Теперь, присмотревшись, можно было вычислить их размещение, может быть, даже крайние точки обороны. А сделав это, мы могли бы вернуться сюда со всем взводом и напасть с флангов. Это лучше, чем нападать на центральные укрепленные позиции. Мы могли бы обогнуть их и напасть сзади. Маневрировать. На капитана Мак-Хью это бы произвело впечатление.

Но сейчас я старался отгонять от себя эти мысли. Разведка уже прошла успешно. Мы обнаружили врага и отметили маршрут, которым ночью последует весь взвод. Корысть может стоить мне всех моих заслуг. Если мы подойдем ближе, нас могут засечь. Самым умным решением будет вернуться и быть благодарным за все, что удалось узнать. Я помнил: «Принимай решение, если у тебя есть 80 процентов информации». Хороший план сейчас лучше, чем идеальный план позже. Мы пересекли порог

срабатывания. Информации достаточно, чтобы сделать работу, теперь нужно ее делать. Мы медленно передвигались назад вдоль одной из сторон лощины. Команда шла вокруг меня в походном порядке, мы поднялись вверх по долине, к ожидающему нас взводу, осторожно, чтобы не оставлять следов.

Были сумерки. Я проинструктировал командиров отделения. Для подробного боевого приказа времени не было. Я был благодарен инструкторам за все эти месяцы тренировок. Операция. Враг. Местность. Схема связи. Возможные потери. Определение местоположения. Поддержка огневой бригады. Я пробежался по плану. Лейтенанты понимающе качали головами, соглашаясь с тем, что мы выбрали самый разумный план действий. Мы выдвинемся через час после заката.

* * *

Я повел нас, выпускников военного училища, к нашему последнему заданию. Мы шли среди деревьев, общаясь безмолвными взглядами и жестами. Над головой светила четверть луны, ее света было достаточно, чтобы среди деревьев видеть силуэты морских пехотинцев, но недостаточно для того, чтобы наши силуэты отбрасывали тени. Очки ночного видения помогали мне осматривать местность, я надеялся, что инфракрасная палочка оправдает свою характеристику, указанную в инструкции: восемь часов рабочего времени. Каждый морской пехотинец является, по своей сути, циником, а каждый циник знает: наше снаряжение сделано подрядчиком, запрашивающим наименьшую цену. Я корил себя, что не привязал к дереву две такие палочки. Для циников два — это один, а один — это ничего.

Я начал беспокоиться — не прошли ли мы нужный поворот? Нет, все в порядке — впереди виден свет. Мы остановились. Все морские пехотинцы по команде опустились вниз и так, едва ли не на четвереньках, начали передвигаться по уже разведанному нами ранее периметру. Всматриваясь в холм, я увидел наконец едва заметные очертания вырытой земли. Увидел красный тусклый свет фонарика, прыгавшего в руках человека, который шел по линии вражеской позиции.

Они все еще были там и, по всей видимости, опять не догадывались о нашем присутствии.

Я схватил за руку Джима Била, ответственного за пулеметы.

— Давай пулеметы на вершину вон того холма. Очень тихо. Я поведу взвод в обход справа.

Джим кивнул, и я прошептал:

— Мы начнем с позывным сигналом, с дублирующей его зеленой ракетой, а затем ты начнешь огонь. Стреляй по диаметру, мы будем наступать слева направо. Бей по целям. Понятно?

Джим кивнул. Я планировал начать атаку сигналом по рации. Если это не сработает, я выпущу в воздух зеленую сигнальную ракету. Мы атакуем врага, а пулеметы, в помощь нам, будут обстреливать вражеские позиции. Надеюсь, они сметут всех и вся, как хорошие газонокосилки.

В то время, как Джим подползал к холму с пулеметами, командиры отделений собрали своих бойцов для окончательной корректировки деталей нападения. Нам нужно было спешить, поскольку настало время максимальной опасности: слишком много людей передвигалось сейчас на расстоянии, очень близком от вражеского стана. Концепции ведения войны говорят о необходимости трехкратного численного преимущества атакующей стороны. Соотношение наших сил было примерно один к одному. Если нас засекут, мы потеряем свое единственное преимущество: внезапность. Наши «враги», парни, расположившиеся около пересечения дорог, также были морскими пехотинцами, их обучали тому же, чему и нас. У них должен быть караульный патруль, и если мы не наткнемся на него в темноте, то нам очень повезет. Я надеялся на нашу удачу.

Мы дошли до исходного положения атаки без шума и стрельбы. Я глубоко вздохнул и в последний раз посмотрел на компас. Нельзя допустить, чтобы пулеметы обстреливали одну позицию, а мы начали бы атаку с другой.

— Пулеметы, начинайте обстрел, — прошептал я в рацию.

Ответом было пулеметное «тра-та-та». Патроны были холостыми, но звук стрельбы все равно раздавался очень громко. Тихая ночь превратилась в единую цепь гула и грохота.

«Пошли!» — закричал я. С этой секунды никакого шепота. Я попытался встать в любимую позу подполковника Лефтвича: показал рукой с автоматом на наши цели и повел взвод вперед. Мы рассредоточились по холму, вспышки в воздухе помогали сориентироваться. Наше местоположение было выбрано точно в яблочко. Поддержанные пулеметами, мы атаковали противника прямо по восточному флангу. Целью каждой нападающей стороны и страхом каждой обороняющейся стороны является обстрел продольным огнем: стрельба ведется вдоль всего расположения войск, так, чтобы в цель попадало как можно больше пуль. Мы стреляли продольным огнем прямо по окопам. Морские пехотинцы пытались дотянуться из спальных мешков до своего оружия, а мы тем временем обстреливали их холостыми

патронами.

Но не все шло как по маслу. Сквозь дым и шум я увидел капитана Гибсона и капитана Мак-Хью, они двигались по холму в нашу сторону и были похожи на ангелов смерти. «Ты уже мертвый. Ты тоже мертвый». Они показывали и на моих морских пехотинцев, и на обороняющихся офицеров, в которых «попадали» холостые выстрелы. «Ложись на землю, ты уже мертвый».

Слева от меня стреляли и стреляли. Заряды были холостыми, а вот огненное пламя, вырывающееся из дула, было настоящим. Стоя в центре вражеского укрепления, конечно же вместе с капитаном Гибсоном, находящимся несколько в стороне, я орал своим морским пехотинцам:

— Укрепить позиции!

Из-за деревьев и окопов появились темные силуэты, они образовывали вокруг холма сужающийся круг. Благодаря огромной удаче и хорошей разведывательной вылазке мы завершили одну из самых сложных пехотных операций: обнаружение и захват в темное время суток укрепленной вражеской позиции. Я был очень горд собой.

— Лейтенант Фик, пойдем со мной. — Мак-Хью повел меня назад, к траншейным линиям, вниз по холму. — Хорошая атака, быстрая, тщательно продуманная и хорошо организованная. Но я хочу, чтобы ты посмотрел вокруг.

Он потянулся к карману, запустил белую сигнальную ракету. Она просвистела высоко над головой, развернув свой парашют, отбрасывающий на холм движущиеся тени. На земле лежали тела моих морских пехотинцев. Одиннадцать из взвода в тридцать пять человек.

— В теории это очень хороший результат. Ты захватил вражескую позицию, превосходящую числом, и потерял меньше трети своих людей. Но это одиннадцать писем одиннадцати матерям, одиннадцать похорон, одиннадцать имен, которые ты не забудешь до конца своей жизни. Сегодня ночью ты сделал хорошую работу, но она тебе досталась дорогой ценой. Если ты выиграл сражение, ты все равно проиграл.

Свет от сигнальной ракеты тускнел, а я все смотрел на тела моих солдат.

Капитан Мак-Хью улыбнулся:

— Дорогие морские пехотинцы, встаньте. Вы исцелены. Идите дальше и побеждайте.

«Жмурики» встали, отряхнули форму и медленно поплелись к вершине холма.

Мак-Хью жестом показал, чтобы я шел за ними. Он положил руку на мое плечо:

— Это была легкая атака. Не нужно было координировать поддержку с воздуха, не было артиллерии, фланги противника тоже были свободны. Это игра, закрепляющая полученные навыки: враг не был рассеян по местности, и вы знали его местоположение. На Курсах пехотных офицеров задачи будут труднее. — Я стал как вкопанный и посмотрел в глаза Мак-Хью. — Официально результаты обучения будут оглашены только в следующем месяце, — сказал он, — но я собираюсь сделать тебя пехотинцем.

Окончание ШОСП было большим событием для всех, кроме пехотинцев. Джим, неразговорчивый житель штата Теннеси, с которым я познакомился шесть месяцев назад, поехал в Оклахому, в артиллерийское училище, а другие наши однокурсники отправились в Пенсаколу или Сан-Диего. Мы перенесли наши немногочисленные вещи в комнаты на втором этаже казармы. Здание Курсов пехотных офицеров (КПО) было прямо через дорогу. Это одиноко стоящее кирпичное строение обладало таинственной аурой. На нем была надпись «DECERNO, COMMUNICO, EXSEQUOR» — «Прими решение, сообщи о своем решении, приведи его в исполнение». Ни один из нас не называл это здание КПО, для нас оно было «Кирпичным домом» или «Мужским клубом». Если бы морская пехота была последним бастионом мужества американского общества, то КПО были бы самым святым, что в нем есть. Непосредственно перед окончанием ШОСП офицеры, которые через двадцать восемь часов станут членами роты «Альфа», были созваны в КПО на собрание.

Мы пошли группой, и тут же, у стеклянных дверей, образовался затор. На стенах висели награды от морской пехоты Америки и награды нашим пехотинцам от иностранных войск: боевые ножи, разноцветные нашивки с такими лозунгами, как «Смерть при касании» и «Чего бы это ни стоило». Здание было холодным, темным и тихим. Какой-то рыжеволосый капитан, быстро спустившись по лестнице, буквально впихнул нас в аудиторию. Его грудь и плечи так и порывались порвать камуфляжную форму. Он взошел на кафедру, по-хозяйски обхватив ее руками. Ладони его были настолько огромными, что он спокойно мог бы накрыть каждой баскетбольный мяч.

— Джентльмены, я капитан Новак, ваш куратор. У меня есть для вас задание.

Мы все посмотрели друг на друга, думая-гадая, какой будет наша первая миссия в КПО.

— Класс, который был набран перед вами, собирается на этой

неделе на полевые учения. — Мы уже слышали, что наши комнаты в казарме будут чуть больше прикроватных тумбочек. Полевые учения проходили каждую неделю и чуть не всю неделю занимали по времени. — Я хочу, чтобы вы, пока нас не будет, скосили траву с газонов и вымыли все кровати. — Новак повернулся корпусом назад, как будто собирался уходить. — И добро пожаловать в КПО. Здесь совсем не так, как вы думаете.

6

ЗАДАЧЕЙ КПО БЫЛО создать самого лучшего командира пехотного подразделения в мире. Добиться этого за десять недель было делом трудным. Если в ШПО мы ползали, а в ШОСП ходили, то в КПО мы должны были стать идеальными спринтерами. Мы изучали весь спектр операций морской пехоты — не только обычный бой, но и бесчисленные градации поддержания мира, воспитания новой нации, что и делали военные после окончания Персидской войны.

Дело происходило летом 2000 года, еще до нападения на корабль ВМС США «Коул» в октябре и до событий 11 сентября. Войска США, с нашей, еще зеленых офицеров, точки зрения, были оснащены всем необходимым для военных действий на постсоветском пространстве и в Сомали. Но в военной пехоте происходили перемены, и все работали над подготовкой к следующей войне. Тем летом ходили слухи о «военном конфликте малой интенсивности». Военные интервенции 1990-х годов, как нам рассказывали на занятиях, преподали морским пехотинцам урок: «военные конфликты малой интенсивности» были отнюдь не «легким сражением». Мнение уже окончивших курсы офицеров было таково: взвод, вроде нашего, подготовленный к нападению на укрепленные позиции врага, сможет проявить себя с максимальной эффективностью. Взвод, вроде нашего, имеющий хорошее разведывательное подразделение, действующее методом засад, сможет сам разобраться в том, как лучше строить обучение. Личный же состав КПО (преподаватели) утверждал, что все эти разговоры, по большому счету, лишь не подтвержденная фактами теория; нам пообещали сделать все максимально возможное для подготовки нас к любым возможным вариантам развития военных событий. Преподаватели говорили прямо, и это вселяло в нас уверенность. Тем более что мы понемногу уставали от атаки вершин холмов. Мы знали: мир — это не только местность, похожая на Квантико.

Военные конфликты «малой интенсивности» накладывали на молодых офицеров и их морских пехотинцев особые требования. Мы изучили концепцию «трехблоковой войны». По этой модели морские пехотинцы должны были снабжать рисом один городской квартал, патрулировать и сохранять мир в другом, а в третьем вести полномасштабную перестрелку. Ментальная гибкость — вот ключ ко всему. Вторая концепция, над которой мы работали, — это «оперативно-стратегический базис». Каждое действие морского пехотинца может иметь стратегическое последствие,

хорошее или плохое. Ну и, пока военные конфликты на горизонте не маячили, мы отрабатывали действия по пресечению массовых беспорядков, гуманитарные миссии, а также учились работать со средствами массовой информации.

После того как ты напичкан всякой разной информацией, очень сильно начинаешь задумываться о неоднозначности работы. Я понял, что, несмотря на брутальную оболочку, большинство морских пехотинцев являются в душе идеалистами. Капитан Новак, очень сильно похожий на пехотных офицеров, которых показывают по телевидению, честно и искренне говорил о том, что в качестве командиров мы несем ответственность за три аспекта: быть готовыми действовать всегда и везде, всегда побеждать и работать с личным составом так, чтобы по возвращении в общество наши морские пехотинцы стали даже лучше, чем были до того, как попали под наше командование. Командиры морально обязаны быть защитой для своих подчиненных, обязаны действовать во благо своих солдат. Моральные принципы командиров — вот что отличает боевое подразделение от своры вооруженных людей.

Капитан Новак прикрепил кнопкой лист с цитатой к стене аудитории. Это была цитата из книги Стивена Прессфидда «Врата огня», о битве спартанцев при Фермопилах:

> «Ничто так не воспламеняет мужество в сердце воина, как те моменты, когда он с товарищами оказывается на грани смерти, на волоске от разгрома и уничтожения — и при отсутствии духа не позволяет поддаться панике, запрещает отдаться во власть отчаяния, но вместо этого заставляет выполнить обычные действия, повинуясь приказу. Мужество, идущее изнутри, но являющееся следствием железной дисциплины и хорошего обучения. Именно это Диэнек всегда объявлял высшим достоинством воина. Выполнять обычное в необычных обстоятельствах.
>
> И совершать это не в одиночку, как Ахилл или герой прежних времен, нет, — действовать как часть целого. В мгновения хаоса чувствовать рядом с собой братьев по оружию, товарищей, которых даже не знаешь по имени, с которыми никогда вместе не учился военному делу, но которые заполняют пространство рядом с тобой сейчас — со стороны щита и со стороны копья, спереди и с тыла. Увидеть, что товарищи сплачиваются как один, — не в безумной и неистовой одержимости, а в полном порядке, невозмутимо. Понять, что каждый знает

свою роль в битве и справляется с ней».[2]

Иногда, во время занятий, Новак останавливал нас жестом, указывающим на листок:

— Джентльмены, все, что вам нужно, — здесь. Мы воюем не с мечами в руках, но во всем остальном ничего не изменилось.

Я переписал цитату в блокнот, так я смогу пробегать по ней глазами, когда буду уже на корабле.

* * *

Теоретические занятия в аудиториях были изматывающими, но все же КПО — это прежде всего курсы подготовки к военным действиям. Все три месяца мы в основном уезжали из Кэмп Барретта в понедельник утром и возвращались в пятницу вечером, посвящая недели напролет стрельбе из пулеметов и минометов, учились управлять артиллерией и поддержкой с воздуха. Для обучения бою в населенном пункте нас привозили в специально построенный город со зданиями из шлакоблоков, он носил название «Город сражений». Там, парящим июльским утром, я постиг для себя еще один важный урок.

Я был командиром взвода, получившим задание штурмовать здание в центре города. Противоборствующие военачальник и его кадровый состав находились внутри здания, а улицы кишели бандами вооруженного сопротивления. Было дано десять минут для планирования операции. Я собрал команду. Было решено двигаться методично, от квартала к кварталу, пока не дойдем до цели. Прикрывать передвижение взвода будут стрелки из миномета и бронетанковая техника. К заданию был вполне применим тот метод, который я хорошо отработал еще во время памятной ночной атаки в ШОСП.

Услышав все это, Новак кинул свою планшетку прямо в грязь, крича:

— Твои мозги работают не в ту сторону! Если в вашем мозгу царят неуверенность и нерешительность, вы никогда не придумаете хороший план.

Он замолчал. Он хотел, чтобы я понял: каждую операцию осуществлять максимально быстро. Она должна быть неожиданной. В действиях должна быть жесткость.

Он говорил, американцы, особенно молодые американские мужчины, склонны к некой игре на публику. Два парня в баре сталкиваются лбами, встают лицом к лицу и начинают покрывать

друг друга всеми ругательствами, которые знают. Если дело доходит до драки, то, значит, они пытаются защитить свою честь и поступают так зачастую ради своей репутации. Это и есть игра на публику. Морские пехотинцы на поле сражения должны вести себя как хищники. В том баре, хищник бы вежливо улыбнулся в лицо своему противнику, подождал, пока тот отвернется, и затем разбил бы о его голову первый подвернувшийся, под руку стул.

По новому плану мы должны были высадиться с вертолета на крышу нужного здания. Без шума, без пошаговой стратегии. Это и значило: быть хищниками.

Ближе к окончанию КПО внимание инструкторов было сосредоточено на смертельном оружии морского пехотинца — его мозге. Новак учил нас боевому складу ума — сюда входила и тактическая необходимость быть хищником, и моральный долг вовремя подвести черту. Натасканные таким образом, мы были готовы для действий в условиях самых строгих запретов общества.

Как-то утром мы вместе с еще одним лейтенантом вошли в аудиторию, оставляя за собой следы от мокрых ботинок. До начала занятий оставалось несколько минут. Капли мелкого дождя стучали о стекло окна. Мы громко разговаривали и чувствовали себя очень счастливыми, так как находились в помещении, у нас были кофе в кружках из пенополистирола и датский сыр, и мы не мокли в «Городе сражений». На доске прописными буквами было начертано всего одно слово: УБИЙСТВОЛОГИЯ.[{6}]

Однокурсники вокруг меня делали вид, что разговаривают о бейсболе и своих приключениях на выходных, но я видел: глаза всех устремлены на единственное слово, написанное на доске.

Открылась дверь, вошли капитан Новак с каким-то человеком. Мы его раньше не видели. Новак повел этого мужчину прямо к кафедре.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Новак. — Вы слышали, как из моих уст выходили слова о том, что операцию нужно приводить в исполнение быстро. Она должна быть неожиданной. В действиях должна быть жесткость. Ожесточенность действий необязательно означает наличие оружия или особой тактики. Она должна быть заложена в вашей голове. — Новак повернулся к мужчине. — Это доктор Клит Ди Гиованни. Здесь мы называем доктора Ди Гиованни «Доктор Смерть» — он психиатр. Прежде чем начать копаться в голове у людей, он был офицером оперативного управления ЦРУ и входил в состав Группы специального назначения, воевавшей во

Вьетнаме. Так что мы говорим на одном языке, — Новак повернулся к доктору Ди Гиованни, но потом снова наклонился к микрофону: — И еще кое-что. Лейтенант Фик, доктор тоже выпускник Дартмауса. После занятий вы можете посплетничать на общие темы.

— С добрым утром, морские пехотинцы. — Доктор Ди Гиованни говорил официально и сдержанно. — У меня не очень подходящее прозвище, так как моей работой является сделать так, чтобы вы и ваши солдаты как можно дольше оставались живыми.

Он дал определение убийствологии: «Изучение реакции здоровых людей на убийство». Результатом исследования являются факторы, облегчающие стресс после убийства и помогающие организму вернуться в комфортное состояние после продолжительного отрезка времени, когда человек подвергался постоянной опасности быть убитым. Ди Гиованни объяснял: боеспособность для пехотинца намного важнее таких навыков, как стрельба из оружия или способность нести на своих плечах тяжелый груз. Все остальное основывается на психическом здоровье. Он назвал пять пунктов, которые помогут пехотному командиру поддерживать психическое равновесие своих солдат во время боя: необходимо минимизировать утомление сном (спать где и когда это только возможно); между командиром и солдатами должен работать принцип доверия; необходимо поощрять общение; при наличии свободного времени надо практиковаться оказывать друг другу первую медицинскую помощь; после сражения следует производить разбор действий, чтобы шок от боя и/или убийства был хотя бы адресным.

— И поверьте мне, джентльмены, шок будет, — сказал он.

Затрещал диапроектор — перед нами, на экране, появился белый квадрат света. Ди Гиованни объяснил: первым шагом к пониманию темы его лекций является демонстрация насильственной смерти.

— Фотографии, которые вы сейчас увидите, очень образные. На них молодые пехотные офицеры, такие же, как и вы, во Вьетнаме.

На фотографиях действительно были молодые офицеры, но после ужасных травм головы или торса. Мне приходилось прищуриваться и наклонять голову, чтобы понять, где у жертвы глаза, а где рот или скула. Рана от винтовки с высокой скоростью полета пули: разорванные кости и плоть, когда-то живой человек на фотографии практически не обладает отличительными чертами своего биологического вида. Я не мог уложить увиденное в своей голове. Командиры взводов, окончившие те же курсы, что

и я, отправились на свое первое боевое задание. Они проснулись утром, надели ботинки, съели завтрак и даже подумать не могли о том, что вечером они уже будут «экспонатом А» для учебной программы по убийствологии.

Основой обучения в морской пехоте был практический опыт. Занятия Ди Гиованни не стали исключением. Самое близкое к Квантико поле сражения оказалось в окрестностях вашингтонского пригорода Анакостия. В пятницу ночью я и два других лейтенанта настороженно стояли у одной из стен находящегося в Анакостии реанимационного отделения Главного военного госпиталя округа Колумбия и ждали, пока внесут человека, пострадавшего от несчастного случая.

Врачи и медсестры приглашали наблюдателей из морской пехоты на ночное дежурство, так как в это время было больше жертв насилия, случаев, связанных с употреблением наркотиков или разборками уличных банд, да и сам персонал чувствовал себя с нами в большей безопасности. Для нас программа была возможностью увидеть огнестрельные и колотые раны в стерильной обстановке, без стресса от боя и лицезрения умирающих друзей.

Нас сопровождала молодой ординатор хирургического отделения. Наверное, мы выглядели так, как будто нам было скучно: подпирая стены, молча наблюдали за нескончаемым потоком пациентов с больным горлом или вывихнутым голеностопным суставом.

— Не переживайте, парни, — сказала она. — Сегодня жаркая летняя ночь. После десяти-одиннадцати часов машины «Скорой помощи» будут приезжать одна за одной.

Она оказалась права. Первой пациенткой травматического отделения стала девушка-подросток с дюжиной ножевых ранений в спину. Проколотые легкие. Следующим был парень нашего возраста, ему молотком переломали ноги. Из кожи торчали кости, он мне больше напоминал жареного цыпленка, чем человеческое существо. После полуночи мы увидели, как врачи подбежали к дверям, чтобы быстрее встретить каталку. Раньше они этого не делали. Мы спросили, кого везут.

— Огнестрельное ранение в голову.

Мужчина на каталке выглядел так, как будто был сделан из воска. Около раны виднелось множество маленьких ожогов — выстрел в упор. Оружие было малокалиберным, может быть, 22-й калибр. Рана была не сквозной. Пуля находилась в черепе, мозги превратились в кашу. Он был первым мертвым человеком на моей памяти, и, как обещал доктор Смерть, для меня это стало

большим шоком.

В следующий понедельник мы отправились на большое полевое учение. Я сидел на своем рюкзаке на краю посадочной зоны и ждал прилета вертолета, когда внезапно появился капитан Новак, назвал мое имя и имена трех других офицеров. Мы быстро встали и подошли к нему, он повел нас к деревьям, чтобы оставшиеся не смогли нас ни увидеть, ни услышать.

— Джентльмены, когда вы вернетесь к своим, скажете, что мне пришлось поставить вас в известность о провале вашего последнего письменного теста.

Должно быть, я выглядел озадаченным.

— На самом деле вы его не провалили. У меня есть секретное задание для каждого из вас. На этой неделе ваши команды будут действовать независимо друг от друга. Начиная с завтрашнего дня, каждый из вас должен сделать так, чтобы максимально изолироваться от других. С вами должны меньше общаться, вы будете игнорировать друг друга и остальных. Кульминацией миссии станет ночная атака в четверг. Нападение будет запутанным, как сам ад. К тому времени все должны проникнуться к вам полнейшим негативным отношением.

Один из лейтенантов спросил, зачем нам нужно это делать.

— Инсценировка психической неустойчивости. Ваши кореша почувствуют хаос на вкус, исчезнет доверие друг к другу. Они будут думать, что вы полнейшие гондоны. В пятницу днем мы с доктором Смерть проведем инструктаж о сохранении тайны, и они поймут, что вы всего лишь играли свою роль. — Он посмотрел на приближающийся вертолет. — А вот и птички прилетели.

Я сидел около двери; с одной стороны, мне нравился воздушный поток от винта, с другой — меня приводило в дрожь наше погружение обратно во влажный лес. Наш действующий командир отделения Ви Джей Джордж объявил о двухминутной готовности, и я вставил магазин в свою М-16.

В первый раз я встретил Ви Джея у брусьев для подтягивания за «Грэйвс Холл», тогда мы еще обучались в ШОСП. Он был без футболки, руки работали на перекладине как гидравлические поршни. Лейтенант, стоящий рядом со мной, повернулся и прошептал:

— Этот парень самый лучший атлет роты «Альфа». Гордость наших войск.

Ви Джей был необычным морским пехотинцем. Его родители, иммигранты из Индии, хотели видеть его врачом, брат был

программистом в «Силиконовой долине». В круг его интересов входила классическая музыка и экономическая программа либертарианцев. Сначала Ви Джей поступил в военно-морское училище, работал над изучением потенциала фиксатора револьвера и выработал отвращение к таким военным традициям, как коротко остриженные волосы и обращение к людям по званию. После КПО нас должны были зачислить в Калифорнии в один батальон, планировалось, что мы будем жить в одной комнате.

После нашей высадки на месте назначения в первые два дня дозора командовал Ви Джей. Шаг за шагом я медленно отстранялся от работы нашего отделения: брал в рюкзак меньше боеприпасов и воды, чем остальные, при организации оборонительных позиций копал вполсилы, не принимал участия в диалогах и обсуждениях. В среду, перед закатом, мы сделали привал у склона горы, чуть выше неасфальтированной дороги. Место для остановки ужасное: нас хорошо было видно с дороги, то есть нижней позиции, и с линии хребта, то есть верхней позиции. Голос внутри меня кричал о необходимости подняться выше, найти место, более удобное для обороны, где нас будет меньше видно и где мы могли бы лучше контролировать ситуацию.

— Ну, Нат, — так он сократил мое имя, — я планирую остановиться здесь и немного отдохнуть. Что ты думаешь?

Ви Джей присел рядом со мной, на голове у него была шляпа с широкими опущенными полями, поэтому глаз видно не было.

Я пожал плечами:

— Чувак, я спрашиваю твое мнение.

Он меня проверял. Месторасположение было отстойным. Он это знал. Я это знал. Он знал, что я это знал.

— Как скажешь. Это твой выбор.

Ви Джей выругался почти про себя и пошел назад, к остальному отделению, а я продолжал сидеть в одиночестве рядом с упавшим деревом. Я слышал, как они говорили вполголоса. Обо мне. О том, каким гондоном я стал. На меня нельзя положиться. Я эгоист. Мертвый груз. Ви Джей повел отделение на другую, более выгодную позицию, и я молча последовал за ними.

На рассвете дня финального нападения дистанция между мной и остальной командой стала более чем явной. Готов поспорить, все спрашивали себя, как могли так во мне ошибаться, — ведь все были уверены, что на флоте нас зачислят в один батальон. Команда остановилась для проверки возможности безопасного продвижения, все тихо легли на землю и следующие

пятнадцать минут лежали смирно: нужно было убедиться, что за нами нет «хвоста». И тут я отказался идти дальше. Остальные встали и были готовы продолжить движение, а я остался лежать на животе.

— Эй, Нат, — чей-то изношенный ботинок слегка ударил меня по спине.

Я повернулся, посмотрел, но ничего не ответил.

— Давай, чувак. Нам нужно идти.

Я молчал. Подошел Ви Джей, его рюкзак был настолько тяжелым, что ему приходилось очень сильно наклонять корпус.

— Какого хрена, Нат? Ты что, заболел? — Я покачал головой. — Тогда почему ты ведешь себя как сука? Я, б…, думал что ты морской пехотинец, пехотный офицер, б….

С этого момента для меня перестали существовать и капитан Новак, и мое персональное задание. Ви Джей затронул меня за живое, он воззвал к моему долгу и моей гордости. Я не мог подвести своих друзей, не хотел быть слабым звеном, даже зная, что все закончится в пятницу днем. Усилия воли уже не действовали.

— Я играл роль. Доктор Смерть приказал мне стать для вас психически слабым звеном. Я должен был замкнуться в себе, чтобы вы почувствовали на своей шкуре, каково иметь дело со сломавшимся человеком. Но я так больше не могу.

Все посмотрели на меня, как будто совсем не верили моим словам. Эх, нужно было поступать на актерский.

— Черт возьми. Я говорю правду. Я могу нести больше батарей и воды. Дайте мне того и другого. — Я открыл рюкзак, чтобы уложить туда все, что принесут. — И, кстати, Ви Джей, та позиция, про которую ты меня спрашивал вчера, — полнейшая хренотень.

На лице Ви Джея, измазанном черной краской, показалась белая улыбка:

— Хорошо, что ты к нам вернулся, чувак.

Но энтузиазма от этого во мне не прибавилось. Чем больше я думал об этой ситуации, тем больше она меня беспокоила. Капитан Новак дал мне приказ. Я его понял, осознал и не выполнил. Поступая таким образом, я предпочел свой кратковременный эмоциональный комфорт, а не долговременный комфорт в душах своих друзей. Мы с ними больше никогда не разговаривали об этом, но все поняли, чего не нужно упоминать в докладе. И все же проблема грызла меня изнутри. После года, проведенного в Квантико, я все еще поддавался сиюминутным импульсам.

В сентябре, в пятницу утром, мы официально закончили обучение в КПО. Мой отец приехал в Квантико на торжественный завтрак, я гордился тем, что он сидел рядом. На столах вместо скатертей были камуфляжные пончо. Мы ели вареное мясо и яйца, традиционный завтрак перед десантированием. Встав в медленную очередь, каждый из нас, двадцати восьми человек, пожимал руку капитану Новаку, получал заслуженный и долгожданный диплом с военно-учетной специальностью 0302, — пехотный офицер, затем поворачивался лицом к присутствующим, чтобы произнести военный лозунг.

Я выбрал кредо спартанских пехотинцев: «Если ты возвращаешься после сражения, ты должен либо нести свой щит, либо быть покрытым им».

Ви Джей выбрал изречение бывшего военного секретаря и пехотного офицера Джеймса Вебба: «Я бы не перешел дорогу, чтобы посмотреть, как Джейн Фонда режет свои запястья».

После кофе капитан Новак встал. Он поздравил нас с окончанием одних из самых трудных курсов в мире — курсов руководителей подразделения, и поделился советом.

— Ваши солдаты будут ожидать от вас четырех вещей: компетентности, отваги, постоянства и сочувствия. Принимая во внимание историю статистических данных, примерно четверо из вас дослужатся до подполковника, а ноль целых пять десятых станут генералами. — Новак сделал паузу, посмотрел на незанятое место во главе стола. В столовых морской пехоты всегда есть одно свободное место — это дань памяти морским пехотинцам, погибшим в боях. — Один из вас умрет, выполняя свой долг. С этого момента больше никаких холостых боеприпасов, джентльмены, — продолжал он. — С этого момента, если в этой стране набирают 911 — то это зовут вас.

7

СМОТРЯ НА СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ в стекле машины, я выровнял значки за отличную стрельбу, висевшие на груди, и стер отпечатки пальцев с золотых нашивок на плечах. Эту форму я надевал только один раз — в швейной мастерской. После окончания КПО я на машине поехал в Кэмп-Пендельтон, он находится к северу от Сан-Диего. Вместе с Ви Джеем мы сняли на двоих дом рядом с океаном и были готовы представиться первому батальону Первого полка морской пехоты, известного как 1/1. «Первый среди первых» звучало очень хорошо, но в душе была тревога. Теперь мы не собираемся на учебу еще куда-нибудь. Мне предстоит в первый раз в Своей жизни командовать на флоте. Я надеялся, что знал достаточно много, мне нельзя было ошибиться и допустить гибель своих солдат.

Прогулявшись по стоянке, засыпанной гравием, я смахнул пыль с туфель. Надпись над дверью в штаб батальона гласила: «Первый батальон. Первые морские пехотинцы — первые готовы, первые идут в бой». Рядом с дверью висел список побед морской пехоты, ряд красных деревянных дощечек с написанными на них желтой краской названиями. Я встал на ступеньки, чтобы просмотреть их. Гвадалканал, Пелелиу, Окинава, Инчон, Чосинское водохранилище, Дананг, Донг-Ха, Хюе, Куанг Три, Кхе Санх, «Щит пустыни», «Буря в пустыне». Ниже дощечек находились пустые крючки, приготовленные для новых названий, это напомнило мне о пустом месте ниже выгравированных слов в Мемориале Корпуса морской пехоты.

Морские пехотинцы, обутые в ботинки и поэтому топая, ходили по коридору туда-обратно. Я пытался попасть в волну, но девственного лейтенанта видно издалека. Сначала они осматривали меня с ног до головы, а потом уже смотрели в глаза и произносили стандартное: «С добрым утром, сэр». Я нашел кабинет администрации батальона и положил на стол, стоявший у двери, папку с моей характеристикой.

— Доброе утро, сержант. Я лейтенант Фик, недавно зачисленный в батальон.

— Мы оставили для вас местечко в роте «Браво»,[3] сэр. — Он порвал приказы, находящиеся в моей характеристике, и протянул мне характеристику обратно. — Капитан Уитмер. Вниз по лестнице и налево.

Я глубоко вдохнул и три раза постучал в шлакобетонную стену рядом с дверью. На двери была надпись: «Командир роты».

— Входите.

— Доброе утро, сэр. Лейтенант Фик, прибыл по приказу. — Я пытался взглянуть на человека, сидящего за металлическим столом, в то время как по инструкции мои глаза должны были быть направлены вперед и немного вверх.

Капитан Уитмер встал и пожал мне руку. Он выглядел как актер Эд Гаррис.

— Рич Уитмер. Добро пожаловать в неизвестность. Садитесь.

Он показал рукой на маленький диванчик напротив его стола. Рядом с этим диванчиком, на полу, лежали каска и бронежилет. Я пытался разглядеть и другие детали комнаты, стараясь делать это, по возможности, незаметно: кружка с надписью: «Штат Мичиган», фотография маленького мальчика, награды с выгравированными надписями от пехотных взводов и подразделений по борьбе с наркотиками из Таиланда.

Характерной чертой капитана Уитмера было спокойствие. Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, спросил о КПО, моей семье, уточнил кое-какие биографические данные. Складывалось ощущение, что его кабинет был звуконепроницаемым, не было слышно суматохи в коридоре. Мне казалось, отвечая на его вопросы, что мой голос звучит громко, но не очень внятно. Вопросы не были допросом. Капитан не стеснялся смеяться, и вскоре мое волнение исчезло. Каждая из трех рот пехотного батальона имеет свои основные силы и средства: вертолеты, сухопутные средства передвижения морского десанта, называемые «тракторами-амфибиями», а также круглые резиновые шлюпки. В КПО нам говорили, большинство морских пехотинцев высаживаются на берег с «вертушки» — так в морской пехоте называют вертолет. Мы единодушно решили: при высадке у берегов относительно теплого Атлантического океана лодки совсем непрактичны, но очень забавны. В холодном Тихом океане лодка все равно некстати. Уитмер продолжал:

— Надеюсь, вы не против немного померзнуть — в роте «Браво» лодки иногда используются.

Затем он сказал мне, что я буду командовать взводом оружия роты «Браво». В каждой пехотной роте четыре взвода: три пехотных и один взвод оружия. Командование пехотным взводом, то есть сорока морскими пехотинцами с штурмовыми винтовками М-16, — стандартное первое место работы лейтенанта-новичка. Но взвод оружия — совсем другое дело. Это сорок пять морских пехотинцев, поделенных на отделения: пулеметное, ракетно-десантное, минометное. Одним словом, ротная огневая мощь. Соответственно, руководство взводом оружия — это комплексная ответственность, обычно его командиром назначают старшего по

званию, первого лейтенанта, за плечами которого уже есть опыт командования пехотным взводом. Капитан Уитмер спросил, устроит ли меня руководство взводом оружия с первого дня службы во флоте. «Да, сэр, абсолютно». На самом деле меня данный факт абсолютно не устраивал.

Уитмер покачал головой, не скрывая своей понимающей улыбки.

— Идите, вам нужно подготовиться. До обеда рота будет на полевых учениях. — Встав, чтобы пожать мне руку, Уитмер добавил: — Я отношусь ко всему немного по-другому, вы это еще увидите.

Кабинет четырех взводов роты «Браво» находился немного дальше по коридору от кабинета капитана Уитмера. Стоящие вдоль стен запирающиеся на ключ шкафчики были до отказа забиты тактическими руководствами и спортивной формой. Там, где у стены не было шкафчиков, висели плакаты, рекламирующие морскую пехоту. Запах сильно напоминал кабинет моего университетского тренера по футболу — спертый запах пота, несвежего кофе и дезинфицирующего средства. Восемь парт были придвинуты друг к другу, образуя островок в центре — для каждого из четырех командиров взвода и четырех заместителей командиров взвода. Я перенес свои вещи со склада и вывалил их в свободный шкафчик. Затем взял с полки инструкцию по командованию взводом оружия и начал читать.

КПО готовили в первую очередь командиров пехотных взводов. Взводы оружия, в отличие от пехотных, в бою выступали не как одна команда. Пулеметное и ракетно-десантное отделения зачастую служили подкреплением пехотных взводов, для увеличения их огневой мощи. Минометная секция обеспечивает минометный огонь в поддержку всей роты, и обычно она подконтрольна командиру роты и командирам пехотных взводов. Получается, все солдаты взвода оружия действуют в соответствии с указаниями других командиров, а их командир координирует их действия. Это означает постоянный учет перемещений артиллерии, воздушных боев и бомбардировок, обстрелов с кораблей ВМФ — задача весьма непростая. У меня не было практики в этой области, если я чего-то не учту, может погибнуть много людей. Мне нужно многому научиться. Времени в обрез.

Когда в тот день после полудня рота «Браво» поднялась на парадную палубу, я вышел из кабинета, хотел посмотреть на солдат. Я надеялся хоть мельком взглянуть на свой взвод, но увидел лишь два ряда солдат, одетых в зеленую пыльную форму.

Лейтенант с маскировочной раскраской на лице отделился от основной массы и пошел ко мне. Он остановился у бронежилетов, обильно украшенных дымовыми гранатами, тепловыми ловушками, ножами и фляжками. Его рюкзак был настолько большим, что его было видно, даже когда лейтенант стоял лицом ко мне; над его головой качалась штыревая антенна.

— Ты, должно быть, новый командир взвода вооружения, — сказал он, как будто собираясь арестовать какого-то парня, стоящего прямо за мной. И продолжал говорить, не давая мне никакой возможности ответить: — Я Патрик Инглиш, командир первого взвода. Заходи в кабинет. Мне надо оттарабанить снаряжение.

В кабинете рюкзак Патрика с глухим стуком упал на пол, он снял с себя разгрузочный жилет. Под ним вся форма была насквозь пропитана потом.

— Извини. Я не хотел показаться грубым. — Он протянул руку. — Добро пожаловать в роту «Браво».

Патрик открыл бутылку воды и сел за одну из парт. Он учился в колледже Святого Креста и до ШПО работал в Манхэттене в офисе окружного прокурора, был коротко острижен, с острыми чертами лица. Патрик был из Нью-Йорка.

Казалось, мы должны говорить о работе, но я еще не мог сформулировать нужные вопросы.

— Есть какие-нибудь запланированные события? — спросил я, пытаясь настроить голос на непринужденный тон.

Он ответил, что рота посвятит следующие четыре месяца отработке стандартных пехотных навыков, таких, как стрельба и патрулирование. Затем, в феврале, батальон будет присоединен к Пятнадцатой экспедиционной части морской пехоты, способной проводить специальные операции (СПСО) в качестве наземной боевой части. О существовании Экспедиционного отряда МП СПСО я знал с занятий в ШОСП — корабельная оперативная группа, состоящая из двух тысяч морских пехотинцев, образующих пехотный батальон и вертолетную эскадрилью. Один из таких батальонов стоит наготове на западном берегу, а другой — на восточном. Мы будем оттачивать свои навыки Экспедиционного отряда МП в течение полугода, отрабатывая, по большей части, нападение с лодок. Затем, в августе 2001 года, Пятнадцатая экспедиционная часть морской пехоты отбудет из Сан-Диего на шесть месяцев для учений с иностранными вооруженными силами и отработки действий в кризисных обстоятельствах в качестве службы быстрого реагирования.

Через каждые несколько минут морские пехотинцы подходили к Патрику, чтобы уточнить у него данные об оружии

взвода, статусе недостающей боевой техники или спросить, все ли в порядке с документами на присвоение звания и все такое. Он добродушно подтрунивал надо мной и давал указания, не делая никакой паузы. Я был удивлен, узнав, что он находился в 1/1 только два месяца.

Описывая батальон и его ключевые личности, он говорил быстро и начинал с того, что я больше всего хотел услышать: «Капитан Уитмер — чертовски крепкий орешек, он лучший командир в батальоне». Потом он рассказал мне, что «мы с чуваками собираемся недалеко от Сан Хуан Капистрано каждый четверг, чтобы выпить кружку пива и съесть лепешку тако». Я знал об этой достойной почитания традиции: в каждой воинской части есть неформальная Ассоциация защиты лейтенантов. «Некоторым парням, — Патрик сказал мне по секрету, со слов командиров другого взвода, — приходится давить на других, так как у них слабые заместители командира взвода. У меня нет такой проблемы, и у тебя ее тоже не будет».

Каждый молодой лейтенант помнит встречу с заместителем командира своего взвода. Отношения между новоиспеченным офицером и его сообразительным вторым по положению чином почти так же значимы, как взаимоотношения со всем учебным лагерем. Мы все еще разговаривали с Патриком, когда штаб-сержант морской пехоты Кит вошел в офис. Первое, что я заметил в нем, это уши — они торчали, как плавники у рыбы, а короткая стрижка делала их еще более заметными. Второе, что я отметил для себя, — его незаурядное имя. Я не стал острить по этому поводу — он, наверное, и так уже много чего наслушался. Наше общение началось со следующего:

— Сэр, вы сидите на моем стуле. — Он настоял на том, чтобы мы сходили за кофе, прежде чем поговорить о тактике и плане боевой подготовки взвода: — У нас традиция: кофе покупают офицеры.

По дороге в столовку мы успели обменяться основными биографическими сведениями.

Штаб-сержант морской пехоты вырос в угольной стране — западной Виргинии. На его генеалогическом древе было много морских пехотинцев, так что ему судьбой было уготовано служить в данном роде войск, и это не считая имени. Его дедушка служил в морской пехоте, он принимал участие в кровопролитных операциях в Бугенвилле, на Иводзиме и Окинаве. Брат его дедушки был убит в заливе Лейт, там же воевал и мой дедушка. Кит уже десять лет служил в пехоте. До этого он с ружьем в руках выслеживал оленей. В последний год он работал в качестве

наводчика-оператора, специалиста по вооружению в батальоне, и был детально осведомлен об оружии, которое использует пехота той или иной страны мира.

— Ну, — спросил я, — как ты думаешь, М-16 лучше по сравнению с другими автоматами?

Львиная доля морских пехотинцев использует М-16-е. Наш род войск воспитывает в морских пехотинцах ревностную, почти чрезмерную привязанность к этому виду оружия.

— Я не знаю, какой долбо… придумал М-16. Не очень приятно, когда у тебя во время перестрелки в руках находится шизоидное оружие.

Я заплатил за наш кофе, потом мы заглянули в киоск. Кит вытащил из кармана железную баночку копенгагенского табака, зажав ее между большим и указательным пальцем. Засунув табак под нижнюю губу, протянул баночку мне:

— Возьмете, сэр?

— Нет, спасибо.

— Я не буду использовать это против вас. — Фраза звучала так, как будто он делает мне большое одолжение. — По крайней мере, вы пьете кофе. Ваш знаменитый предшественник даже этого не делал. Он был ублюдком. — Уйдя в свои мысли, Кит замолчал, затем встряхнул головой. — Дорога в ад вымощена белыми костями вторых лейтенантов, которые не прислушивались к мнению штабных военнослужащих сержантского состава. А тому, который был до него, прострелили очко прямо на стрельбище. Так что тебе вроде и не на кого равняться.

Мы пили кофе маленькими глотками, и я попросил его рассказать о взводе, ожидая услышать продолжение саркастического монолога, но он вдруг стал очень серьезным. Вместо того чтобы рассказывать о достижениях и недостатках в обучении, он уделил особое внимание личности каждого солдата, его семье и интересах.

— Вам нужно, ну, по-настоящему заботиться о них, сэр. Если морские пехотинцы вам доверяют, то они по вашему приказу смогут даже выбить Сатану с его трона одним ударом мяча. Вы должны сделать так, чтобы морские пехотинцы хотели делать свою работу хорошо.

Я сидел молча, мне нравились его описания, и я готов был слушать его, пока ему самому не надоест рассказывать. Наверное, он это почувствовал, остановился, окинул меня своим взглядом и прямо спросил, как я вижу свое командование взводом. Я не думал, что мне устроят тестирование командирских навыков, капитан Уитмер мне таких вопросов не задавал. Я задумался на секунду и сказал ему, что не собираюсь действовать, как новый

шериф в городе, менять правила прежде, чем разберусь в ситуации. Я сказал ему, что намерен дать людям возможность сомневаться и затем прижму их к стенке, если они будут думать, что могут командовать за меня. Пытаясь не использовать слов капитана Новака, я пытался пообещать ему компетентность, отвагу, постоянство и сочувствие.

Я ожидал ответной реакции: ну, поддержки своих солдат. Он, соглашаясь, кивнул головой. Он был новым штаб-сержантом, но я чувствовал с самого начала, что он человек старой закалки и знал его первичную цель: приземлить меня — это негласная часть его работы. Он как будто читал мои мысли и в качестве подтверждения рассказал мне о Крисе Хадселе, командире его взвода в роте «Чарли» в 1/1 двумя годами ранее. Хадсел, по-видимому, стал примером, масштабной линейкой, которой начальство измеряло всех остальных офицеров. «Вместе с нами вы вмиг станете круче лейтенанта Хадсела», — заверил меня штаб-сержант.

К тому времени, как дело дошло до третьей чашки кофе, мы с Китом успели распределить работу со взводом. До приезда сюда моим самым большим страхом были возможные стычки с заместителем командира взвода, с которым у меня не будет контакта или которому я не смогу доверять. Но с этим морским пехотинцем у меня есть контакт, я инстинктивно доверяю ему. Я подозревал: масса заместителей командиров взвода боятся суетливых и доминирующих молодых лейтенантов. Я поклялся себе не быть таким. Мы шли назад, и Кит произнес те слова, которые я хотел услышать еще со времен учебы в КПО: «Самое время познакомиться со взводом».

Я думал, буду нервничать. Предполагается, знакомство лейтенанта со своей первой командой очень схоже с первой любовью или потерей девственности. Штаб-сержант вызвал взвод из учебного пункта, где мои морпехи чистили оружие после боевых учений. Они шли по парадной палубе по два-три человека — руки, почерневшие от копоти, на всех зеленые футболки и камуфляжные штаны. Это мой взвод. Я буду их обучать, и может быть, даже воевать с ними. Их выполнение моих приказов напрямую связано с моими командными навыками. Я абсолютно не нервничал.

Сорок пять морских пехотинцев построились в три шеренги, по одной на каждое отделение. Половина из них выглядела не меньше чем на двадцать лет. Мне было только двадцать три, но эта маленькая разница ничего не меняла, я был для них инструктором, «большим братом». Они были моими

подчиненными, и для меня это было естественно. Штаб-сержант стоял на расстоянии шести шагов от центра первой шеренги. Он выслушивал доклады каждого командира отделения, но его голова всегда была повернута в мою сторону.

Он отдал мне честь и прокричал:

— Добрый день, сэр. Взвод вооружения, все на месте.

Я стоял напротив него по стойке «смирно» и тоже отдал ему честь. Кит, как опытный штаб-сержант, сделал шаг назад, дав мне возможность пообщаться со своей командой.

Меньше всего им сейчас был нужен поглаживающий по головке монолог новоиспеченного лейтенанта, поэтому я представился и сказал, что очень рад быть новым членом взвода. Я предупредил, что на следующей неделе планирую поговорить с каждым индивидуально и спросил, есть ли у них ко мне вопросы. Вопросов не было. Штаб-сержант всех распустил, и парни пошли обратно на оружейный склад. Думаю, когда мы возвращались в кабинет, я услышал в его голосе нотки одобрения:

— Без всякой лишней хрени, сэр. Морская пехота это любит.

Следующие десять месяцев были заняты краткосрочным интенсивным курсом обучения пехоты тактическим приемам. Последние десять месяцев обучения, а потом уже все по-настоящему. Капитан Уитмер был профессором, его стиль отличался от всего пройденного мной, от того, что мы проходили в Квантико. Многие мои приятели из других рот в 1/1 жаловались на своих командиров — те, по их мнению, держали их в кулаке. Они старались, по возможности, не попадаться им на глаза, чтобы какой-нибудь маленькой ошибкой не навлечь на себя агрессию. Преобладающей чертой в 1/1, по крайней мере среди офицеров и старшего сержантского состава, был карьеризм, а это значит смеяться над шутками подполковника, не вступать ни с кем в конфликт и оставаться вне поля видимости.

Все вышеперечисленное не относилось к капитану Уитмеру. Стандартный инструктаж перед отъездом на огневые учения начинался словами: «Безопасность прежде всего».

— Если безопасность превыше всего, — говорил Уитмер, — мы останемся в казармах и будем играть в баскетбол с захватом.

Восприятие Уитмером обучения как хорошей тренировки напоминало мне занятия в римском легионе. Я читал, они упражнялись в бескровных сражениях, но все остальное, кроме этого, было как в бою.

Он ехал на машине домой вдоль берега Тихого океана, как говорится, с ветерком. Три стрелковые роты нашего батальона,

независимо друг от друга, двигались в направлении шлакобетонного города. Нашей задачей было объединиться около города не позднее часу ночи и захватить его для войск второго эшелона наступления. Они, в свою очередь, смогут использовать город в качестве базы сосредоточения. Разведывательная группа осматривала город, план батальонной атаки продолжал меняться, так как команда получала дополнительные сведения о расположении войск противника.

Рота «Браво» спустилась на берег — пару часов назад ее доставил военно-морской корабль. Мы, меся густую грязь, медленно шли по линии хребта; до точки объединения батальона оставалась еще миля. Ветер сдувал туман в спирали и вихрем проносился по тропинкам вниз, в темноту, обволакивающую все вокруг. Позади меня пулеметчики и минометчики несли свои тяжелые орудия, стараясь делать это очень тихо, они заглушали лязг метала и задыхались от очень трудного подъема. Каждые несколько минут капитан

Уитмер передавал по рации командирам взводов изменения в планах. В темноте, ругаясь матом, я пытался одновременно управлять, следить за меняющимися планами и информировать своих командиров отделений о коррекции плана; мы подходили все ближе и ближе к месту соединения наземных войск с десантом. Штаб-сержант, должно быть, прошел в два раза больше, чем мы, он передвигался по колоннам то туда, то сюда, давая указания и следя за их исполнением. В планах взвода постоянно происходили изменения. Жалоб не было. Никто не мешкал. Мы прибыли на указанное место в 0.45, уставшие, но вовремя для начала атаки. Другие роты рапортовали по рации о том, что находятся в часе пути.

Мы ждали, а в это время лейтенанты Уитмера шли нам навстречу. Капитан Уитмер водил нас по кругу, нас кидало то в пот, то в дрожь. Он преподал нам еще один ночной урок:

— Командиры других рот, получив по рации инструкции по изменению плана, каждый раз останавливались. Они созывали своих командиров взводов и показывали на карте скорректированный план. Итог — они чертовски сильно опаздывают.

Он сделал паузу, я взглянул на Патрика, увидев, что урок прочно засел в его мозгу, впрочем, как и в моем.

— Вы, парни, из-за постоянно новых инструкций, наверное, матом меня крыли. — Мы кивнули, признавая истинность его слов. — Но я делал это, потому что вы должны научиться так действовать. Для каждого из вас, — прошептал он, подчеркивая каждое слово, — достаточно одной пули, и вы уже не командуете

ротой. Вам нужно усвоить все здесь, а не в Иране, Сомали или где-нибудь еще.

Я посмотрел на часы: другим ротам добираться все еще больше получаса. Капитан Уитмер, должно быть, сделал то же самое, так как далее последовал его вопрос: «Что нам делать сейчас?» Он не искал совета; он хотел раскритиковать процесс принятия решения.

— Надо атаковать, сэр, — сказал я с уверенностью в голосе, которую на самом деле не испытывал. — У нас здесь целая рота. Данные разведки свидетельствуют о наличии в городе всего лишь дюжины людей. Батальон небезосновательно выбрал время для штурма.

Капитан Уитмер ответил:

— Нас, пехотных офицеров, приучали к решительности.

Все закивали головами.

— Но между агрессией и глупостью очень тонкая линия. Хорошие командиры, — объяснял Уитмер, — могут действовать, балансируя прямо на этой линии, но не пересекая ее. Мы должны понимать различия между риском и игрой ва-банк. Рискуют все командиры. Они высчитывают риск, и в опасной ситуации такой подход приносит положительные результаты. Игра ва-банк — это чистая случайность: то же самое, что закрыть глаза и продолжать управлять автомобилем. Атаковать город сейчас, лейтенант Фик, — говорил он с новой энергией, — было бы игрой ва-банк. Никогда не спеши убивать своих морских пехотинцев.

Когда подошли остальные роты, батальон атаковал город и захватил его. Я с гордостью наблюдал за своими солдатами во время их уверенного передвижения по сектору шлакобетонных зданий. Они испытывали удовольствие от выполнения задачи. С неодолимой силой трех рот мы избежали все непредвиденные неприятности, а немного сдвинутое время нападения не осложнило общей ситуации. Меня это несколько отрезвило.

Дорога назад, к лодкам, не была столь запутанной и заняла меньше времени: мы хотели к восходу быть далеко от берега. Луна, за облаками, выглядела размытым светлым пятном, ветер поднимал в воздух водную пыль и обдувал нас песком. Волны с шумом разбивались о берег. Когда мы подошли, шлюпки находились уже у самого берега, нам оставалось только в них сесть.

Штаб-сержант и я встали на песке на колени, с усилием напяливая на себя гидрокомбинезоны. Я заметил, что его комбинезон был в два раза толще моего.

— Как полярный медведь, штаб-сержант?

Он выглядел самодовольным и ответил:

— Я успел послужить в роте десантно-высадочных средств, сэр.

Я посмотрел на взбитый ветром океан:

— Я что, сегодня ночью заморожу свои титьки?

— Просто помните: на земле два вида людей, — сказал Кит с умным видом. — Те, кто писает в гидрокомбинезоны, и те, кто лжет, что этого не делают.

Одевшись, Кит побежал от лодки к лодке, считая людей и проверяя, чтобы оружие было привязано к алюминиевым палубным настилам. Он жестом показал мне, что все в порядке.

Экипаж моей лодки, состоящий из шести человек, входил в воду. Вода доходила до уровня груди, мы держались за тросы, другие концы которых были привязаны к трубке планширя. Я тяжело дышал. Каждая волна поднимала воду до уровня шеи. Ноги уже не касались дна, но я все равно изо всех сил старался держать лодку так, чтобы ее нос смотрел прямо на наступающую волну. Если лодка будет находиться к волне боком, она перевернется, соответственно, все наше снаряжение будет в воде, и к тому же нам придется возвращаться на берег и проделать все это еще раз.

Старшина шлюпки сел в лодку, завел мотор и закричал: «Все на борт!» Мы навалились на борта лодки и с чувством облегчения, почти одновременно упали на ее дно, где сразу образовался какой-то комок из ног и оружия. «Нос лодки нужно утяжелить», — орал старшина шлюпки сквозь шум волны. Впереди, из темноты, показалась белая линия на пять футов выше уровня глаз — пенный гребень волны. Нам удалось поймать волну, и вскоре мы были на ее вершине. Я пытался сделать так, чтобы центр тяжести шлюпки приходился на заднюю стенку волны, в противном случае нас могло вынести на берег.

Винт вынырнул из воды, опустился, и мотор снова заревел. Мы справились. Участок с бурунами закончился. Мы вглядывались в очертания других шлюпок нашей роты, и я вытащил рацию из водонепроницаемой сумки.

— Белый Всадник, Белый Всадник, это Одэн. Тачдаун. Повторяю еще раз, тачдаун.

«Тачдаун» — кодовое слово, сообщаемое кораблю, означающее: «операция окончена». Если бы что-то пошло не так, мы должны были бы рапортовать: «Мяч вне игры».

Мы услышали ответ:

— Белый Всадник зафиксировал тачдаун. Примите к сведению, у нас штормит, валит со стороны на сторону. Есть вероятность, что мы не сможем поднять вас на борт. У вас есть запас топлива?

Волны становились выше, и экипаж корабля не был уверен, что может безопасно поднять нас на борт. Если они спросили про запас топлива, значит, хотят, чтобы мы плыли сами. А это предполагает долгое, холодное передвижение на лодке вниз по реке по направлению к бухте Дель Мар в Кэмп-Пендельтон. Моя шерстяная фуражка намокла и падала на глаза. Я повернул козырек назад и посмотрел на капитана Уитмера.

Он, щурясь, смотрел на пенящиеся волны. Я воображал, что он слышал песни сирен о тепле и отдыхе, которые ждут солдат на корабле, и об удовольствии рапортовать начальству об успешно выполненной операции. Но это были учения, и капитан Уитмер будет делать все возможное, заставляя роту импровизировать, адаптироваться и превозмогать трудности.

— Использовать резерв, — приказал он.

Мы плыли два часа. Когда волны сталкивались с лодкой, ледяные брызги, словно иголки, кололи незащищенные комбинезоном участки моего тела. Каждый раз, находясь под волной, я думал, что мы перевернемся. Прожекторы показывали, что нам нужно было брать левее. Я представлял себе людей, каждый день ездящих из пригорода на работу и обратно. Они, наверное, в это раннее утро уже сидят за рулем своего теплого автомобиля, слушают радио, пьют кофе маленькими глотками. В передней части шлюпки у одного из морских пехотинцев явно было переохлаждение. Он перестал дрожать, губы стали бледными, с синеватым оттенком. Мы пытались, как могли, обнять его, поделиться нашим теплом и оградить его от холодных брызг. Капитан Уитмер сидел на трубе планширя. Ни дискомфорт, ни увещевания, ни риск не смогли бы заставить его повернуть обратно.

Вскоре после восхода мы заплыли в Дель Мар, и я вступил с Уитмером в некое подобие конфронтации: алгоритм его действий оставался мне неясен.

— Сэр, почему вы, по крайней мере, не попытались попасть на борт корабля? Зачем заставлять солдат страдать? Мы все равно, при реальных операциях, никогда не будем использовать лодки.

Капитан долго смотрел мне в глаза, он как будто был удивлен тем, что я не понимаю его намерений.

— Нет, дело не в снаряжении. И даже не в операции. Дело в людях. — Он окинул взглядом солдат, сейчас, в утреннем солнечном свете, они смеялись и мыли лодку. — Когда рота страдает, мы не тратим зря время и не оскорбляем друг друга. Когда дела плохи, наши морские пехотинцы учатся взаимодействию, взаимопомощи, и это вернется нам сторицей.

Если этому батальону будет суждено участвовать в настоящей военной акции, «Браво» даст нам сигнал, и мы тут же будем готовы.

* * *

Однажды утром, незадолго до нашей передислокации, я пришел в офис, чтобы найти Джима Била, друга по Квантико, с которым мы сидели вместе за партой. Мы не видели друг друга со времен окончания ШОСП. Я снял вещевой мешок и крепко пожал его руку. Джим объяснил, что его послали в 1/1 в качестве передового артиллерийского наблюдателя. Эти офицеры, Экспедиционный отряд МП, работали рука об руку с командирами взводов, обеспечивая их огневую поддержку. Я не мог поверить своей удаче и спросил Джима, как получилось, что его направили в роту «Браво».

— Я спросил, кто самый хреновый командир взвода оружия, и они послали меня к тебе.

— Да? Вероятно, они хотели хреновому командиру взвода оружия подобрать достойную пару — хренового передового артиллерийского наблюдателя.

Мое счастье было недолгим. В записке на моем столе говорилось о том, что старший орудийный сержант присоединится к моему взводу в конце недели. Я понимал последствия этого события. Мне придется понизить штаб-сержанта Кита с должности заместителя командира взвода до командиров минометной секции. Я пулей влетел в кабинет капитана Уитмера, но он только покачал головой. Вне зоны его командования. Я попытался поговорить с первым сержантом, он был ответственным за кадровые перестановки во взводе. Тот же ответ. Бюрократическая машина. Более опытные морские пехотинцы были очень хорошо с ней знакомы, и чтобы добиться своего, нужно было потратить кучу времени и сил.

Это задевало. Зачем портить отношения с хорошим взводом прямо перед его передислокацией? Почему мнение командира взвода или даже командира роты не берется в расчет? Мы очень сильно сблизились с Китом. Вместе мы делали хорошую работу. Я позвал его в офис, ожидая чего угодно, даже драки в качестве реакции на новость.

Но все-таки я плохо его знал. В конце нашего разговора штаб-сержант начал меня утешать, убеждая, что новый заместитель командира взвода хороший чувак. Кит сказал, что ему нравится работать с минометами, пусть даже у них низкий показатель

ТНЭВ.

Я попался на крючок.

— Что значит ТНЭВ?

— Телки На Это Ведутся, сэр. Член футбольной команды — высокий ТНЭВ. Член шахматного клуба — низкий ТНЭВ. Заместитель командира взвода — высокий ТНЭВ. Командир минометной секции — низкий ТНЭВ. И не имеет значения, что минометы обладают самой высокой огневой мощью. Жизнь несправедлива. Вам разве не говорили об этом в колледже?

8

ЧУВСТВУЯ СЕБЯ АКТЕРОМ на съемочной площадке, я стоял в форме цвета хаки у перил корабля. На пристани, далеко вдали, толпа людей ликовала и размахивала американскими флагами, а нас в это время буксировали к причалу. Легкий бриз покрывал рябью воду Сан-Диего Бэй. Ровно в 10 утра, 13 августа 2001 года, корабль ВМС США «Дубьюк» скользил под длинным мостом Сан-Диего — Коронадо, плывя из Пойнт-Лома в открытый Тихий океан. На полетной палубе морские пехотинцы и матросы выстраивались в шеренгу вдоль перил: руки сомкнуты за спиной, глаза устремлены вперед. Безмолвная тишина, ветер и мы, впитывающие в себя пейзаж линии горизонта города и пляжей Калифорнии.

«Дубьюк» и два других корабля ВМС США «Пелелиу» и «Комсток» составляли дежурную группу десантно-высадочных средств (ДВС). Три корабля ДВС везли на своем борту пятнадцатый Экспедиционный отряд МП. В Экспедиционном отряде МП числились две тысячи морских пехотинцев, включая наш пехотный батальон, эскадрилью вертолетов, получивших в качестве подкрепления четыре реактивных самолета, а также части материального обеспечения. В следующие шесть месяцев мы для половины мира будем американским «боеготовым подразделением».

В то время как я у перил любовался берегом, становящимся все более туманным и серым, ко мне подошел штаб-сержант:

— Мои поздравления, сэр. Для вас это первый шаг на пути к превращению в такого бывалого воина, как лейтенант Хэдселл.

— Прежде чем почувствовать себя опытным воином, мне придется высадиться на берегу некоторых зарубежных стран, — ответил я, но его мыслям не улыбнуться не мог. — Предскажешь что-нибудь этой колымаге?

Он нагнулся к перилам, вытянув руки над водой, на секунду озорство покинуло его глаза:

— Ну, я слышал, как пехотинец из пятнадцатого говорил кое-что стоящее. Мы только вернулись домой спустя месяцы, проведенные в пустыне, после того как Саддам, в 98-м, вышвырнул инспекторов ООН. Пропустили кучу дней рождений, юбилеев, рождений детей и так далее. Морские пехотинцы были раздосадованы своим бездельем. А один из них ответил: «Никогда не сожалейте об отсутствии настоящих операций. Сейчас у вас бесценные воспоминания и нет рядом духов».

«Дубьюк» находится в строю с 1967 года, служил еще у побережья Вьетнама. Длиной в пятьсот шестьдесят девять футов {187 м}, водоизмещением в шестнадцать тысяч тонн, корабль вез на своем борту четыреста человек членов экипажа и пять сотен морских пехотинцев со скоростью около пятнадцати узлов. Пятиярусная надстройка занимала переднюю треть судна, полетная палуба — остальные две трети, и она доходила практически до кормы. Ниже располагалась отличительная особенность «Дубьюка» — доковая палуба, что-то типа гаража для лодок. Доступ на доковую палубу обеспечивала гигантская створка на корме.{7} В соответствии с иерархией ВМФ принятые на военную службу морские пехотинцы и матросы жили за корабельной палубой, в катакомбах с тесными коридорами, напичканными пароподводящими трубами и электрическими проводами. Офицеры флота и морской пехоты жили в каютах на верхних палубах.

Жизнь на борту военного корабля, особенно такого, которому около сорока лет, похожа на жизнь в муравейнике: постоянные передвижения и шум. Корабль то и дело качался и поворачивал, еда падала со столов, люди, в свою очередь, падали с коек. Когда корабль плыл, то был слышен скрежет и скрип стали. Мотор ревел, котлы шипели, корпус корабля рассекал океан. На случай затопления металлические ворота шлюза должны были оставаться закрытыми, поэтому днем и ночью закрытие и блокировка ворот сопровождались скрежетом. Свистки, гудки и звон колоколов оповещали о мероприятиях дня: подъем, завтрак, обед, ужин, учения и отбой. Переговорное устройство корабля и постоянно жужжащие телефоны сливались в единую какофонию. Новоприбывшие быстро понимали, что лучше носить затычки для ушей.

«Дубьюк» был спроектирован как флагманский корабль флота, что означало наличие второго трапа для адмирала и дополнительные спальные места для офицеров. Так как фактическим флагманским кораблем нашей маленькой флотилии был «Пелелиу», «Дубьюк» вез на своем борту меньше офицеров, чем мог бы принять. Поэтому каюта на четыре человека была в моем полном распоряжении. За эту роскошь я платил — у места моего обитания появилось второе назначение: вещевой склад для всех и каждого. Одного взгляда на мою каюту было достаточно для раскрытия намерений морских пехотинцев с судна «Дубьюк»: три доски для серфинга, четыре сумки с клюшками для гольфа, четыре гитары и куча шорт-гаваек. Мы все еще жили в мирном времени.

Каждое плавание по западной части Тихого океана начиналось с испытательного срока — пятидневной парилки на пути на Гавайи. Это время давалось для адаптации к жизни на море, до начала основных учений. Я хорошо справлялся со своими ежедневными обязанностями, вставал в пять тридцать, чтобы оказаться на взлетно-посадочной полосе палубы прежде, чем станет невыносимо жарко. Затем принимал прохладный, солоноватый душ, ел завтрак в офицерской столовой, которая на кораблях называется кают-компанией. Я выделил утро для работы: планирование учений, чистка оружия, а также перелопачивание документов. Больше всего мне нравилось читать лекции своим морским пехотинцам. Я использовал свои инструкции с КПО, чтобы не забывать тактику, а чтобы рассказать о знаменитых сражениях, вернулся к лекциям в колледже. Патрик делал то же самое, но ему было труднее: он учился на экономическом. Кабинеты, закрепленные за нашей ротой, зачастую были переполнены морскими пехотинцами, изучающими эффективный рынок и способность быстро применяться к обстановке или оправляться от удара.

Учения были лимитированы ограниченной территорией, но у нас проводились состязания по скоростной сборке и разборке оружия с завязанными глазами, стрельба с кормы корабля в цели, прикрепленные к вспомогательным помещениям на палубе, а также спуск по канатам с лифтовых шахт на колодезную палубу. Обед был временем максимальной активности, после чего наступало время для короткого послеобеденного сна, чтения, поднятия гирь в маленьком тренажерном зале, расположенном на носу судна. Старая морская пословица гласила: «Спи, пока не проголодаешься, затем ешь, пока не устанешь, и повторяй это шесть месяцев подряд».

Больше всего мне нравилось начало вечера. После спортзала я обычно взбирался на самую высокую палубу, чуть ниже стойки для радиоантенн. Там, на резиновом коврике, Руди Рэйс проводил свои занятия по физической подготовке: растяжка, пресс, дыхание, еще растяжка. Руди был сержантом разведывательного взвода Экспедиционного отряда МП. Разведка — это силы специального назначения, подготовленные для сбора информации за вражеской линией. Но манера Руди держаться в этом мире была настолько невоенной, что его взвод называл его «дружбаном». Даже подполковник перестал называть его сержантом Рэйсом. Он был для него Руди. Короче, поднимаясь к Руди, я просто лежал на спине и смотрел, как небо становится розовым; на качающемся корабле казалось, что и облака качаются.

* * *

В утро, когда мы приплыли в Пёрл-Харбор, я встал рано и наблюдал за приближением к Оаху. Я хотел увидеть легендарный порт с палубы военного корабля. Когда солнце начало освещать небо, мы обогнули Дайамонд-Хэд и поплыли на запад, вдоль входа в гавань Вайкики.

Ковер из идеальных цветочных клумб и газонов, высокие качающиеся пальмы располагались сбоку от пышной береговой линии авиабазы Хикам. Настоящие учения начнутся после пяти дней практического безделья в море. Я стоял у перил, смотрел на судовую команду, работающую на мосту внизу. К тому времени как «Дубьюк» повернул к острову Форд, стало уже совсем светло. Вчера вечером, в ежедневном докладе оперативного отделения, говорилось об оповещении начала поворота при помощи одного длинного свистка — для предупреждения столкновения с другими судами, находящимися в непосредственной близости.

— Черт возьми, нет! — мгновенно выразил свое недовольство дерзкий офицер. — Адмирал и начальник штаба живут прямо на морской косе. Мудрому капитану, — слова сопровождались сверлением глазами старшего офицера, — лучше бы заранее предупредить о прибытии по рации, тогда канал точно будет свободен.

Обогнув косу и дома спящих адмирала и начальника штаба, «Дубьюк» не стал оповещать свистком о своем прибытии. Повернув, мы увидели мемориал корабля ВМФ США «Аризона». Над ним развевался американский флаг. Мемориал напоминал о внезапной атаке Японии и увековечивал память погибших американских солдат.

Туристы фотографировали не только «Аризону», но и наш корабль. Матросы опустили мостки. Патрик пошутил:

— А что они подумают, если мы пойдем на парковку и начнем фотографировать их машины?

Даже если мы наденем футболки и сандалии и смешаемся с толпой, я все равно не смогу почувствовать себя частью этой толпы.

— Ты чувствуешь изменения в своей личности? — спросил я Патрика.

— Мы другие. Они вернутся в свой отель на Вайкики, а мы еще на шесть месяцев застрянем в этой большой серой коробке. — Патрик затих и окинул взглядом Пёрл-Харбор. — Но мы другие в хорошем смысле этого слова. Особенно здесь.

На следующий день мы отправились в двухнедельное плавание к северному побережью Австралии, местом назначения

был город Дарвин. Жизнь опять превратилась в легкую ежедневную рутину на борту корабля: учения, тренировки и чтение. Вечера я проводил с книгой на палубе. Я читал Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие». «Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе, — писал он. — Но тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Он убивает самых добрых и самых нежных и самых храбрых без разбора. И если ты ни то, ни другое, ни третье — можешь быть уверен, он убьет и тебя, но не очень быстро».

Мы двигались на юго-запад со скоростью в пятнадцать узлов, то есть совсем никуда не торопились.

В пятницу, в шесть часов, по прошествии двух недель и на расстоянии шести тысяч миль от Кэмп-Пендельтона, мы находились к югу от Гвадалканала. Несколько дней я готовился к лекции о первой великой битве морских пехотинцев во Второй мировой войне. Когда я собрал взвод на верхней палубе, над нашими головами светило красноватое солнце. Зеленые горы Гвадалканала брали начало у берегов, а их вершины были скрыты под кольцами облаков.

В конце лета и осенью 1942 года вся Первая дивизия МП, включая 1/1, вела с японцами бой за контроль над Гвадалканалом. Я заметил, во время моего рассказа морские пехотинцы смотрели на остров, вероятно представляя себе картину боя.

ВМФ, и это печально известно, был вынужден высадить морских пехотинцев на берег после того, как четыре наших корабля были потоплены. Продовольствие и боеприпасы поставлялись нерегулярно, но тем не менее морские пехотинцы освободили остров от японского вторжения, это стоило нам жизней тысячи людей, и в четыре раза больше этой цифры было раненых.

В тот вечер мой взвод еще долго стоял на палубе, облокотившись о перила, и смотрел на исчезающий за линией горизонта остров Гвадалканал.

Через неделю мы пришвартовались на два дня в Дарвине. Нас ждали учения в непривычном климате австралийского континента. Половина взвода присоединилась к роте для отработки боевой стрельбы. Мы, минометная секция, то есть я, Джим и его команда, отправились в глубь острова, на опустошенную тренировочную зону. Мы ехали три часа, планируя заняться там минометной стрельбой, артиллерийской подготовкой и бомбардировкой. Мы вернулись за полночь и были

приятно удивлены, обнаружив оперативный центр батальона полностью оснащенным электричеством, водой, палатками и душевыми кабинами.

Но все же перед сном нам стало как-то не по себе. Дело в том, что хирург батальона предостерег нас, рассказывая о возможной опасности: Австралия — это родной дом девяти из десяти известных змей, обладающих смертоносным ядом, включая шипохвоста австралийского и тайпана. При самом плохом раскладе мы будем, как это говорится, совершенно ухайдоканными. Нас проинформировали о том, что даже малые кенгуру, называющиеся кенгуру-валлаби, могут ухватить человека своими маленькими лапами и попытаться ударить его в голову своими сильными ногами. Морские пехотинцы вокруг нас спали, а мы с Джимом, стоя около военных «Хаммеров», предпочли сну беседу.

После двух дней стрельбы мы вернулись в Дарвин. Перед отъездом у нас должен был быть выходной. Джим, Патрик и я поехали на машине к реке Аделаида и провели там день, кормя с лодки крокодилов и купаясь в водопаде. Вечером мы нашли бар, где можно было выпить и поесть. По расписанию наш корабль должен был отплыть в девять часов следующего утра.

Я пил пиво под названием «Victoria Bitter» и посматривал на часы, прикидывая, который сейчас час на западном берегу США. Десять пятнадцать вечера в Дарвине — это восемь пятнадцать утра того же дня в штате Мэриленд. Числа я припомнить не мог, но был вторник — я еще могу застать отца за рабочим столом.

Я перешел на другую сторону улицы и двинулся в сторону телефонных автоматов, стоящих в холле гостиницы. Мы поговорили с отцом минут десять, он спросил, как мне путешествие, а я попросил рассказать, что у них новенького. Интересных новостей не было ни у него, ни у меня. Я сказал, что пошлю ему письмо на мэйл и повесил трубку.

— Какие новости? — спросил Джим, когда я проснулся, и протянул мне холодного пива. — Что нового в Штатах?

— Ничего. В Балтиморе обычное утро. Ничего интересного для вас.

Я еще не до конца проснулся, когда Патрик вбежал в дверь.

— Какие-то гребаные террористы захватили гражданские самолеты и направили их на Всемирный торговый центр и Пентагон.

— Расслабься, братан, выпей пива. — Мы с Джимом засмеялись. Но Патрику было не до смеха.

Нам стало не до пива, мы выбежали из дверей, перейдя

улицу, забежали в гостиничный холл и вместе с толпой уже стоявших там людей уставились в большой экран телевизора.

Мы медленно осознавали, как события в мире влияют на нашу жизнь. Джиму удалось выразить это лучше всего: «Друзья, только что история поставила нас раком». Нам нужно было возвращаться на корабль.

Морские пехотинцы и моряки заполонили улицы Дарвина, людское течение было устремлено в доки. Мы присоединились к толпе, около нас остановилась машина, молодая австралийская пара спросила, не нужно ли нас подвезти. Мы с благодарностью приняли приглашение и упали на заднее сиденье. Через несколько минут машина притормозила у пристани, прожекторы освещали три корабля, а вооруженный караул уже стоял вдоль перил. Молодой человек, сидящий за рулем, пожал нам руки и сказал:

— Есть предположение, что вы, друзья, созрели для войны.

Часть II
ВОЙНА

Архидам нанес великое поражение аркадианцам в битве, известной под названием «Бесслезное сражение», в которой вражеское войско было безжалостно перебито без единой потери в рядах спартанцев… Старые мужчины и женщины… поднимали свои руки и благодарили за то, что Спарта была очищена от позора и оскорблений, царивших здесь, они снова могли видеть дневной свет.

Плутарх

9

МОРСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ НАВОДНИЛИ ПОЛЕТНУЮ ПАЛУБУ. Прошел лишь час после атаки террористов, а матросы и морские пехотинцы нашего корабля, находящиеся на расстоянии в полмира от США, уже были на борту. Взвод роился вокруг меня, солдаты все еще были в сандалиях и гавайских шортах. Никто не проронил ни слова. Из корабельных труб уже валил пар: «Дубьюк» готовился к отправлению.

Я поднялся в каюту капитана Уитмера, отрапортовать, что все его морские пехотинцы находятся на борту. Он сидел за столом, был в спортивном костюме и выглядел совсем не напряженным. Медленно тлела сигара, был слышен звук акустической гитары. Капитан Уитмер поистине олицетворял строки из стихотворения Редьярда Киплинга, говорящие, что нужно иметь трезвую голову, пока все сходят с ума. Да, он знал об атаке террористов. Да, он ожидал нашего возвращения ранее положенного срока. И нет, он не видел повода для беспокойства. В 01.00 будет построение роты на полетной палубе. Стоя в его кабинете в сланцах и футболке, я хотел отдать ему честь, но только покачал головой и закрыл за собой дверь.

В 01.00 полетная палуба была похожа на вечеринку, прекращенную в самый разгар веселья. Почти все морские пехотинцы были пьяны, но вели себя очень трезво. По системе классификации степени террористической угрозы «Трэткон» ситуация подпадала под степень «Трэткон дельта» — это означало, что теракт либо уже случился, либо получены данные о высокой его вероятности. Я сосчитал своих людей, все были на месте. После новостей из США в течение двух часов на «Дубьюк» вернулись все матросы и морские пехотинцы. Когда происходит что-то плохое, все люди спешат домой, чтобы быть со своими родными, мы сделали то же самое.

— Друзья, сейчас всем нам не помешает немного отдохнуть, — сказал я со спокойствием и уверенностью в голосе. — Я думаю, скоро нам на корабле отрубят электронную почту, поэтому поспешите отослать письма своим родным, напишите, что у вас все в порядке. Я не знаю, как данная ситуация повлияет на наши планы, но уверен, что завтра буду обладать более полной информацией.

Спокойствие капитана Уитмера оказалось заразительным. Морские пехотинцы были явно удивлены. Они не ожидали от меня такой реакции. Возбужденность потихоньку исчезала. Прежде чем распустить взвод, я сказал:

— Когда пройдет состояние шока, придет ненависть. Может быть, если удача будет на нашей стороне, именно нам посчастливится отомстить за зло.

Мои слова резонировали в сердцах моих морпехов, на их лицах были решительность и готовность к бою. Я смотрел на них и видел перед собой мальчишек: футбольных звезд школы, отморозков, восемнадцатилетних парней с детским выражением лиц. Белые, черные, с испанской кровью. Они были моим взводом, моими людьми, я нес за них ответственность. Я с грустью вспомнил слова штаб-офицера о бесценных воспоминаниях и отсутствии рядом духов.

— Так что будьте готовы. Разойтись!

Я стоял на палубе, в темноте, и смотрел на огни Дарвина. В моем электронном почтовом ящике было письмо от отца. «Будь стойким, — было написано в нем. — Вернись домой физически и психически невредимым». Когда я проснулся в шесть, острова уже не было видно, хотя по расписанию мы должны были отплыть только через три часа.

Группе срочных действий при чрезвычайных происшествиях (ГСДЧП) было приказано «передвигаться на самой высокой возможной скорости» и присоединиться к Пятнадцатой эскадре ВМФ США в Аравийском море. Вместо пятнадцати узлов мы двигались со скоростью в восемнадцать, а потом в двадцать, было уже не до экономии топлива. Остановки, ранее запланированные в Сингапуре и Гонконге, были отменены. Однако Экспедиционный отряд морской пехоты все же вынужден был на день прекратить свое состязание на скорость. Нам предстояла гуманитарная миссия в Восточном Тиморе, бывшей индонезийской провинции, получившей независимость. Я плыл к берегу Дили на десантном катере, везя с собой домашнюю утварь, зерно, лекарство и все такое. Наверное, кто-то, кто руководит нами, хочет, чтобы мы протянули оливковую ветвь одному народу и вытряхнули все нутро из другого.

На корабле патриотизм рос как на дрожжах. Я уже узнал о том, что один из моих однокурсников из Дартмауса погиб на 103-м этаже Северной башни. У некоторых солдат отцы или братья работали в Управлении пожарной охраны Нью-Йорка, и матросы, обычно носившие бейсболки, теперь надевали шляпы с эмблемой Департамента пожарной охраны города Нью-Йорка и нью-йоркского полицейского управления.

При отсутствии определенной миссии Экспедиционный отряд МП был готов ко всему. Капитан Уитмер большую часть времени проводил на корабле «Пелелиу», там он всегда оставался в курсе

постоянно меняющихся планов. Соответственно мы с Патриком днем и ночью находились в тыловом обеспечении, в радиорубке на корабле, где могли получать информацию из радиосообщений. «Большая вероятность вывода военнослужащих, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях. Существует вероятность такой операции и в Пакистане».

Несколько последующих недель мы получали информацию о выводе войск из Пакистана. Девять тысяч американских солдат. Рота «Браво» получила задание полететь в Исламабад для освобождения посольства Америки и подготовки сотрудников и их семей к посадке на борт корабля. Старший помощник командира корабля спросил нас о том, какое максимальное количество солдат может поместиться на палубе: четыреста? Шестьсот? Что делать, если посол, это женщина, захочет взять с собой свою кошку? Центральное командование обеспечило нас подробным планом посольства, фотографиями с воздуха и земли. Особенностью американских посольств являются футбольные поля и газоны, которые также используются в качестве зон посадки вертолетов. Мы с Патриком штудировали фотографии и план, искали осветительные столбы, электропроводку, что-нибудь еще, способное воспрепятствовать реализации нашей миссии. Мы изучали здания и сады в округе — во время нападения в темноте у нас не будет возможности изучать карты. К концу недели я знал посольство Америки в Исламабаде так же хорошо, как задний дворик дома моих родителей в Балтиморе.

* * *

Доплыв до Аравийского моря, находящегося южнее Пакистана, «Дубьюк» начал нарезать круги. Океан был поделен на шесть участков, названных в честь событий, произошедших 11 сентября: Пентагон, Пенсильвания, северное здание Всемирного торгового центра, южное здание Всемирного торгового центра. Полицейское управление города Нью-Йорка, Департамент пожарной охраны города Нью-Йорка. Корабли постоянно передвигались, но, чтобы избежать столкновений, лишь внутри одной из шести закрепленных за ними зон. К началу октября уже дюжина американских кораблей нарезала круги внутри предписанных им зон.

Экспедиционный отряд МП медленно отходил от своего плана эвакуировать мирных граждан из Пакистана. Караульно-конвойная служба консульства рапортовала о контроле над ситуацией.

Был обычный вечер вторника. Мы находились на севере Аравийского моря, после ужина я поднялся на верхнюю палубу и проскользнул через светомаскировочные занавеси к перилам. Корабль шел мягко. Без визуальных контрольных ориентиров казалось, что звезды над головой плывут то в одном направлении, то в другом.

Так много мирных мест в мире. Я вспомнил тот день в ШПО, когда узнал о бомбежке американских посольств в Африке. Я был таким наивным. В тот день я еще верил в так называемую «квоту на мир». Теперь у моего поколения будет свой Пёрл-Харбор, а я пехотный лейтенант. Я бы мог учиться в медицинской академии или ходить на работу в костюме. Как я мог поступить так со своей семьей? Интересно, сколько пехотных лейтенантов, служивших в декабре 1941 года, выжили к 1945 году?

* * *

Я сидел на металлическом стуле в пункте оперативно-тактического тылового обеспечения и изучал данные анализа страны, присланные из ЦРУ. Патрик сидел по диагонали от меня, читая о тактике боя Талибана.

— Послушай-ка это, — сказал я. — Население — двадцать пять миллионов человек, однако всего тридцать одна тысяча телефонов и сто тысяч телевизоров. Тридцать процентов людей, умеющих писать и читать, восемьсот долларов ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни сорок пять лет и самые большие показатели по экспорту опиума, орехов, ковров и овчины. Звучит так, как будто мы будем воевать с людьми, вооруженными палками и рогатками.

— У них, между прочим, есть ракеты ближнего действия. Они обобрали Советский Союз до нитки, — сказал Патрик, не отрываясь от своих бумаг. — Ракеты ближнего действия, при стрельбе их держат на плече.

Патрик оторвался от своих бумаг и поднял один лист вверх.

— Ну-ка, посмотри. Январь 1842 года. Британцы, колонной, выдвинулись из Кабула. 16500 солдат и гражданских лиц. Войска хотели занять Джелалабад, находящийся на расстоянии в 70 миль. Угадай, сколько они прошли?

— Нисколько.

— Именно. Афганцы безжалостно убили всех, кроме одного. Они оставили его в живых, чтобы он рассказал обо всем остальным. Да приплюсуй еще Советский Союз, — продолжал он. — Они добавили еще пятнадцать тысяч человек в 1980 году

плюс в десять раз больше этой цифры раненых и тысячи мертвых из-за вирусных инфекций. Мое мнение таково: это место было кладбищем для огромного количества таких же парней, как ты и я, и для нашей же пользы нам нужно учиться на ошибках предыдущих ходоков.

Я вернулся к обзору тактики Талибана. И прочитал кое-что интересное: воины никогда сами не носили свое снаряжение и оборудование — это было работой женщин или мулов. Если не было женщин или мулов, то они обходились без боевой техники. Рапорт оканчивался замечанием, что уроженцы запада, работавшие с моджахедами в 1980 году, говорили о том, что практически невозможно совместно с ними организовать оборону — они быстро уходят с укрепленных позиций и присоединяются к атакующим.

— Смерть лучше позора.

— Повтори-ка еще раз! — Патрик оторвался от чтения. Я заговорил вслух и не заметил этого.

— Смерть лучше позора. Морские пехотинцы еще только делали себе татуировки с такой надписью на руке, а эти ублюдки уже безоговорочно следовали этому девизу.

Рыцарская бравада, которая, по словам капитана Новака, была мне присуща и которую он называл «демонстративным поведением», совсем улетучилась.

— Джентльмены, долгожданный приказ ждет нас на улице.

Было седьмое октября, я стоял на ежевечернем инструктаже офицеров корабля. Начальник оперативного отдела тряхнул кучей бумаг в руках и продолжал:

— Это приказ о ночном театре военных действий. Такой документ обычно вмещает в себя страницу и об обеспечении, и о санитарном рейсе. Но, как вы видите, этот приказ больше похож на телефонную книгу. Этим вечером нашими соседями будут бомбардировщики Б-1, Б-2, Б-52 и все типы воздушных транспортников. Большое множество.

В тот день, чуть раньше, мне сказали, что рота «Чарли» покинула «Пелелиу». Их миссией было освободить аэродром в Джейкобабаде,{8} территория Пакистана, аэродром нужен для организации воздушного поиска и спасения в ходе боевых действий. Это могло обозначать только одно: американские пилоты вскоре окажутся в небе над Афганистаном.

Начальник оперативного отдела продолжал:

— Поэтапная авиационная кампания против Афганистана начнется в течение часа. «Томагавки» с «Филиппинского моря»{9} будут частью первой волны. Сейчас я хочу закончить, и мы все

пойдем на палубу и посмотрим на шоу.

Уровнем ниже два моряка бренчали на гитаре и пели песню Боба Дилана «Shelter from the Storm».{10}

Патрик увидел это первым. Свет вдалеке слепился в маленький оранжевый шар, взметнулся вверх, превратившись в туманный пласт на палец выше уровня горизонта, и затем сплюснулся в горизонтальную черту, в то время как боеголовка «Томагавка» исчезла где-то на севере.

Много недель мы ждали этого момента. Теракт 11 сентября был актом войны. Но до ответа на теракт мы не могли сказать, что вступили в войну и сами. Сейчас неопределенность исчезла. По громкоговорителю объявили об отмене всех запланированных мероприятий на последние два дня, так как «ожидаются оперативные задания». На «Дубьюке» объявлялся военный режим.

10

НЕДЕЛЕЙ СПУСТЯ НА ОСВЕЩЕННОЙ СВЕТОМ ПАЛУБЕ, под сигнальным мостиком, солдаты моей роты на синем резиновом коврике надирали мне задницу. Я, может, и был командиром взвода, но многие из моих морских пехотинцев были крупнее меня, да и дрались лучше. Свободное время мы посвящали программе обучения морских пехотинцев восточным единоборствам, во всем мире известном как «семпер фу».{11} Инструктором в этом деле был командир моей пулеметной секции штаб-сержант Ло.

— О'кей, послушайте-ка меня, все вы, киски, никогда не участвовали в сражении. Если вы можете трахаться или играть в бейсбол, то вы можете и сражаться. Всё дело в бедрах.

Ло был больше похож на библиотекаря, чем на пулеметчика. Во взводе он был единственным, кто понюхал пороха. Он участвовал во многих перестрелках на Балканах.

И вдруг ко мне подошел какой-то офицер и сказал:

— Лейтенант Фик, командиру корабля необходимо ваше присутствие в пункте тактического тылового обеспечения прямо сейчас.

Капитан Уитмер ждал меня около компьютера.

— Нат, меня только что вызвали на «Пелелиу» для планирования операции. Я хочу, чтобы вы с Патриком пошли со мной. Для вопросов времени нет. Положите в вещмешки все необходимое для двух-трех дней, через пять минут я вас жду.

Перечень операций был озаглавлен: «Будьте готовы к…», и надписи синим маркером: «…Подкреплению артиллерийским щитом посольства США в Исламабадде, обеспечению безопасности передового аэродрома при помощи артиллерийского щита на береговом базировании, подкреплению Джейкобабада артиллерийским щитом». Эта операция не была похожа ни на одну из описанных. Я побежал вниз по мостику, покидал в вещевой мешок план посольства, треники, положил в водонепроницаемую сумку книгу Уоллеса Стегнера «Угол покоя». Закрыв дверь, я понял, что забыл свою пластмассовую кружку с надписью «Дубьюк», пришлось за ней вернуться. Планирование операции предполагало просиживание за работой до глубокой ночи. Я поднялся на верхнюю палубу и сказал взводу об отъезде на пару дней и о том, что свяжусь со своими пехотинцами, как только буду обладать определенной информацией.

Капитан Уитмер и Патрик уже меня ждали.

— Никаких вертолетов. Мы используем БНК.{12}

Полетная палуба «Пелелиу» простиралась от носа до кормы, как у авианосца. Весь батальон Экспедиционного отряда МП был на борту. Внутри ангара, в приглушенном свете, стояли на своих шасси вертолеты и реактивные истребители «Харриер»,[13] вокруг них роилась команда технического обслуживания; морские пехотинцы на синем резиновом коврике отрабатывали приемы «семпер фу».

Батальонная десантная группа (БДГ) была сформирована по большей части из пехотинцев 1/1, операцию мы планировали в помещении площадью с однокомнатную квартиру в Манхэттене. Вдоль одной из стен стояли компьютеры, на противоположной от них стене висела большая подробная карта Пакистана и Афганистана. Какой-то остряк прикрепил к двери изображение Усамы Бен Ладена. Под портретом была надпись: «Ты можешь бежать, но тогда ты умрешь уставшим». Офицеры батальона и штабной сержантский состав уселись на раскладные стулья.

Когда капитан Уитмер, Патрик и я вошли, начальник штаба батальона призвал всех к порядку. Он согнал со стульев нескольких морских пехотинцев и предложил им покинуть помещение.

— Информацию по данной миссии мы будем хранить в наших сердцах, джентльмены. Извините.

Они вышли, обиженные, дверь за ними закрыли. Становилось интересно.

— Рота «Браво», добро пожаловать, — сказал начальник штаба батальона, кивая головой в нашу сторону. — То, о чем я буду говорить, не должен знать никто за пределами этой комнаты. В этих четырех стенах вы будете составлять план действий, здесь же вы будете излагать свои теории и иногда нести чушь. Здесь, а не на жилой палубе, не в офицерской кают-компании и не в спортзале. Это понятно?

Мы кивнули головами, и он продолжил:

— Как вы знаете, последние девять дней США бомбардирует Афганистан.

Он объяснил нам, что на суше находятся несколько сотрудников ЦРУ и войск специального назначения, преимущественно на севере.

— На юге нет ни одного американского солдата, — чтобы произвести на нас большее впечатление, начальник штаба батальона выдержал паузу. — Ситуация скоро изменится. 19 октября, в пятницу вечером, оперативно-тактическая группа «Свод» должна будет осуществить акцию на юге Афганистана. Необходимо захватить аэродром и предпринять попытку взять в плен некоторых высокопоставленных членов командного состава

противника.

Пауза.

— Нам дали задание, но не дали указаний, кто будет «Белоголовым Орлом» этой миссии.

Пауза… и медленный поворот головы в сторону капитана Уитмера, Патрика и меня:

— Рота «Браво» — это вы.

Мы трое одновременно уставились на него. «Белоголовый Орел» — это резервная часть ротного состава, готовая прийти на помощь в любой момент. В наших головах крутился один и тот же вопрос: почему «Браво»?

Капитан Уитмер был слишком сдержан, чтобы произнести это вслух. В батальоне, среди других командиров роты, он казался бунтарем, он был отвергнутым пасынком, обучающим морских пехотинцев быть хорошими, а не выглядеть хорошими. Он твердо подталкивал нас к действию, требовал ответственности и не мог даже надеть на себя маску подобострастия. Но когда пришло время осуществить первую важную операцию, батальон обратился именно к нему.

— Оперативно-тактическая группа «Свод» включает в себя войска специального назначения, на данный момент базирующиеся на авианосце «Кити Хоук», — продолжал начальник штаба батальона. «Кити Хоук» использовался в качестве плавучей базы для войск специального назначения, в чью рабочую зону входит Афганистан и его окрестности. — Вот формулировка вашей задачи, — он протянул нам листок бумаги под маркой «Секретно». Это слово было написано большими красными буквами.

Начальник штаба продолжил:

— Я прочитал внимательно приказ, и мне в голову пришел неплохой план. В пятницу ночью, когда окончательно стемнеет, бойцы оперативно-тактической группы «Свод», преимущественно десантники военно-диверсионных частей, которых в МП называют «рейнджерами», и частей особого назначения вылетят с «Кити-Хоук». Они направятся в Пакистан для захвата маленького аэродрома неподалеку от Далбандина,{14} его кодовое название — Хонда. Аэропорт необходим в качестве пункта дозаправки топливом и пополнения боекомплекта. Из Далбандина часть войск должна высадиться на парашютах на взлетно-посадочную полосу на юге Афганистана, кодовое название — Рино, в то время как другая часть будет искать пристанище лидера Талибана муллы Омара за пределами Кандагара. Мы будем выступать в качестве резерва — на случай, если что-то пойдет не так на любом отрезке миссии.

Специально для миссии группы «Свод» пилоты вертолетов, разрабатывая различные маршруты полета через горы, рассчитали расстояние и количество необходимого топлива. Пехотные офицеры штудировали карты, чтобы максимально запомнить ландшафт Рино и Хонды и решали, сколько людей им понадобится при различных сценариях действий. Все построенные гипотезы в конце концов слились в одну конструкцию, включающую в себя три возможных плана действий: или высадить «Белоголовых Орлов» на территорию Хонды, или придержать их на борту самолета — при необходимости они будут готовы высадиться в любую минуту, или оставить их на «Пелелиу», тогда они будут готовы через несколько минут после оповещения. Командир Экспедиционного отряда МП изучил предоставленные ему варианты и решил оставить «Белоголовых Орлов» в состоянии боевой готовности на борту. Когда был выбран курс действий, Экспедиционный отряд МП продумал остальные детали операции.

Жернова опять заработали. План был разделен на множество участков, все были сфокусированы на разных аспектах операции. Пилоты разрабатывали подробный план маршрутов и выбрали смесь из транспортных вертолетов «Супер Стэльен» и ударных вертолетов «Кобра». Пехотинцы придали плану окончательную форму: распределяли взводы по вертолетам так, чтобы, если один из вертолетов будет уничтожен, с ним вместе разом не погибли все пулеметчики или офицеры.

В итоге, после соответствующих изменений и обновлений, план был оглашен: каждый ключевой игрок пояснял свою роль командиру Экспедиционного отряда МП в письменном виде. В соответствии со стандартами Экспедиционного отряда МП весь процесс подтверждения плана должен занимать не более шести часов.

Только после того как план был одобрен, я почувствовал долгожданное облегчение: наконец могу рассказать все своим пехотинцам. Я хотел оградить их от процесса постоянного изменения деталей миссии.

— Взвод вооружения, кругом, — сказал я, стоя в ангаре и держа в руке свою тетрадь и ксерокопии карт.

Морские пехотинцы остановились, перестав загружать оружие и настраивать рацию, они подошли поближе, чтобы не упустить ни слова. Я быстро обрисовал ситуацию, слыша в ответ негромкие свистки и кивки одобрения.

— Важно, чтобы здесь и сейчас мы начали строго придерживаться временных рамок. У нас много проблем. Этот

вечер вы можете посветить сбору личных вещей и оборудования взвода. Ночью вам необходимо отдохнуть, завтра будет много дел.

Я выдернул листок из тетради и прикрепил его к переборке судна.

— Вот расписание: 06.00 — завтрак; с 06.30 до 08.00 — погрузка оружия, выписка боевой техники; с 08.00 до 09.00 — вертолетные учения; с 09.00 до 10.00 взводу будет объявлен официальный приказ; с 11.00 до 12.00 — окончательная подготовка экипировки и техники; с 12.00 до 13.00 — инструктаж по правилам задействования сил и средств; с 13.00 до 16.00 — отработка операции; 16.30 — проверочные стрельбы; 17.00 — перекличка и финальная отработка операции на борту судна. После 17.30 «Свод» должен находиться на борту самолета, «готовность 10» — это десять минут с момента оповещения до посадки.

Я взглянул на своих солдат, стоящих в шоке.

— Да, друзья. Миллионы американских мужчин хотели бы быть сейчас на вашем месте. Нам выпала честь отомстить за свой народ.

В пятницу я впервые увидел военных в военное время. Пока взвод действовал в соответствии с расписанием, мы с Патриком подготавливали боевую технику для предстоящей операции.

К 17.00 наши рюкзаки, амуниция и медицинское оборудование находились уже в вертолете, который, в свою очередь, был заправлен и стоял на летной палубе. В конце концов я присоединился к офицерам роты, расположившимся в пункте тактического тылового обеспечения.

Начальник батальона прокричал по рации:

— Один из вертолетов группы «Свод» упал. Приготовьтесь, от вас требуется находиться в состоянии боеготовности.

Я соскочил с полки, надел ботинки и побежал, шнурки завязать не успел, так что во время моего кросса они болтались по полу. Вбежав в оперативный пункт батальона, я посмотрел на часы. Было 03.45 пополудни.

Миссия группы «Свод» еще не была окончена, информация поступала не в полном объеме и была противоречива. Не то в Афганистане был подбит вертолет, не то он сам разбился из-за ужасной видимости при посадке в Пакистане. Нет человеческих потерь, или нет ни одного живого? Подкрепление будет немедленно отправлено на помощь или рейнджеры попытаются выбраться из дерьма сами? Нашей задачей по умолчанию было

сидеть и наблюдать за развитием ситуации. Я снял телефонную трубку, чтобы предупредить своих морских пехотинцев, но потом придумал кое-что получше. Каждое выделение адреналина заменяется упадком сил в организме. Каждый раз, когда мы готовимся к высадке, а этого, в итоге, не происходит, наш организм испытывает усталость и разочарование. Я подумал, будет лучше не травмировать бойцов таким образом.

Морские пехотинцы удачно приземлились на парашютах в Рино, и рейнджеры организовали оборону с ограниченными целями. Миссия группы «Свод» по захвату муллы Омара провалилась, так как он не был обнаружен на предполагаемой территории.

Мы опять информировали своих солдат о внесенных в план изменениях, координировали кучу деталей: поддержку с воздуха и средства связи. В 20.30 поток слов закончился. Нам было объявлено, что наша миссии откладывается на сутки.

Командир Экспедиционного отряда МП, полковник Томас Уолдхаузер сказал о том, что окончательный план миссии будет оглашен до четырех часов пополудни. В молодости он служил пехотным офицером и офицером разведки, у него была репутация человека, добивающегося от подчиненных выполнения своих приказов.

Начальник оперативного отдела Экспедиционного отряда МП начал презентацию предстоящей операции, используя слайды и говоря преимущественно с командиром Экспедиционного отряда и капитаном первого ранга, сидящими за столом в первом ряду. У каждого из них было право вето. К концу презентации каждый ключевой и большая часть периферийных игроков рассказали о планах своих действий в этой миссии. Воздух, разведка, оперативники, системы связи, десантный транспорт снабжения, первая медицинская помощь, погода. Даже судовой священник сказал несколько слов.

Встал капитан Уитмер. Он будет командовать нами на суше. Он выглядел помятым и говорил тихо, в нем не было пафоса, в отличие от ранее выступавших — они-то останутся на борту судна и будут смотреть, как вертолет с нами в чреве летит на осуществление миссии. Он сочувствующе улыбнулся нам с Патриком, понимая неизбежность этого цирка, и начал во всех подробностях рассказывать командирам о плане действий. Его доклад был тщательным, слова — уверенными и доходчивыми.

Когда со всеми деталями было покончено, полковник Уолдхаузер встал, повернулся к нам лицом и сказал:

— Миссия одобрена. Удачи, джентльмены.

Затем капитан Уитмер, Патрик и я были приглашены в каюту полковника Уолдхаузера. Когда капитан Уитмер слегка постучал в дверь, открыл нам ее сам полковник.

— Джентльмены, я пригласил вас на эту личную беседу, потому что хочу, чтобы вы до конца осознали всю важность данной миссии. Наш друг генерал Мушарраф взошел на политический Олимп, в первую очередь для поддержания кампании по сохранению независимости. Что для вас самое важное сегодня ночью?

Мы с Патриком переглянулись и хором сказали:

— Спасти вертолет «Блэк Хоук».

— Неверно. Самое важное сегодня — не убить ни одного пакистанца. Пакистанская армия образовала вокруг аэропорта кордон безопасности. Там, вокруг вас, в темноте будут сотни вооруженных людей. Может быть, вы будете их слышать, но вы не должны в них стрелять. Я не хочу, чтобы взвинченные до предела юнцы, знающие, как нажимать на спусковой крючок, потеряли контроль над собой и раздули тем самым международный скандал. Так что спасение вертолета сегодня ночью является не самой важной частью вашей миссии. Но, — добавил он с улыбкой, — я жду от вас также и спасения вертолета «Блэк Хоук».

Я пошел к своему взводу, чтобы ответить на возникшие у них вопросы. Штаб-сержант Ло инструктировал своих пулеметчиков, в который раз повторяя с ними всевозможные пиротехнические сигналы.

— Хорошо, бойцы, давайте еще раз. Красный сигнал — это экстренная эвакуация. Зеленый — отделение отступает, не стреляйте в них. Белый — только для того, чтобы осветить территорию. Дымовая шашка всех цветов — для того, чтобы было легче скрыться. Все поняли?

Облокотившись о стену, я слушал, как он повторял с солдатами радиопозывные сигналы. Командир миссии — это «Гордый тигр», передовой авианаводчик — это «Шея», эскорт вертолетов «Кобра», обеспечивающих прикрытие — это «Пикировка». Когда морские пехотинцы начали смотреть на меня, Ло замолчал и оглянулся.

— Ну, лейтенант, мы, по-моему, максимально готовы. Будем надеяться, что сегодня ночью нас все-таки пошлют на дело. — Ло был в очках, но все равно было заметно, что у него красные зрачки. Слишком часто все меняется, то да, то нет, даже мой острый ум — и тот притупляется.

— Я думаю, на этот раз все точно. Не забудьте хоть немного

отдохнуть.

Я уже уходил, когда Ло выкрикнул:

— Эй, сэр. Не волнуйтесь насчет пулеметчиков. Все схвачено. Мы хорошая команда. Мы готовы.

С трудом сдерживая улыбку, я остановился и, кивнув головой, начал подниматься по лестнице.

11

Я УСТАНОВИЛ БУДИЛЬНИК на двенадцать тридцать ночи, но все мои попытки уснуть были тщетными. Три часа я ворочался в постели, потом, бросив эту затею, встал и принялся читать журнал «Спортс Иллюстрейтед», одновременно слушая альбом «Металлики» «Ride the Lightning».{15} Я больше не мог ждать. Схватив свою пластиковую кружку, я пошел в офицерскую кают-компанию.

Взвод построился у трапа, ведущего к летной палубе. Морские пехотинцы стояли в том порядке, в котором они будут садиться в вертолет. Сойдут же они с борта вертолета прямо в противоположном порядке. Группа огневой поддержки и пулеметное отделение обосновались. Мое место — в самом конце, потому что из нашей птички я выйду первым.

Капитан Уитмер, выглядящий просто огромным в своем бронежилете, подозвал к себе всех лейтенантов и сержантов. Я подошел, ожидая услышать сообщение об очередных изменениях в планах или правилах задействования сил и средств.

— Если вы что-нибудь напутаете и хоть один пехотинец во время вылазки будет убит, — сказал капитан без преамбулы, — я самолично пущу пулю вам в лоб.

Штаб-сержант схватил меня за руку и потащил в ангар.

— Вы пожалеете, что не взяли с собой минометчиков, сэр, совсем скоро эти хаджи пойдут на ваш периметр.

Тон у него был шутливый, но я-то знал, что он очень хочет поехать с нами. Прежде чем я успел ему ответить, по внутренней связи объявили: «Посадка на вертолет». Штаб-сержант похлопал меня по плечу:

— Вернитесь живым.

Я повел колонну к ведущему вертолету, на нем краской было выведено название: «Крадущаяся смерть». Сосчитал своих пехотинцев, все правильно — тридцать. Тридцать первое, последнее, место мое. На полетной палубе, чуть дальше, гудели еще два вертолета CH-53. Один из них повезет еще тридцать солдат, а третий полетит пустым, чтобы вывезти людей, потерпевших крушение на вертолете «Блэк Хоук», и доставить их назад на авианосец.

Наши с Патриком взводы были перемешаны, так что на моем вертолете сидела половина людей Патрика и наоборот. Это было сделано на тот случай, если один из вертолетов будет по каким-либо причинам выведен из строя. Шум двигателя становился все сильней — мы взлетали с палубы «Пелелиу».

Я всегда занимался спортом, и последние годы моей жизни тоже были схожи со спортом. ШПО была игрой. Полевые учения в ШОСП были «игрой в игру». Победа. Поражение. Кодовые слова — такие, как «тачдаун» и «мяч вне игры». Но в вертолете ощущение игры как ветром сдуло. Мне казалось, что я совершаю самый важный поступок в своей жизни.

Пилот по рации сообщил о пятиминутной готовности — пять минут до того момента, когда наши ботинки коснутся земли.

Вскоре вертолет выпустил шасси, трап был опущен. Я выбежал наружу, повернулся налево, чтобы не закрутиться в рулевой винт. Штаб-сержант Ло и его пулеметчики безмолвно двигались в северном направлении. Они встанут по периметру и будут обеспечивать безопасность разбитого вертолета «Блэк Хоук».

Было темно, но, несмотря на это, я увидел группу морских пехотинцев, собравшихся в кучу, и поспешил к ним. Рядом с капитаном Уитмером стоял пакистанский офицер. Они вместе смеялись над чем-то, как будто находились на коктейль-приеме. Я, по сравнению с ними, выглядел агрессивным — в полном походном снаряжении, при оружии.

— Лейтенант Фик, это майор Мэгид.

— Рад познакомиться с вами, сэр.

Я кинул взгляд на любезно улыбающегося капитана Уитмера.

Майор был худощавым, его форма была украшена орденскими ленточками и массивными плетеными эполетами.

— Не бойтесь. Мы организовали трехслойную защиту, вы в хороших руках, — сказал майор, слегка кивнув головой. — Как вы относитесь к чашечке чаю?

Чай аккуратно налили в потрескавшиеся фарфоровые чашки. Он явно отдавал козьим молоком. Мои руки были в перчатках, чашку держать было неудобно. Я выпил чай буквально залпом: не хотелось обижать майора, но и к своим обязанностям я должен был вернуться так быстро, как мог. Мои первые боевые деяния никак не могут быть посвящены распиванию чая. Тишина вдруг нарушилась каким-то долгим диким воплем — возможно, это муэдзин призывал правоверных к утренней молитве.

Штаб-сержант Ло со своими пехотинцами уже были на месте, взвод Патрика занял позиции вокруг нас. Команды переговаривались при помощи раций, в основном информируя друг друга о местах расположения пакистанских солдат. Надев очки с ночным видением, я сканировал горизонт, ища вспышки стреляющего оружия. Ничего. Я поговорил с пилотами вертолетов «Кобра», которые могли видеть намного большее расстояние, чем я. Они также не заметили ничего настораживающего.

Группа обезвреживания неразорвавшихся боеприпасов, с ротой «Браво» по периметру, осторожно передвигалась к потерпевшему крушение вертолету. Они оставляли за собой инфракрасные палочки, чтобы пометить безопасные пути отхода.

Если не удастся поднять «Блэк Хоук», мы планировали использовать зажигательные гранаты, чтобы поджечь кабину летчика и трансмиссию, затем при помощи взрывчатки взорвать хвостовую балку. Но пилоту удалось со второй попытки поднять поврежденный «Блэк Хоук» в воздух, и он медленно полетел на юг. Восточное небо только начало рассветать.

Я подал сигнал по рации, и команда Ло покинула свои позиции по заданному периметру. Медленно отходил и взвод Патрика. Мы направлялись к одной точке — к взлетнопосадочной полосе. Вертолеты «Кобра» летели на малой высоте, напоминая, что на этой территории мы находимся не одни.

Убедившись в том, что все наши солдаты успешно сели в вертолеты, мы с Патриком сели в них последними — закинули свои рюкзаки в вертолет, когда трап уже поднимался, а потом и сами запрыгнули на борт. Я посмотрел на часы. Было пять часов утра. Мы провели на земле Пакистана ровно сорок две минуты.

Через девяносто минут мы были на взлетной палубе «Пелелиу» — как раз вовремя, чтобы съесть омлет в офицерской кают-компании.

Я проспал практически до вечера, устав больше от выброса адреналина в кровь, чем от бессонной ночи. Около четырех часов пополудни я ощутил на своем плече руку Патрика.

— Военный комендант прилетает на корабль, будет с нами ужинать. Может, ты хочешь отмокнуть и привести себя в порядок?

Я сел, за секунду в моей голове пронесся вихрь воспоминаний о событиях последних двадцати четырех часов. Военный комендант генерал Джеймс Л. Джонс был «четырехзвездным генералом», первым в морской пехоте. Я не думал, что он приехал из Вашингтона специально для поздравления нас с удачно проведенной операцией. Скорее всего, он приехал для напутственной речи. Новая миссия, но какая? Единственная форма, имеющаяся у меня в наличии, это та, в которой я был на задании. Я встал с койки и пошел в ванную — надо было хоть как-то стряхнуть пыль.

До шести часов оставалось несколько минут, когда мы с Патриком вошли в офицерскую кают-компанию.

— Джейкобабад — сущее дерьмо, — сказал Ви Джей, вернувшийся оттуда после десятидневной высадки. — Жарко, пыльно, туман, жратвы нет, душа тоже. Везде эти гадские пауки.

Состояние безопасности — злая шутка, наша рота выполняла работу, по объему равную работе целого батальона. Если кто-то захочет нас там прихлопнуть, он влегкую справится с поставленной задачей.

Патрик и я придвинулись поближе. Становилось все интересней и интересней. По графику нам следующим нужно было обеспечивать безопасность базы.

— Внимание! Все на палубу!

Все вскочили со своих мест.

— Вольно, джентльмены. Садитесь, — сказал генерал Джонс. Они с полковником Уолдхаузером сидели во главе стола.

Вместо длинного политкорректного монолога он после ужина просто поднялся со своего стула и рассказал свою историю о войне.

— 226-й день рождения нашего рода войск вы отметите, находясь здесь. Мой самый запоминающийся день рождения я встретил на поле сражения, это было 10 ноября 1967 года во Вьетнаме, в качестве лейтенанта пехотного взвода. Мы раздавили кучу круглых фунтовых кексов из пайка, чтобы сделать торт, сверху покрошили шоколад и пели гимн морской пехоты. К сожалению, тогда был сезон дождей и свечи никак не хотели зажигаться, поэтому мы вернулись в свои окопы и продолжили то, на чем закончили: убивали вьетгонковцев.

Морские пехотинцы одобрительно хмыкали. Прежде чем сесть, генерал Джонс посмотрел на наш стол.

— Помяните мое слово, джентльмены, — сказал он. — Скоро придет ваше время.

12

В ДЖЕЙКОБАБАДЕ, СОЙДЯ с борта С-130,[{16}] я вспомнил описание предыдущего поколения морских пехотинцев, вступающих на землю Вьетнама. После речи генерала Джонса прошло пять дней. Настал черед роты «Браво» обеспечивать безопасность авиабазы Шаба в центре Пакистана, где даже в ноябре солнце не переставало палить.

Я обнаружил за одной из построек черный вертолет «Чинук», подпертый шлакоблоком — одного шасси не было. Я показал его штаб-сержанту.

— Это та «птичка» оперативно-тактической группы «Свод», о которой мы слышали. Потеряли управление при взлете с полевого лагеря муллы Омара. Выглядит так, как будто припаркована к палисаднику в западной Виргинии.

— Или Мэриленда, сэр.

Одна из разведывательных групп Экспедиционного отряда МП заняла позицию на крыше ангара, а мы поднялись наверх, чтобы осмотреться. Пахло дымом, было такое ощущение, что вокруг жгли одновременно тысячи мусорных куч да плюс к этому разводили костры для приготовления пищи. Вокруг взлетно-посадочной полосы росли низкорослые деревья, но, кроме этих деревьев, ничего не росло — земля вокруг была голой, потрескавшейся от безжалостного солнца. Не было никакого движения. На футболке Руди Рэйса и других морских пехотинцев были отчетливо видны запекшиеся белые пятна пота. Если бы на этих парнях были солнцезащитные очки, они вполне могли бы сойти за телохранителей. Сегодня разведывательная группа упражнялась в наблюдении.

— Обнаружили что-нибудь интересное? — спросил штаб-сержант, как будто знал заранее, что ответ может быть положительным.

— За нами следят с машины «Скорой помощи», — сказал Руди. Он встал, и я заметил бумагу в его руке. Он сделал набросок аэродрома, помечая азимуты и расстояния между ориентирами — так он мог дать точную информацию бомбометчикам и пилотам, атакующим с воздуха. — У них на двери Красный Полумесяц, альтернатива Красного Креста в исламских странах. Они приезжают каждый день, и каждый день парень с фотоаппаратом делает снимки. Может, это какое-нибудь дополнительное подразделение.

Пакистанское разведывательное управление помогало нам прибрать к рукам Талибан. Мы знали, что они нам не друзья, но

все же я не предполагал столь рьяного за нами наблюдения. Официально американских войск на земле Пакистана не было. Мы знали: между поисково-спасательной операцией и обнаружением для уничтожения разница небольшая.

— Они заметили, что вы за ними наблюдаете? — спросил штаб-сержант.

Руди покачал головой:

— За ними надо последить. Днем здесь хватит двух человек. Действовать будем ночью. Надо попатрулировать город по периметру, понатыкать датчики движения и все такое.

Загадочность разведки складывается как раз из таких секретных акций.

Прошла неделя. Этот дремотный полдень не отличался от других. В дверь управления роты постучался пакистанец.

— Я должен поговорить со старшим по званию американцем.

Капитан Уитмер был на совещании, так что отозвался я.

— Сэр, в наш офис поступил звонок. Пожалуйста, пройдемте со мной. — Речь пакистанца была очень правильной, с легким акцентом. Его слова сопровождались легкими кивками головы.

Я последовал за ним в здание, порог которого до этого не переступал.

Вошел — понял: помещение для дежурных летчиков. Свет был тусклым, я на секунду остановился, чтобы глаз, а смогли привыкнуть. На улице-то солнце пекло вовсю. Дюжина пилотов в зеленых летных костюмах, развалившись, сидели на стульях. Курили все. Когда я вошел, все замолчали и дружно уставились на меня. На стенах висели фотографии самолетов Ф-16: в полете, идущих на посадку, взлетающих. Это очень смахивало на спальню восьмилетнего мальчика. Пустовавшие сейчас ангары в Джейкобабаде были построены именно для этих птичек. Пилотов специально обучили и привезли сюда для их пилотирования. Но самолетов не было, и, соответственно, пилотам делать было нечего.

Приведший меня пакистанец показал на телефон и деликатно отошел в сторону.

Я поднял трубку. Тишина. Когда я сказал об этом человеку, приведшему меня сюда, он только пожал плечами.

— Из какого вы рода войск? — спросил он, и это не прозвучало как праздное любопытство.

— Морская пехота США.

— Какая именно воинская часть? Сколько у вас пулеметов?

Я быстро повернулся и вышел на улицу.

Прошло почти две недели в Джейкобабаде, мы не знали ни отдыху ни продыху. Рота получила предварительное распоряжение на три различные операции, но они не стартовали. У каждого были свои эвфемизмы, касающиеся Афганистана, — чаще всего говорили «на севере» или «за горами». Мы были зациклены на боевых действиях. Находясь на корабле, мы хотели поскорее сойти на землю. Но в Джакобабаде мы сидели и ничего не предпринимали. Близко, но пусто. Мы чувствовали себя вторым составом и представляли себе, как другие выполняли в Афганистане одну миссию за другой. Наше поколение было взращено на сточасовой войне, и мы боялись, что эта пройдет без нас.

Ранним вечером мы с Джимом сидели на крыльце здания, используемого нами в качестве штаб-квартиры.

Из индивидуального пайка я вытащил большую пачку «L & M», разорвал ее упаковку, чтобы можно было прочитать рекламу внутри пачки.

— Я могу зарегистрироваться и выиграть билеты на Олимпийские игры, — прочел я.

— Которые? — Джим решил обойтись без ужина и вместо него пил кофе.

— Летние. Барселона. 1992. Этим хреновым индивидуальным пайкам уже десять лет.

— Лучше наслаждайся омлетом, брат.

Подошел капитан Уитмер. Он возвращался с ежедневного вечернего сбора командиров, и с его лица не сходила улыбка. Поступил приказ: мы должны были покинуть Джакобабад. Приказ неожиданный, впрочем, как и приказ о высадке на этой территории. Завтра утром 101-я воздушно-десантная дивизия доставит нас на корабль — для подготовки к следующей операции в Афганистане.

Мы упаковывали свое снаряжение и боеприпасы всю ночь. Наконец-то мы отправимся «на север», «за горы».

Ура! Мы на корабле.

— Завтра День благодарения, отметьте его по своему желанию, — объявил по громкоговорителю капитан «Дубьюка».

Команда «Дубьюка» устроила нам праздничный ужин. Мы сидели за столом офицерской кают-компании, украшенным бумажными индюшками и пластмассовыми тыквами. Индюшка, картофельное пюре и подливка, клюквенный соус и яблочный пирог. На несколько часов мы сделали вид, что опять живем обычной жизнью. Сидя вокруг стола, взялись за руки и помолились за наши семьи, за тысячи других семей, впервые

празднующих День благодарения с пустым стулом за столом, помолились за наших товарищей, чья бдительность позволила нам собраться сегодня и вместе разделить еду. После ужина я отправился к себе, нужно было готовиться к вылету в Афганистан.

В каюте я надел на плечи рюкзак и встал на весы. Стрелка колебалась у цифры в 365 фунтов {165 кг}. Вычтем вес моего тела, а это 190 фунтов {86 кг}. Мне придется тащить на плечах 175 фунтов {79 кг}. Я вспомнил исследование, читанное еще во время учебы в КПО: морские пехотинцы могут нести 50 фунтов {22 кг} и быть эффективными. Пятьдесят фунтов — столько весит мое оружие, или вода, или вещи. Не могу же я что-то оставить.

Закончив со сборами, я спустился в пункт тактического тылового обеспечения, чтобы послушать, как рота «Чарли» захватывает взлетно-посадочную полосу на юге Афганистана — позже она во всем мире будет известна под названием «лагерь Рино». «Рино» было кодовым названием поля, куда в октябре приземлилась на парашютах оперативно-тактическая группа «Свод»; название осталось у всех на слуху. Я постучал в закрытую дверь, меня впустили и ввели в курс дела.

— С «Пелелиу» они отправились точно по расписанию, в 17.00 по Гринвичу. Сейчас они в полете. В соответствии с графиком, — сказал он.

17.00 по Гринвичу — это 21.00 по местному времени. То есть вылетели тридцать минут назад.

Я лежал на своей койке и не мог уснуть, думая о последних новостях. Разведка рапортовала о том, что под давлением афганского Северного Альянса и частей особого назначения США Талибан вел переговоры о капитуляции в Кундузе. К сожалению, не было сказано ничего обнадеживающего о Кандагаре. Кандагар был духовным домом движения Талибан. Нашей миссией было ускорить там процесс распада Талибана. Лагерь из четырех сотен отборных бойцов был разбит к востоку от Рино, а реактивный самолет ВМФ доставил ракеты класса «земля — воздух» к военному аэродрому города Лашкар-Гах, расположенному к северу от Рино. В то же самое время генеральный консул Талибана объявил о том, что «новый фейерверк в США» придется на последнюю неделю Рамадана, в середине декабря, и американцы «будут умирать как мухи». Слыша это, я погружался в неспокойный сон.

На следующее утро наша рота отправилась на берег на катерах с воздушной подушкой.

На берегу нас ждали грузовики и восьмимильная поездка к аэродрому Пасни.{17} Мы сидели на рюкзаках и просто болтали.

— Ну так что, сэр, у нас тут все серьезно? Похоже, наш батальон морских пехотинцев идет в сторону Афганистана. Наши родители, дома, будут читать об этом в газетах? — спросил один из моих морпехов.

Я сказал, что конечно. Это была самая дальняя десантная высадка за всю историю морской пехоты — больше 440 миль от корабля до Кандагара. Как если из Бостона отправиться в Балтимор.

Каждый километр или около того мы проезжали мимо грязных перекрестков, дороги на этих перекрестках ответвлялись от нашей и исчезали в темноте. На каждой такой развилке несли караульную службу двое пакистанских патрульных. С винтовками со скользящим затвором, они выглядели как солдаты Первой мировой. Я ежился в своем бронежилете, пытаясь хоть как-то согреться. Пустынная жара исчезала вместе с солнечными лучами, оставляя после себя лишь пронизывающий до костей холод. После получаса постоянных остановок патрулями мы увидели огни взлетно-посадочной площадки и услышали рев моторов двух С-130. Деревья скрывали в своей листве легкие бронированные машины и «Хаммеры», накрытые камуфляжной сеткой. Мы прибыли на аэродром Пасни — это была последняя наша остановка перед Афганистаном.

Здесь, в Пасни, жизнь шла, подчиняясь своему особому ритму. Некоторая опаска по поводу неприятной встречи с афганскими реактивными снарядами накладывала ограничения на полеты. Они совершались только в ночное время. В Пакистане мы должны были поддерживать иллюзию, что американские войска не будут предпринимать никаких наступательных операций. Соответственно, нам приходилось днем прятаться в каменных ангарах, было скучно, в виски стучал запах пота. Но после заката все кардинально менялось, все приходило в движение. С-130 приземлялись, пилоты даже не глушили мотор на время погрузки, и после погрузки «птички» сразу же улетали. Вертолеты мотались взад-вперед, от нашей базы до корабля.

В ночь нашего прибытия ангары были уже полны, поэтому нам пришлось устроиться на свежем воздухе.

Перед рассветом мы перебрались внутрь. Вокруг меня морские пехотинцы играли в карты, спали или стояли кучкой у двери, чтобы вдохнуть свежего воздуха и поболтать.

— Ну вот, вертолет «Кобра» выпустил ракету прямо в здание в центре города, — рассказывал один из морских пехотинцев. — Гражданские мирно сидели, пили кофе, читали газеты. И тут вдруг оглушительный взрыв, гребаным цементом засыпало весь квартал. А мы-то одеты в форму. У меня на груди нашивка

«Морская пехота США», на вертолете тоже надпись «Морская пехота». И что делать? Что отвечать на вопросы? «Извините, парни, я не знаю, что за гондоны сидели за штурвалом того вертолета?»

Другой солдат подливал масла в огонь:

— Город Могадишо, брат. Ты не видел дерьма, если ты там не был. Все кишит маленькими худощавыми ублюдками. Они, наверное, шизеют от листьев, которые постоянно жуют. Они называют их кат. А потом начинают палить из своего оружия во все, что движется. Не стой около стен. Вдоль них летят пули.

Со стороны другой горстки пехотинцев доносилось:

— Еду я по главной улице Паттайи, в руках по бутылке пива, сзади две шлюхи, а сидим мы на слоне, раскрашенном розовым цветом. Я их, конечно пощупал везде. Так что я бывалый. Это не первая моя передислокация.

Я слушал их и вдруг осознал: да, они много где побывали, но в своих странствиях практически ничего не видели. Морские пехотинцы путешествуют не в общепринятом значении этого слова. Они смотрят на иностранные государства или через пулеметный прицел, или ночью, во время увольнительных.

Мы знали крайне мало о месте, куда собирались. Еще пару лет назад никто и предположить не мог, что мы будем проводить операцию в этой части света. Нас натаскивали для военных действий в Таиланде, Австралии и Кении, Сейшельских островах, Гонконге и Сингапуре, для разрешения долгоиграющего кризиса с Саддамом. Афганистана, в прямом значении этого слова, на нашей карте не было. У нас были только рудиментарные карты. Большая часть американских карт датировалась еще временами советской оккупации.

Стемнело, Патрик подошел ко мне и сказал:

— Вот твой билет. — Он протянул мне путевой лист с именами и группой крови тех морских пехотинцев, которые полетят на самолете. — Мы вылетим в Кандагар в девять тридцать.

13

ТРЕМЯ ЧАСАМИ ПОЗЖЕ, сидя на огромной резиновой канистре в грузовом отсеке С-130, освещенном тусклыми красными лампочками, я вспомнил фразу: «Безопасность прежде всего», и вдруг осознал, что приоритеты изменились. Мои морские пехотинцы делали вид, что абсолютно спокойны. Некоторые притворялись спящими. Но, конечно, было заметно, что их сердца бьются очень часто.

По времени мы должны были уже прилететь. Точно. Самолет начал круто опускаться. Мы вытаскивали снаряжение, пейзаж был безликим, плодородием здесь и не пахло. Полная луна освещала песок серебряным светом. Он выглядел как свежевыпавший снег. Кристально чистый воздух говорил о непосредственной близости гор. Я вспомнил: Рино находится на 3285 футов выше уровня моря.

Излюбленной темой разговоров среди морских пехотинцев, служащих в Афганистане, было происхождение нашего лагеря. Девяносто миль от Кандагара — на моей памяти самое заброшенное место. Рино. Короткая грязная взлетно-посадочная полоса и несколько зданий, защищенных белой кирпичной стеной. По периметру, в четырех углах, сторожевые вышки. Внутри стены складское помещение с высокими потолками, водонапорная башня, еще полдюжины маленьких зданий и одна мечеть. Интерьеры очень даже впечатляли: мраморный пол, гранитные столы, новые осветительные приборы и белые пластиковые стены. Асфальтированная дорога внутри лагеря была оснащена кирпичной дренажной системой, соединяющей здания между собой. Некоторые морские пехотинцы клялись, что строительство комплекса финансировало ЦРУ, еще во время кампании по захвату Бен Ладена. Другие были уверены, что место было пристанищем какого-то арабского принца.

В ту ночь мы спали на полу складского помещения. Ждали, когда взойдет солнце, чтобы занять позиции по периметру. Роте «Браво» полагался южный угол, по левому флангу будет рота «Чарли», по правому — «Альфа».

Афганистан — самая заминированная страна в мире, поэтому мы всегда смотрели, куда ставить ногу. Я шел, внимательно глядя под ноги, и, заметив клочок бумаги, застрявший в кустах, вытащил его. Это был блокнотный листок размером с небольшую открытку. На нем, видимо, на ксероксе, была воспроизведена знаменитая фотография трех бойцов, водружающих американский флаг над руинами Всемирного торгового центра.

Над фотографией прописными буквами были выведены слова: «СВОБОДА ВЫСТОИТ». На оборотной стороне была та же фотография, и тот же самый девиз на языке пушту. Выглядело все это как визитная карточка, оставленная Оперативно-тактической группой «Свод». Я положил листок в карман.

Почти неделю мы несли караул на башне. Наши самолеты продолжали «трамбовать» позиции Талибана, мы часто видели их над своими головами.

Наш патруль выступал каждую ночь, и каждую ночь не наблюдалось ничего интересного. С башен тоже не было видно чего-либо заслуживающего внимания. А ведь нам, чтобы приносить хоть какую-то пользу, обязательно нужно быть там, где плохие ребята.

Было начало декабря. Джим стоял в карауле, я расположился на полу башни и писал письма двум своим младшим сестрам. Написав первое предложение, уснул. Примерно через час меня разбудил топот, кто-то поднимался по железной спиральной лестнице. Показались головы. Три женщины и один мужчина, все врачи военно-морского флота. Как выяснилось, они были анестезиологами и травматологами-хирургами, посланными в Афганистан из военно-морского пункта медицинской помощи Сан-Диего. Было видно, что они смущались наличия оружия в своей экипировке.

— Ребята, что вы здесь делаете? — Взгляд женщины привлекли бинокли, карты и арсенал оружия, сваленный в кучу в углу.

— Даем вам три-четыре минуты, чтобы приготовиться к вражеской атаке, — блаженно произнес Джим.

Она прищурилась, но не улыбнулась.

— Так значит, вы все врачи? — я пытался придумать как можно больше вопросов, прежде чем задать тот, который волновал меня больше всего.

Мужчина (а он был в перчатках на своих хирургических руках) объяснил, что, поскольку ближайший травмпункт в Омане — а это четыре часа пути на самолете С-130, — при все увеличивающемся присутствии американских войск в Афганистане вышестоящее начальство решило создать операционную во дворике Рино. Тем более что предполагаются потери в живой силе.

— Мы можем организовать три одновременно функционирующих операционных, — сказал он.

Мы с Джимом мрачно покачали головами, вот только они, наверное, не поняли: качали мы, соглашаясь с ними или просто

принимая их слова к сведению.

Посмотрев в последний раз в окна башни, врачи ретировались. Мужчина, пройдя несколько шагов по лестнице, повернулся к нам и сказал:

— Мы слышали, что вы скоро уедете отсюда. Удачи вам на севере. Если мы будем вам нужны, зовите.

* * *

Наша рота пойдет на север. Новость для нас. Поэтому мы вызвали штаб-сержанта, чтобы он нас заменил, и пошли поговорить с капитаном Уитмером в управление роты. Мы шли по песку в сторону спрятанной в дюнах оливково-серой палатки, а навстречу нам приближалась какая-то фигура с необычным, ярко блестящим в солнечном свете знаком различия на воротнике. Он не выглядел как прямоугольник или дубовый лист. Это была звезда. Генерал Маттис прибыл для принятия командования Оперативной группой 58.

— Добрый день, сэр.

Салютовать было нельзя, чтобы не привлечь к себе внимание снайперов.

— Добрый день, юные воины. — Генерал Маттис остановился, чтобы поговорить с нами. Он был худ, носил очки, пистолет держал в кожаной подмышечной кобуре. Без преамбулы он похвалил нашу деятельность в Афганистане. — Вы должны знать, как много вы сделали только своим присутствием здесь. Вы доказали, что у США хватит духа ввести войска на землю Афганистана. Вы придали храбрости Северному Альянсу, и теперь он возобновит свое давление на Талибан и Аль-Каиду в Кандагаре. Вы убедили Америку в правильном выборе именно тогда, когда ей это было крайне необходимо.

Он пожал нам руки. Часть моей души хотела остаться спокойной, но все же мы с Джимом, продолжая свой путь, держали спину ровнее.

Врачи были правы: завтра мы направляемся на север. План был почти готов, командиров взводов вызвали для финального инструктажа.

Капитан Эрик Дилл, командир взвода разведки, постоянно наклонялся к карте всем корпусом и пальцем показывал нам маршрут. Дилл брил голову наголо, имел репутацию прямого человека и хорошего аналитика. Я подошел к нему. Он встретил меня словами:

— Одна машина в минуту.

— Что?

— Наблюдение показало, на этом участке дороги, в промежутке между закатом и восходом, в среднем проезжает по одной машине в минуту. — Он показал на черную линию, извивающуюся на запад от Кандагара и ведущую в Лашкаргах.

— Кто в машинах?

Дилл приподнял одну бровь:

— Сколько ты видел афганских фермеров, разъезжающих туда-сюда на пикапах марки «Тойота»?

Я вообще не видел афганских фермеров. Я вообще ни одного афганца не видел. Но я точно знал, что Саудовская Аравия продала Талибану несколько сотен «Тойот». Конечно, они были не так заметны, как танки с флагом Талибана, но тем не менее они у Талибана были.

Специалист по анализу разведывательных данных, одетый в джинсы и фланелевую куртку, поправил очки, подвинув их поближе к переносице, и встал на середину комнаты. Если бы не пистолет, он вполне бы мог сойти за преподавателя, стоящего перед своими студентами. Он предсказывал штурм Кандагара — конечно, в середине декабря. Предполагалось, что Талибан понесет огромные потери и ретируется обратно, к себе. Некоторые уйдут в Пакистан, некоторые в Иран, а многие — в горы, рядом с Кандагаром. Аль-Каида, напротив, будет более жесткой. Многие солдаты предпочтут умереть, но не отступить.

— Эту возможность мы им предоставим, — сказал офицер оперативного отдела штаба и продолжал излагать план.

Нашей миссией было перекрыть движение на трассе и не дать Талибану и Аль-Каиде выскользнуть из рук Северного Альянса после стремительной атаки на Кандагар.

Инструктаж был окончен, комната пустела, нужно было успеть приготовить все к установленному сроку.

Ночью я вышел, чтобы проверить позиции своих пехотинцев. Моей первой остановкой был минометный окоп. Здесь на карауле стоял штаб-сержант, все остальные солдаты спали.

— Добрый вечер, сэр, — сказал часовой.

— Хорошая новость. Послезавтра мы улетаем на север. Только третий взвод, мы — взвод вооружения, и несколько частей батальонной десантной группы. Завтра я буду обладать более подробной информацией.

Он быстро покачал головой и выплюнул жевательный табак.

— Хорошо. Чем быстрее мы их поубиваем, тем быстрее вернемся домой.

— А разве не ты мне говорил про «бесценные воспоминания и отсутствие духов»?

— Это в прошлом. Сейчас мы выполняем свой долг. Больше никаких молитв о мире. Сейчас надо стрелять на поражение. Сражаться, чтобы выиграть.

Меня вдруг затрясло. Я очень надеялся, что штаб-сержант подумает, что это от ветра.

Я сменил тему.

— Что-нибудь читал в последнее время? — Он был заядлым книголюбом, и мы часто менялись книгами.

— Забавно, что вы спросили, сэр, забавно, что вы спросили. — Он опустил руку в карман и вытащил книгу в мягкой обложке. В свете луны я смог разобрать имя автора: «Редьярд Киплинг».

— Я, вообще-то, не очень люблю поэзию, но благодаря Киплингу почти изменил свое мнение.

> Если ж, раненный, брошен ты в поле чужом,
> Где старухи живых добивают ножом,
> Дотянись до курка и ступай под ружье —
> К солдатскому богу на службу.

— Если меня ранят, штаб-сержант, и вы, ублюдки, бросите меня на афганском поле, я сначала пущу свою пулю вам между лопатками, а потом уж в собственную голову, — ответил я.

Он улыбнулся и выплюнул на песок очередную порцию слюны:

— Думаю, в такой ситуации вы так и поступите, сэр. — Он замолчал, а потом добавил: — Даже Хэдселл мог так поступить.

Один из моих пулеметных расчетов, укрепляя позиции фланга, копал окоп вместе со взводом Патрика. Я подошел к бойцам.

Один из морских пехотинцев, его звали Эспера, спросил меня:

— Сэр, мы говорим о Линдхе. Эти парни, — он кивнул в сторону других морских пехотинцев в окопе, — думают, что он борец за свободу.

Джон Уокер Линдх, так называемый американский талиб, был посажен на прошлой неделе в тюрьму Квала-и-Джанги, расположенную на севере Афганистана. И теперь он сидит в тюрьме, в металлическом контейнере, на расстоянии в сотни ярдов от окопа Эспера.

— А ты как думаешь? — спросил я Эспера.

— Предатель. Самый злостный предатель. Он повернулся

спиной к обществу, взрастившему его, это общество дало ему свободу и идеалистические взгляды, чтобы он мог последовать за тем, во что верил.

— А в чем преступление? — подстрекал я Эспера, было забавно играть адвоката-дьявола. — Может, он просто был не в том месте и не в то время?

— Перейдя на сторону Талибана? Заявляя, что является членом Аль-Каиды? Черт, сэр, если этого для вас недостаточно, вспомните, что его дружки убивали морских пехотинцев! — Майк Спэнн, офицер ЦРУ, бывший капитан морской пехоты, был убит вскоре после допроса Линдха. — Если моя бабушка убьет морского пехотинца, она тоже будет в моем черном списке.

На лице Эспера опять была видна напряженность.

— Мы, молодые американцы, находимся здесь и делаем то, что приказывают нам избранные демократическим путем руководители нации. А он воюет против нас. Это что, так трудно понять? А пресса уже сетует на то, как плохо с ним обращаются. Ему там тепло. Его защищают. Он ест три раза в день и спит всю ночь. А у меня все это есть? А мои солдаты могут этим похвастаться?

— Они вольны высказывать свое тупое мнение, это часть того, за что мы воюем, — сказал я. Было уже далеко за полночь, а мне нужно было обойти еще много позиций, поэтому я выбрался из окопа, в то время как Эспера и другие солдаты продолжали свой спор.

К стрелковой ячейке я старался подойти сзади, как можно бесшумнее, чтобы услышать очередную словесную перепалку. Это был штурмовой боевой расчет, два солдата, которые должны бодрствовать. Однако в лунном свете я увидел очертания трех голов. Я скользнул в яму, подняв за собой каскад пыли. Генерал Маттис облокотился о стену, созданную мешками из песка, — это он разговаривал с сержантом и младшим капралом.

Генерал Маттис спросил десантников, есть ли у них какие-нибудь жалобы.

— Только одна, сэр. Мы еще не на севере и никого не убили.

Маттис потрепал сержанта по плечу. Я слышал, он был старой закалки, ценил грубую агрессию больше, чем что-либо еще.

— Поедете, молодой человек, поедете. Когда я узнал о том, что эти ублюдки напали на морских пехотинцев Соединенных Штатов Америки, я решил сделать все возможное, чтобы их ничтожные жизни превратились в ад на земле.

14

В ПРЕДРАССВЕТНОЙ ТЕМНОТЕ завывали турбины.

Летели мы низко, плавно огибая вершины гор. Наше место назначения было от нас в сотне миль, сразу за Кандагаром. Я прочитал достаточно об Афганистане, чтобы знать: история перемещения вертолетов здесь совсем не впечатляюща. Советский Союз уничтожал здесь моджахедов до тех пор, пока ЦРУ не доставило сюда управляемые ракеты «Стингер», изменившие ход событий в войне. «Стингер» достаточно мал, его можно перевезти на осле. В 1986 году афганский командир, прозванный «Инженер Гаффар», выпустил в воздух первые ракеты «Стингер» и сбил рядом с Джелалабадом три советских вертолета «Хайнд».[4]

Пилоты постоянно переговаривались друг с другом, мониторя ситуацию и рассказывая друг другу о потенциальной опасности — например, холмах или фигурах на земле. Я посмотрел через лобовое стекло на другие вертолеты. Они летели невероятно низко, оставляя за собой шлейф пыли. Так нас было легче увидеть издалека, но вместе с тем низкий полет на высокой скорости давал нам шанс пролететь мимо пулеметчика и не дать ему возможности прицелиться и выстрелить. По крайней мере, я на это сильно надеялся.

Добро пожаловать в Афганистан. В мировом народном фольклоре про него сложено много мифов и легенд: Александр Македонский, он же Александр Великий, Большая Игра, горы Гиндукуш. Глядя на снег в горах, я думал о том, что природа может быть такой же смертоносной, как и любая террористическая сеть. Наши матерчатые ботинки, предназначенные для пустыни, никак не подходили для ходьбы по снежным сугробам. Из вещей у нас были только легкие куртки и тонкие перчатки. Если ночи в Рино были некомфортно холодными, то здесь, в горах, они преобразовались в опасно холодные.

— Пять минут! — крикнул я пехотинцам, сопровождая свое восклицание жестом,

— Тридцать секунд!

Два вертолета полетели дальше, за ведущим вертолетом, а мы, еще с двумя, начали высадку. Пустые вертолеты взлетали в небо, я повернулся и закрыл глаза, чтобы в них не попал поднятый вертолетами песок. Шум вертолетов стихал. Они летели на север, а мы оставались здесь.

Разведка с малых высот — несколько разведывательных групп

уже заняли свои позиции на скалах, примерно в двух километрах от нас. Два наши пехотных взвода распаковали снаряжение. Мы надели на плечи рюкзаки и пошли к ним. Здесь было холоднее — севернее и намного выше от уровня моря.

Штаб-сержант организовал своих солдат, и они уже рыли окопы, а я присоединился к остальным офицерам — нам нужно было скоординировать действия. Мы собрались в маленькой палатке, служившей передвижным командным постом батальона.

— Рота «Браво», добро пожаловать на базу действий разведывательного подразделения под кодовым названием «Пентагон».

Комбат, которого называли «Шейка» в честь знаменитого зулусского воина, ждал нашего появления. Полковник очень хорошо отсортировал информацию, выкладывая нам, в первую очередь, самое важное. Воздушная разведка рапортовала о наличии радиолокационной антенны на юге от нас и реактивной системы залпового огня (РСЗО) на севере. РСЗО — это торпедные трубы, закрепленные на кузове грузовика. Один такой залп может стереть с лица земли ни много ни мало — квадратный километр. Основной целью батальона было, по словам комбата, узнать все возможное об этой двухсторонней угрозе для нас. Полковник послал Джима вместе с патрулем разведки с малых высот, чтобы собрать информацию по радару, а разведка должна была сделать то же самое по РСЗО.

Следующим по важности приоритетом был ориентировочный план текущих действий. В нескольких километрах к северу от нас была река, ее берег утыкан деревнями и фермами. Автострада от Кандагара до Лашкаргаха расположена параллельно и северней реки. По словам полковника, в эту ночь генерал Томми Франке, командующий всеми американскими силами от мыса Доброй Надежды в Африке и до Центральной Азии, полагался только на нашу небольшую группу морских пехотинцев. Сейчас все глаза были устремлены на нас. Мы должны перекрыть движение по автостраде и поставить об этом в известность Талибан.

— Идите за ними везде, — сказал полковник, обращаясь к молодым командирам в палатке. — До тех пор, пока они не начнут бояться нас больше, чем сейчас ненавидят.

Я еще находился в палатке, когда патруль разведки с малых высот, во главе с Джимом, добрался до радара.

— Шейка, это Казак. Мы на указанной территории. Вместо радиолокационной антенны здесь стоит дерево.

— Отрицательный ответ, Казак. У нас достоверные сведения о том, что там должна находиться радиолокационная антенна. Смотрите повнимательней.

Я очень наглядно представил себе, как Джим сейчас ругается матом и бьет по этому дереву кулаками.

— Шейка, Казак. Мы проверили еще раз. Это дерево.

Разведка показала, что там, где должна была находиться РСЗО, находилась именно РСЗО. Но вот только небоепригодная, вероятно, гнила там со времен вывода Советским Союзом войск. А это было двенадцать лет назад. Так что на данный момент база действий разведывательного подразделения «Пентагон» находилась в безопасности.

Мы с Джимом заняли позицию на самой высокой скале. Выставив в ряд лазерный дальномер, оружие, бинокли и приборы ночного видения, чтобы при необходимости можно было быстро среагировать на ЧП, мы принялись рыть окопы.

— Нас оттуда заметили, — сказал Джим, показав на горный хребет позади, который постепенно переходил в долину.

За валуном, определенно, виднелись фигуры двух людей. Я взял в руки бинокль. Точно. Два парня, предположительно нашего возраста, одетые в традиционную одежду «шалвар камиз». Оружия у них видно не было.

— Вероятно, пастухи или жители деревни. Может, они видели наши вертолеты.

В долине были видны тени. Ветер усиливался, температура резко упала.

Мы сидели в окопах, наблюдали за территорией и дрожали. После заката горизонт на севере осветился вспышкой, похожей на вспышку молнии.

— ВВС выбивают из Кандагара душу, началась бомбардировка. — Джим, положив руки под голову, лежал в окопе в абсолютном спокойствии.

Зная, что люди там гибнут десятками, я пытался ощутить угрызения совести, тяжесть в сердце. Но не мог. Вызванные взрывом вспышки желтого цвета были очень хорошо видны в темноте. Самые большие вспышки сопровождались грохотом, который доносился даже до нас.

— Бедненькие ублюдки, — сказал Джим. — Большинство из них наверняка раньше вообще никогда не видели самолетов вблизи, и уж тем более не видели, как управляемые бомбы JDAM{18} падают в трубы их домов.

Что касается нас, то ночное патрулирование не принесло ничего интересного.

Две последующие ночи мы провели с тем же успехом. То есть полный голяк. Пошла третья ночь. Я потряс Джима, была почти

полночь.

— Твоя очередь стоять в дозоре, приятель.

Наш новый окоп находился на песочном гребне, в сотнях футов выше уровня моря и шоссе. В течение двух часов мы сидели около шоссе, но интересующих нас объектов видно не было. Еще одна бесплодная вылазка. Однако эта ночь предполагала активное развитие событий. Весь вечер я наблюдал за территорией: видел, как в домах гас свет, видел людей, собирающихся в группы и прячущихся за деревьями у берега реки. Солнце зашло, движение по шоссе оживилось, машины двигались со стороны Кандагара, ехали на запад. И, что примечательно, преимущественно грузовики.

Выбравшись из своего спального мешка, Джим прыгнул в окоп, потер руки, а я вкратце обрисовал ему текущую ситуацию. «Казаки» двигаются по направлению к шоссе, чтобы перекрыть движение. Разведывательная группа «Шоумены» наблюдает за бродом реки. Патруль не хочет возвращаться той же дорогой, пойдет другой. Смешанное отделение вертолетов, «Хьюи» и «Кобра» скоро вылетит из Рино, и оно будет осуществлять поддержку с воздуха. Да, и еще становится очень холодно.

Он взял две рации, а я похлопал его по спине. Встряхнув свой спальный мешок, я запрыгнул в него, застегнул до уровня шеи, закрыл глаза.

Меньше чем через час Джим разбудил меня, активно тряся мой спальник. К тому времени как я проснулся и сел, Джим уже находился от меня в двадцати футах. Он запрыгивал в другой окоп.

— Одевайся, чувак. Сейчас будет жопа.

Выбравшись из мешка, я понял, что задыхаюсь от волнения. Было такое ощущение, будто я прыгнул в холодную реку. Так, спокойствие.

На нас надвигалась большая туча, с хребта дул холодный ветер, и, пока я плотно не застегнул куртку, она отхлестала мне все, до чего дотягивалась. Авиация была нашим единственным источником снабжения, и поэтому мы вглядывались в облака, как заправские синоптики. Казалось, они были достаточно высоко, чтобы не помешать нам. Слева направо я изучал изгибы темного горизонта. Никакого видимого света. Нет звуков. Нет внезапной угрозы.

Самолет-разведчик ВМФ США П-3[{19}] сообщил о приближении к нашей засаде автомобиля со стороны Кандагара.

— Где это смешанное вертолетное отделение?

Нам бы совсем не помешало наличие двух атакующих вертолетов.

— Они сбиты, брат.

— Что?

— Слышал, что, по крайней мере, один из них потерпел крушение во время возвращения в Рино. Так что они не прилетят.

Мы находились достаточно высоко, чтобы увидеть легкие бронированные машины, передвигающиеся по равнине. Фары. Их было уже видно. Они приближались к нам с востока. Да, это были грузовики марки «Тойота». Увидев проволоку, водитель поехал медленнее, затем все-таки прибавил газу. В результате он намотал проволоку на ось, и грузовик отнесло прямо к нашим морским пехотинцам. Наша разведывательная команда подошла к машине, и переводчик приказал всем поднять руки вверх.

Вместо этого из кузова грузовика, из-под одеяла, выскочили две фигуры с «Калашниковыми» в руках. Пехотинцы открыли огонь, убив всех, кто был в грузовике. Тут же загорелись топливо и боеприпасы.

На дороге лежали мертвые тела, а грузовик был объят пламенем, морские пехотинцы поспешили удалиться с места событий. Нужно соблюдать дистанцию. Разведывательная группа и группа, сидящая в засаде, не должны находиться вместе. Батальон передал радиограмму, полученную с П-3: с востока приближались еще две машины. Офицер поста управления авиацией, курирующий шоссе, запустил систему лазерного целеуказания. Микроавтобус и самосвал везли не одну дюжину вооружённых людей. Они остановились на дороге, в нескольких сотнях метров от горящих обломков.

Морские пехотинцы сидели на корточках в тени, меньше всего сейчас они хотели честного поединка. Офицер поста управления авиацией прошептал в радио реактивному самолету ВМФ координаты цели. Долго ждать не пришлось. Две пятисотфунтовые бомбы оторвались от крыльев и со свистом упали с черного неба. Звук удара и взрывная волна. Две машины, до упора забитые солдатами Талибана, исчезли во взрыве — были видны лишь ошметки корпусов машин да обугленные части тел.

15

НАША ГРУППА НАПАДЕНИЯ в предрассветной темноте с триумфом вернулась в «Пентагон». Через несколько недель генерал Франке пошлет в Экспедиционный отряд МП письмо, в котором говорилось, что наш отряд показал свою отвагу и что «была наглядно продемонстрирована удачная переброска войск и боевой техники ударной группы». Читая похвальный отзыв, я смеялся так, как давно уже не смеялся. Раньше я и не догадывался, что несколько вооруженных солдат — это «переброска войск и боевой техники ударной группы».

Перед рассветом, считающимся самым холодным временем дня, Джим передал мне по радио: «Не трогай свое оружие без перчаток на руках». Он снял перчатку с руки и показал мне ладонь — с одной четвертой ее части была содрана кожа:

— Вот, попытался взять оружие рукой без перчатки. Кое-как отодрал.

Даже не снимая обуви, я лег на камни и накрылся спальным мешком. В последние двадцать четыре часа я спал всего час. Через тридцать секунд около меня стояла фигура Джима.

— Надеюсь, ты не убьешь гонца? «Шейка» созывает командиров взводов на инструктаж.

— Когда?

— Три минуты назад. Извини, брат. Я по ходу не услышал первого уведомления.

В палатку набилось человек двенадцать.

— Мы смыкаем круг, джентльмены, — сказал «Шейка». Он тоже выглядел усталым. — Карзай рядом с Кандагаром. Ширзаи в одном из районов города. Разведка полагает, что мулла Омар улетел в Пакистан, но тем не менее Кандагар все еще является для нас важным стратегическим объектом. Как вы все знаете, это духовная столица Талибана. И нам нужен аэропорт этого города.

Он замолчал на секунду и перевернул страницу в своем блокноте.

— Я вызвал вас сюда не для отдачи боевых приказов, я хотел посмотреть в глаза каждому из вас. Есть офицеры, говорящие о невозможности завершения миссии, так как их солдаты слишком измотаны. Хрень собачья. Вы устали, а морские пехотинцы способны еще на многое. Прошлой ночью по линии атаки был обнаружен непатрулируемый двухсотметровый участок, опасный участок. — Он действительно посмотрел в глаза каждому из нас. — Держите нос по ветру.

Начальник оперативного отдела батальона после кивка

полковника начал инструктировать нас по дальнейшим действиям.

Если перевести формальный приказ на язык обычных людей, то получается следующее:

— Джентльмены, нам нужно патрулировать данный участок шоссе и днем тоже, и вы должны вздрючить любого, сделавшего попытку скрыться до того, как ЦРУ выяснит, кто есть кто. По данному участку дороги будут проезжать все, у кого есть транспортные средства. Рота «Браво», — майор показал рукой на капитана Уитмера, стоящего рядом со мной, — выберет в пустыне посадочную площадку и отправится туда на вертолетах CH-53.

Поймав взгляд майора, я спросил:

— Огневая поддержка, сэр?

Анализ Дилла был верен: численное преимущество особенно хорошо, если имеешь реактивный самолет над головой.

— Во время полета вас будет сопровождать вертолет «Кобра».

Начальник оперативного отдела в последний раз. посмотрел на записи в блокноте, а затем захлопнул его.

— И еще две вещи. Ожидаемая тактика со стороны противника: взрывные устройства, заложенные в автомобиль, террористы-смертники, мины-ловушки, попытки похищения людей. В месте вашей дислокации есть минное поле, оно простирается на три километра к востоку и на четыре километра к западу, сами понимаете, не стоит ходить туда, чтобы отлить.

Прибыли на место. Получили информацию о наличии в округе легких бронированных машин (ЛБМ). Наша миссия совсем не походила на миссию по обеспечению безопасности. Я отправил взвод в глубокую расселину, — там его стрельба не прямой наводкой не достанет. Взводу нужно было время, чтобы привести в порядок оружие, поесть и отдохнуть, а я отправился к начальству, нужны были инструкции по координации следующего шага. Рядом с командирами всегда находится куча радиоантенн, поэтому, найдя глазами самое большое скопление антенн, я пошел туда.

На полпути я заметил двух афганских мальчиков, идущих в сторону наших позиций. Они улыбались и махали нам руками. Помня предупреждение майора о террористах-смертниках, я вызвал переводчика, и мы пошли к ним наперерез. Переводчик, младший капрал Аймаль Ачекзай, работал на «Пелелиу» коком до 11 сентября. После атаки террористов он поставил нас в известность о том, что родился в Кабуле и говорит на пушту. Ачекзай стал переводчиком для нашей оперативной группы.

На мальчиках были длинные рубашки и мешковатые штаны.

У одного были кожаные сандалии, а другой ходил по камням босиком. Босоногий мальчик улыбнулся и, стесняясь, подошел ко мне, чтобы дотронуться до моей руки. Он, на пушту, рассказал Ачекзаю о нашем везении: мы выбрались со своего поста живыми — это большая удача.

— Там все талибы.

Я покачал головой и улыбнулся:

— Те жители деревни сказали нам, что рады видеть американцев и что все остальные вокруг талибы, — сказал я. Ачекзай пожал плечами. — Не говори ему этого, — добавил я. Лейтенант не должен играть в местную политику. Просто поблагодари их за дружеское отношение к нам и скажи: мы поражены красотой их страны.

Мальчики улыбнулись на комплимент и, идя обратно, махали нам рукой. Я уже повернулся в сторону цели моей прогулки, но мне в голову пришла интересная мысль.

— Ачекзай, скажи им, чтобы местные жители не подходили к нашим позициям, особенно ночью. Это небезопасно.

Командир батальона и его личный состав, сконцентрировавшись в центре треугольника, образованного военными «Хаммерами», сидели на складных стульях. У их ног лежала карта южной части Афганистана, холодный ветер быстро рассеивал сигаретный дым. Я встал в нескольких футах от них, ожидая, когда кончится совещание, — тогда капитан Уитмер сможет подойти ко мне.

— Какие указания, сэр?

— Мы остаемся здесь. Нам отрапортовали о талибах, расположившихся в деревне на юго-востоке, и об Аль-Каиде на северо-востоке. Ты задаешь план действий. Создать надежную объединенную систему обороны. Раздели своих людей пополам. Одна половина отдыхает, другая работает, и будьте готовы в любой момент присоединиться к патрулю или пойти на задание.

— Хорошо. Подведем итог: не делать ничего, но быть готовым ко всему.

Капитан Уитмер засмеялся:

— Звучит как достаточно хорошее общее правило.

* * *

После заката прошло два часа. Мы только-только заняли наши оборонные позиции, собираясь просидеть в них всю ночь.

Офицер оперативного отдела штаба сообщил нам последние новости:

— Радиоразведка перехватила радиосигналы на пушту. В непосредственной близи от нас, по крайней мере, две группы солдат противника знают о нашем расположении и готовятся стрелять в нас из засады реактивными гранатами.

Из темноты я услышал голос одного из офицеров:

— Ну и что? У нас хорошие оборонительные позиции. Даже если они пустят гранаты в ход, те не пролетят больше километра. Двигатели машин можно легко вычислить при помощи тепловизорных прицелов и валить всех приближающихся ближе чем на километр.

Все предложения, заключающиеся в том, что нужно оставаться и ждать, были забракованы.

— Командир батальона хочет поменять дислокацию. Выдвигаемся через пятнадцать минут, идем на юг. Отсюда меньше десяти километров. Все, у кого есть машины, едут на них. Рота «Браво» идет пешком.

Я поднял руку:

— Сэр, мы взяли с собой почти две сотни минометов и десять тысяч патронов. Мне нужно погрузить часть оружия и боеприпасов на транспортные средства, лишь в этом случае мы сможем идти.

В ответ я услышал, что транспорт и так перегружен и дополнительный вес может сломать ось.

— О'кей, тогда мы лучше погрузим в них оружие и боеприпасы. Просто некоторые морские пехотинцы пойдут пешком.

Для меня было все просто и логично.

— Лейтенант Фик, я не хочу смешивать все отделения. Люди в грузовиках останутся в грузовиках. Вы сами решайте, как потащите свои патроны.

Со всей нашей амуницией на плечи каждого моего пехотинца должно было лечь почти по две сотни фунтов.

— Сэр, это хрень собачья. — Я, как мог, старался смягчить слова уважительным тоном. — Мои солдаты разобьют все колени о камни, и мы будем замученными в край. Вы полагаете, я пойду сейчас к моим солдатам и скажу, что мы понесем на себе по двести фунтов, а все остальные поедут на колесах?

Начальник оперативного отдела наградил меня суровым взглядом и произнес фразу на октаву ниже своего обычного голоса:

— Лейтенант, еще немного, и вы почувствуете на себе гнев старшего офицера.

Я шел к своему взводу, спотыкаясь о камни, и крыл матом и начальника оперативного отдела, и морскую пехоту, и

Афганистан. После всех разговоров про агрессивность и борьбу с врагом мы сматываем удочки, а не выслеживаем противника и не сидим в окопе, готовые к бою.

Я рассказал штаб-сержанту о плане действий, он только покачал головой.

— Идея плохая, — сказал я.

Колонна была сформирована, и мы пошли через шоссе, подальше от гор. Наш взвод шел рядом с военными «Хаммерами», мы сгибались под тяжестью оружия, бронежилетов, шлемов, боеприпасов, воды, еды, лопат и плохого к себе отношения.

Каждый из моих солдат нес на плечах не менее веса своего тела.

Сильные люди тащили на себе тяжелый груз, дорога была нелегкой. С этим ничего не сравнится: нельзя не идти, нельзя сделать работу завтра, не принимаются никакие отговорки. Настоящее испытание. Вот поэтому-то я и пошел в морскую пехоту.

16

НЕЗАДОЛГО ДО РОЖДЕСТВА каждый диалог начинался с шепота. Главы Аль-Каиды, возможно, включая самого Усаму Бен Ладена, удерживались в пещерах рядом с Тора-Бора. Ходили слухи о том, что нас пошлют захватить его «живым или мертвым», как выразился президент Буш. Через три дня после засады на «Шоссе-1» оперативная группа «Кувалда» вернулась в Рино. Кандагар был разрушен, вместе с ним пал Талибан. Теперь внимание Америки было сосредоточено только на Аль-Каиде.

Операция «Тора-Бора» должна быть секретной, но говорили о ней все.

— Ты думаешь, нас наградят, если мы поймаем Бен Ладена?

По прошествии недели водоворота слухов я начал подозревать: мысли о данном задании были навеяны старшими по званию, которые всегда хотели иметь в нашей игре роль побольше.

22 декабря я проснулся весь в инее. Обильная роса и температура ниже нуля превратили мой спальный мешок в довольно твердую конструкцию. «Тора-Бора» — уже какое утро подряд это была моя первая сознательная мысль после пробуждения. Я встал и, прихрамывая, от того что отлежал себе ногу, пошел в оперативный центр. Капитан Уитмер был там, он тщательно изучал карту.

Мы откорректировали план. Сначала полетим в Баграм, а затем — в Джелалабад.

С каждым часом наша долгожданная операция переходила из статуса «вероятной» в статус «возможной».

Канун Рождества я провел с Патриком на мессе около взлетно-посадочной полосы. Почти стемнело, около двух дюжин солдат стояли вокруг импровизированного алтаря. Он был сделан из ящиков с патронами и накрыт пончо.

— Полагаю, что многие из вас более грешны, чем мои обычные прихожане, но в данных обстоятельствах это не имеет никакого значения, правильно?

Мы пели «Silent Night»[{20}] и «O Come, All Ye Faithful».[{21}] Я закрыл глаза и мысленно отправился за десять тысяч километров отсюда, домой. Я представил, как моя семья тоже сейчас поет со мной эти псалмы. Потом все пойдут в китайский ресторанчик — это наша старая традиция, а затем на вечеринку — больше чем двадцать лет подряд мы встречали Рождество именно таким образом.

Месса закончилась. Было темно. Мы с Патриком вместе пошли обратно. Все время мы были так поглощены операциями и взводами, что редко находили время для простых разговоров.

— Как ты?

Он сказал фразу, как будто хотел получить нормальный ответ, а не какую-нибудь стандартную реплику типа «отвяжись».

— Я весь разбитый, чувак.

Я рассказал про все, что у меня накипело на душе, про всю сдерживаемую обиду: рассказал про то, как меня раздражает сидение и ничегонеделание, рассказал, что мне совсем не понравилось, как мы убегали от команд с реактивными гранатами, что мне не понравилось, как командир оперативного отдела обошелся с моим взводом, постоянное недосыпание, неразбериха с миссией в Тора-Бора. Я носил маску мужества на лице перед взводом и капитаном Уитмером так много недель, и было таким облегчением рассказать Патрику про все, что меня гнетет.

— Сейчас лучше себя чувствуешь? — спросил он с улыбкой, хотя отлично знал ответ.

Мы пожали руки, пожелали друг другу счастливого Рождества и пошли к своим взводам.

Рождественский восход был ясным и холодным.

Конфеты и мини-бутылки «Табаско» из индивидуальных пайков свисали с ветвей. Даже подарки были. Всю предшествующую неделю морские пехотинцы откладывали из своих пайков кто сыр, кто круглый фунтовый кекс. Минометная секция с пышной церемонией вручила мне потрепанный порножурнал. Я тоже пришел не с пустыми руками и вложил в руки штаб-сержанта две банки табака «Копенгаген».

Когда я вернулся в башню, Джим стоял с коробкой в руках и в его взгляде читалось отвращение. К коробке была прикреплена рождественская открытка от командира ВМФ США на Среднем Востоке. Она была адресована «Взводу морских пехотинцев США, лагерь Рино, Афганистан». В коробке лежали две дюжины попкорна для микроволновки, электрический вентилятор и романы Джекки Коллинз с названиями типа «Голливудские мужья» и «Мир полон женатых мужчин».

— Брат, — сказал он, увидев, что я поднимаюсь по лестнице, — у тебя когда-нибудь возникало чувство, что никто понятия не имеет, чем мы тут занимаемся?

На следующее утро меня вызвали в оперативный центр на инструктаж. Наша миссия в «Тора-Бора» была отменена.

Американские войска не будут принимать в ней участия, ею займутся наши афганские союзники.

Вернулся в башню. Рассказал Джиму новость, он бил кулаками о стену от досады.

— Черт, трусливое решение. Человеческие потери? А что тогда, на хрен, произошло 11 сентября? Это наш шанс добраться до ублюдков.

Я был с ним полностью согласен, и штаб-сержант думал так же. Он слышал, как мы орали в башне, и пришел выяснить, что случилось.

— Афганские союзники? У нас нет афганских союзников. У нас есть афганцы, которые сделают то, что мы им скажем, если это принесет им выгоду и если мы им за это заплатим. Бен Ладен пожертвует им козла и убежит.

Нам сказали готовиться к возвращению на корабль.

Первой покинула лагерь рота «Чарли», затем «Альфа», разведка и разведка с малых высот. К 3 января 2002 года Рино практически опустел, осталась одна рота «Браво».

Капитан Уитмер дал нам с Джимом указание оставаться в башне и не снимать минометчиков с караула, пока самолет не опустится на землю. Мы сканировали горизонт во всех направлениях — никаких движений.

— Это место мертво, как хренов ад, — сказал Джим и выкинул маленькую бутылку от «Табаско» в песок.

— Ну, не скажи, было бы здорово вернуться как-нибудь и взорвать тут все к чертовой матери, — ответил я, — как было в Нормандии и Монте Кассино.

— Хрен им, я вернусь сюда, только если здесь будет поле для игры в гольф, отель «Хилтон» и прямой рейс из Нашвилла. А до тех пор пусть сами тут сосут друг у друга.

Когда из темноты возник С-130, мы с Джимом надели на плечи наши рюкзаки, в последний раз посмотрели на Рино и спустились по спиральной лестнице. Двор нашего лагеря, еще недавно набитый солдатами, сейчас был пуст. Мы вышли в ворота и закрыли их за собой. Я опустил задвижку. Посмотрев в последний раз вовнутрь, подумал, что теперь знаю чувства астронавтов, покидающих Луну. Я никогда сюда не вернусь.

Джим спросил:

— Как ты думаешь, когда здесь появятся плохие парни?

— Думаю, завтра, еще до заката они будут рыться в нашем мусоре.

По прибытии на «Дубьюк» нас раздели и провели дезинсектирование.

Горячая вода смывала глубоко въевшуюся грязь с моего лица, бриться пришлось дважды. В итоге, посмотрев в зеркало, я наконец-то смог увидеть свои скулы. Цвет глаз был более голубым, чем обычно, но сами глаза больше спрятались в глазницы. Я сбросил семнадцать фунтов.

И что странно, когда лег в постель, то не смог уснуть.

Я также обнаружил, что не могу оставаться в закрытом пространстве больше нескольких часов. Именно поэтому в понедельник, 7 января, я стоял у перил корабля, в тумане, и смотрел на очертания Кувейта.

«Дубьюк» медленно плыл в гавань, но наша стоянка была недолгой. Террористическая угроза подрыва американских кораблей в Персидском заливе вынудила нас уже через несколько часов выйти в открытое море.

Мы с Патриком собирались вечером на палубе и болтали под шум шуршащих на ветру флагов.

— Я все еще пытаюсь понять, участвовали мы в бою или нет, — сказал Патрик. Он не подстриг волосы, и они казались мне очень длинными, а лицо его — потрескавшимся от пустынного ветра.

— Если мы спрашиваем друг друга об этом, тогда, вероятно, ответ отрицательный, — отреагировал я.

— Да, но где тогда мы были и что тогда мы делали… — его голос стих. — Там же было опасно. Бомбы, мины и реактивные снаряды.

— Официальная оценка — что-то типа: боевые действия наземных войск в условиях угрозы жизни людей.

Патрик вздохнул.

— Это означает, что американцы больше никогда не будут участвовать в настоящем бою? Всё будут делать бомбы со спутниковым наведением JDAM, лазеры, бомбы с лазерным наведением и ракеты «Томагавк»? А что насчет парней на земле, делающих высокотехнологичную подготовительную работу?

«Дубьюк» взял курс на Америку. Домой. Нам предстояло длинное путешествие, с пикником на стальном пляже.

Весь день полетная палуба трансформировалась в большой двор для барбекю. Матросы переворачивали котлетки и жарили на гриле куриные грудки.

Из громкоговорителей доносилась музыка Брюса Спрингстина, «Ю-ту» и Джонни Кэша. Две команды морских пехотинцев превратили корму в футбольное поле. Не знаю, через сколько часов они бы устали играть в футбол, но чей-то длинный пас вскоре отправил мяч в Индийский океан. Самым лучшим угощением в тот вечер было пиво. По две банки на каждого. Я

взял в каждую руку по пиву и несколько минут наслаждался видом капель воды на холодной банке. Когда я сидел на солнце, пил пиво и слушал музыку в стереозвучании, холодные ночи неподалеку от Кандагара казались ушедшими далеко в прошлое. Воспоминания уже тускнели.

* * *

В начале февраля мы повернули на восток — переплывем Тихий океан, и мы дома.

Мы с Эриком Дриллом каждый день уделяли время для того, чтобы поворочать железо. Собирались в спортивном зале «Дубьюка», под «Американским орлом» — гербом и эмблемой США, тягали штангу, качались на тренажерах. Там-то Эрик впервые и озвучил свое деловое предложение.

— Слушай, Фик, как ты смотришь на то, чтобы перейти в разведку?

— Кто спрашивает?

Эрик объяснил: он разговаривал с новым командиром Первого разведывательного батальона и рекомендовал меня на свое место. Я был польщен, но не был уверен, что предложение реально.

— Почему я? — спросил я. Прекрасно зная все преимущества разведки, я все-таки решил еще раз услышать это от Эрика.

— Автономность. — Эрик широко открыл глаза так, как будто этот ответ был очевидным. — У тебя будет взвод толковых, зрелых, хорошо натренированных морских пехотинцев. Самое лучшее вооружение и техника. Больше долларов на их тренировки. Свободу вести подготовительные занятия по собственному плану.

— Это выжимка из самого интересного, Нат, — пояснил еще Эрик. — Многим нравится жестокое с ними обращение в морской пехоте. Они им наслаждаются. Я никогда не испытывал похожих эмоций, и ты тоже. Я это сразу понял. Если разведка ни разу не выстрелила — значит, мы сделали свою работу хорошо. Собранная разведкой информация может спасти жизни многих людей. Если ты все-таки выстреливаешь, то это не просто пиф-паф. Это игра думающих людей. Ты должен это осознать.

Эрик замолчал — начал делать повороты со штангой на плечах. И только окончив упражнение, он добавил:

— Твой шеф переходит к нам на должность начальника оперативного отдела. Поговори с ним об этом.

Когда я постучался в каюту капитана Уитмера, он читал «Кодекс самурая». Оторвавшись от книги, капитан показал, чтобы я входил и садился.

— Сэр, капитан Дилл говорит, вы по приезде переводитесь в разведку. Он предложил мне занять его должность.

Посмотрев на меня выжидающе, Уитмер кивнул. Вид у него был такой, будто он предвидел нашу беседу еще за несколько недель до сегодняшнего дня. Для него такое поведение было типичным: он не следовал за новостями, позволяя событиям развиваться собственным ходом.

— Хорошо, сэр, но почему именно я?

Уитмер объяснил: личный состав разведки задавлен рамками занятий, направленных на «высокую скорость и маленькое сопротивление» — таких, как прыжки с парашютом и подводное плавание.

— Наша страна на пороге новой эры, где такие подразделения, как разведка, будут необходимы в первую очередь. И, вероятно, их работа будет выглядеть не так завлекательно и сексуально, как это показывают в фильмах. Понадобятся теоретические знания, которыми вас пичкали в Квантико, — стреляй, перемещайся и общайся. Нам нужны молодые офицеры с высоким уровнем пехотных навыков. Ты один из таких офицеров.

Я не спешил с ответом. Я думал о том, что будет трудно сказать взводу «до свиданья». Но мне ведь по-любому придется уйти — офицеры и так служат командирами взвода только один рейс, потом нужно уступать место новеньким выпускникам ШПО.

Перевод в разведку обещал все бонусы, о которых поведал мне Дилл, плюс год-два командования и плюс возможность перевестись потом в другое подразделение. Я решился.

— Сочту за честь, сэр, — сказал я.

Итак, по возвращении домой я переведусь в разведку.

Мы прибыли на Родину. Я покинул Америку за месяц до теракта 11 сентября, и разница была налицо. Люди, казалось, стали добрее, внимательней и тревожнее.

Я предпринял необходимое паломничество в «Граунд Зиро», кафе под открытом небом в самом центре Пентагона, и в сам Пентагон, посетил церемонию на Южной лужайке Белого дома в честь полугодовой годовщины событий 11 сентября. Я видел на лицах людей печаль и скорбь, но также и желание отомстить.

Я рад был вернуться в марте в Кэмп-Пендельтон. Я чувствовал себя комфортнее рядом со своими морскими пехотинцами.

Патрика перевели на должность начальника артиллерийско-технической службы роты «Браво». На моем столе лежали скрепленные степлером приказы: «Вы должны явиться не позднее 12.00 25 марта 2002 года в 1-й Разведывательный батальон для исполнения временно возложенных на вас обязанностей, что займет приблизительно 65 дней». Разведка, но только временно. Сначала мне нужно пройти подготовку.

17

КАЖДЫЙ МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ ДУМАЕТ, что он самый крутой парень в комнате. Многие с этим согласятся, но все равно, самое крутое звено нашего рода войск — разведка. Из 175000 морских пехотинцев, служащих в регулярных войсках, в разведке служат менее 3000.

Отбор в разведку начинается с изучения личных дел кандидатов, у которых должны быть безупречные данные: звание специалиста по стрельбе, отличная физическая подготовка, прекрасные рекомендации от предыдущих командиров. Прошедших предварительный отбор отправляют на двухнедельную «Учебную программу разведки» (УПР), те же, кто прошел эти курсы, продолжают обучение на «Курсах по основам разведки» (КОР) в Коронадо, штат Калифорния. На КОР учат базисным навыкам разведывательного патрулирования, наблюдения и коммуникации.

УПР и КОР не научили меня практически ничему. Большую часть тактических технических знаний я почерпнул еще в Афганистане, причем на собственной шкуре. Но зато эти курсы наделили нас кое-чем более ценным: легитимностью.

КОР мы окончили в июле 2002 года. И теперь в качестве новых разведчиков морской пехоты должны были повысить уровень прыжков с парашютом, уровень подводного плавания, пройти школу выживания, специальные курсы по изучению иностранного вооружения, курсы подрывных работ, пройти альпинистскую подготовку.

Один из моих страхов — это угодить под воду и не иметь возможности выбраться оттуда. Утонуть. Кто-то заметил это, и начиная с 04.00 часов утра понедельника из меня будут вытаскивать этот страх.

Это называлось курсы по плаванию и безопасному бою на водных объектах. Инструктор сказал нам во время предрассветной беседы, что курсы были нацелены на внутренний комфорт в воде, но достигнуть вожделенного комфорта нам придется посредством крайнего дискомфорта. «Мы найдем ваше слабое место и сделаем его сильным». Инструкторы пообещали отодвинуть рамки нашего восприятия страхов так далеко, что при переходе границ этих рамок мы, вероятно, умрем. «Вы будете, в полном значении этого слова, нетонущими». Я слушал их и мне становилось нехорошо. Я так мечтал срулить с этих курсов — наверное, потому-то я и здесь.

Поначалу нас было двадцать. Окончило курсы одиннадцать человек. Эти курсы были для меня тем, чем в свое время была ШПО. Я посмотрел страху в глаза и победил его. Получил свой диплом, был бодр и готов встретиться со своим взводом. Но у батальона были другие планы. Несмотря на заверения капитана Уитмера о том, что Первому разведывательному нужно постараться избегать тренировок, нацеленных на «высокую скорость и маленькое сопротивление», мне был вручен билет и приказано отправиться в Форт-Беннинг, штат Джорджия, где мне нужно будет пройти еще один курс обучения и стать парашютистом десантных войск.

* * *

Я должен был провести три недели на Курсах воздушно-десантных войск, работая со своим новым взводом. Я заметил странную тенденцию в моей карьере: обучен командовать пехотным взводом, но получил взвод оружия; обучен ходить по береговой линии — отправлен воевать в страну, не имеющую выхода к морю; обучен прямо с парашютом нападать на патруль, но в реальной жизни делал это с земли или с кузова грузовика. Это могло свести с ума, но я решил воспринимать подобные обстоятельства как тренинг для умения приспосабливаться. «Импровизировать, адаптироваться и превозмогать трудности» — недаром это мантра морской пехоты.

Курсы воздушно-десантных войск напомнили мне ШПО. Мы оставили рюкзаки у дверей. Каждое утро мы строились, отжимались, нас тоже «имели как хотели» военные инструкторы в черных головных уборах. Мы должны были обращаться ко всем: «Сержант воздушно-десантных войск».

— Сделайте мне тридцать отжиманий! И пятьдесят за ваших морских пехотинцев!

В течение двух недель инструкторы прививали нам мышечную память. Мы прыгали с деревянных ящиков в яму для прыжков. Прыгали с чего-то под названием «тренировочно-парашютная вышка», использовали висящую, в пяти футах от земли имитацию подвесной системы.

Колени болели, бедра были все в синяках — и все это из-за отработки приземления. Вечера я проводил в путешествии к автомату со льдом и горстями пичкал себя «Мотрином».

Сержант воздушно-десантных войск стоял в двери самолета — самолет был, в свою очередь, высоко над землей — и

был готов толкнуть меня в спину. Он ухмыльнулся и крикнул:

— Не волнуйся, если что, я тебя пихну, а гравитация сделает все остальное.

Когда свет фонаря над дверцей стал зеленым, я выпрыгнул. Я не предоставлю ему такой радости: толкнуть меня. При правильном отделении ноги парашютиста должны быть вместе, тело наклонено, а руки с локтями должны быть крепко прижаты к запасному парашюту на животе. Вверх ногами. Небо. Земля. Небо. Земля. Раскрылся парашют, наполнился воздухом. Рывок. Я начал опускаться намного медленнее и стабильней. Шок от рывка окончательно привел меня в чувство.

«Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, четыре тысячи. Посмотреть на купол парашюта, и если он раскрылся не полностью или имеет неправильную форму, то нужно постараться устранить недостатки». Нас так неистово натаскивали, готовя к прыжкам, что я наизусть помнил, что, как и когда нужно делать при отделении. Я сосчитал громко и вслух. Проверил стропы, убедился, что они не переплелись, посмотрел вверх: парашют должен иметь округлую форму, не должно быть рваных дыр. Все небо вокруг меня было усеяно парашютами. Некоторые парашютисты, попав в термальный воздушный поток, зависли. Стофунтовые курсанты службы вневойсковой подготовки офицеров резерва падали, как осенние листья. Мой маршрут по направлению к земле был более определенным.

Перед приземлением нужно держаться руками за стропы, взгляд должен быть направлен на горизонт, что я, собственно говоря, и проделал. Не надо быть зацикленным на приземлении. Спина ровная. Ноги слегка согнуты в коленях.

Толчок при приземлении выбил из моих легких очередную порцию воздуха. Вместо того чтобы сразу после соприкосновения с землей аккуратно упасть на бок и распределить нагрузку удара более или менее равномерно по всему телу, я откинулся назад — спина и голова не сказали мне за это спасибо. Парашют отказывался сдуваться, да еще и предательский ветер тащил мое расцарапанное тело по гравийной поверхности зоны высадки десанта. Удовольствие не из приятных. В конце концов я дернул за вытяжное кольцо, чтобы освободиться от подвесной системы парашюта. Я лежал на спине. Сержант воздушно-десантных войск встал надо мной.

— Нужно сделать четыре прыжка, курсант. Осталось еще три приземления. При последнем прыжке парашют может не раскрыться. Тогда мы пошлем твоей маме значок в форме крыльев.

Я проходил стажировку по программе подготовки курсантов «Выживание, уклонение, сопротивление, побег», сокращенно ВУСП. Девизом школы было «Вернемся с честью». Это была выжимка уроков, которые преподали американским заключенным в Северном Вьетнаме, во время «Войны в заливе» и при других конфликтах.

Первую неделю ВУСП были курсами джентльменов: полдня мы проводили в аудитории Авиационной базы ВМС Норт-Айленда в городе Коронадо. В числе инструкторов были люди, которые провели больше времени в иностранных тюрьмах, чем в морской пехоте. Как они говорили, целью курсов является научиться преодолевать «засирание мозгов», связанное с заключением на территории врага. Нас учили правам «Женевского соглашения»: еда, крыша над головой, медицинская помощь и почта, — все это сопровождалось кривой улыбкой. «Не ждите, ничего из этого у вас не будет». Инструкторы требовали от нас недословного цитирования «Кодекса поведения военнослужащего». Кодекс был написан после Корейской войны, — тогда из пленных американцев, не выдержавших физического и психологического давления, враги выпытали много достаточно важной информации.

Кодекс начинался словами: «Я американский боец. Я служу войскам, стоящим на страже своей страны и нашего образа жизни. Я готов отдать свою жизнь за эти ценности». Затем шло торжественное обещание никогда не сдаваться и всегда делать все возможное, чтобы не попасть в плен, а если все-таки попал, пытаться бежать и ни в коем случае не пользоваться особыми благами, предлагаемыми врагом.

Кодекс обязывает американцев поддерживать веру в своих созаключенных и запрещает выдавать имена, должности, личные номера и даты рождения. На все остальные вопросы нужно давать «очень отдаленные ответы». Кодекс заканчивается так: «Я никогда не забуду, что являюсь американским бойцом, несущим ответственность за свои поступки, и обязуюсь следовать принципам, сделавшим свободной мою страну. Я всецело положусь на бога и Соединенные Штаты Америки». Во время второй недели в ВУСП нам представился шанс попробовать все это на своей шкуре.

Утром в воскресенье мы сели в автобус. В моем кармане лежало только то, что было разрешено взять с собой: компас, зубная щетка и десятифутовая парашютная стропа.

Первые несколько дней в Уорнер Спрингс были нацелены на закрепление навыков, полученных в классе, — ориентирование, камуфляж, подача сигналов и поиск пищи.

За шесть дней я съел одну морковку, несколько горстей заячьего ячменя и маленький кусок кролика. ВУСП боялись, прежде всего, из-за голода. И этот самый голод медленно, но верно понижал нашу способность принимать решения, наш рассудок становился более уязвимым.

В середине недели начался наш так называемый выпускной экзамен: симуляция крушения самолета на вражеской территории. Нужно было уйти от преследовавших нас людей и собак, а если нас все-таки захватят в плен — не раскалываться на допросах в лагере для военнопленных. Они поймали всех. Никому не удалось убежать. Нас привели в лагерь. Правда, была одна вещь, которая не поддавалась ни их, ни нашему контролю: это время — курсы оканчивались, когда они оканчивались. В нашем случае вся фишка была в том, что нас все равно поймают, рано или поздно, но лучше скрываться, сколько можно, в лесу, то есть на свободе, чем оказаться в лагере, где все зависит от милости захватчиков.

В плену. День и ночь прошли как в тумане: побои и допросы шли один за другим. Меня раздели до нижнего белья и запихнули в одиночную шлакобетонную тюремную камеру, потолки здесь были настолько низкими, что я не мог встать во весь рост, да и лежа вытянуться во всю длину тоже не мог. Я пытался лечь — ноги начинали сводить судороги, поэтому приходилось вставать на пятки. Затем спину начали сводить судороги, и я лег. Несколько часов подряд повторялся этот немудреный цикл: встал, лег, встал, лег. Изоляция очень жестокая штука, даже если это изоляция на несколько часов. В камере было не на что смотреть, не с кем поговорить, никак нельзя было понять, день сейчас или ночь, восход или закат. Нас заставляли почувствовать себя абсолютно беспомощными.

Вывели из камеры. Повели. Я зашел в комнату — она была теплой и солнечной, на полу лежал ковер. Меня поприветствовал мужчина, сидящий за письменным столом, он посмотрел со снисходительной улыбкой и попросил присесть. Пододвинул ко мне коробку с конфетами и кружку дымящегося кофе. Он сказал, что я могу угощаться. Компостирует мне мозги. Я отказался, но не без долгого взгляда на поднимающийся с кружки дымок. Он сказал, что является уполномоченным представителем Ямайского посольства. Я кивнул. Он спросил, как со мной обращаются. Я ответил; что в соответствии с 25-м пунктом Женевской конвенции меня должны содержать в хороших условиях, а 26-й пункт гарантирует мне рацион из основных продуктов ежедневного питания. На данный момент у меня нет ни того, ни другого. Он улыбнулся и ответил, что подумает, чем мне можно помочь.

Потом вдруг посмотрел на меня обеспокоенным взглядом и спросил, каково мое физическое состояние. По его просьбе я поднял и опустил голову, повернул ее вправо, влево. Он также попросил меня поднять сначала руки, потом ноги.

Вежливо подчиняясь, но не принимая подачек, я нанес поражение лже-ямайцу. Меня вернули в камеру.

Выпустив меня, наконец, из камеры, охрана загнала меня на один лестничный пролет вверх и заставила встать на колени на деревянный пол. Мне завязали глаза, так что видеть я ничего не мог. Руки были связаны за спиной. Чей-то голос начал быстро, один за другим, задавать мне вопросы: имя, должность, род войск, причина, по которой я прибыл в страну, число американцев в моем самолете. Допрашивающий ходил вокруг меня, и под его ногами скрипели деревянные доски. Я не знал, с какой стороны ждать ударов.

Я, как мог, старался использовать технику противодействия, которой меня обучили: придумал правдоподобную историю, был логичным, сообразительным и легко приспосабливался. Я поочередно то уходил в своем рассказе в никому не нужные дебри, то вдруг начинал говорить о фактах, ну совсем никак не связанных с вопросом.

Закончилось тем, что в мои ступни начали тыкать винтовочным стволом, а потом, когда я, похрамывая, поплелся в камеру, засадили мне им прямо в грудную клетку.

По окончании ВУСП проводился анализ поведения каждого курсанта. Старшина ВМФ сел со мной в пустой аудитории.

— Так, сэр, — сказал он, улыбаясь, — как вы думаете, сколько вы находились в запертой коробке?

— Час, может два, — ответил я.

— Восемь минут.

Два раза меня выводили из камеры, как я догадываюсь, это были мои мягкий и жесткий допросы. Жесткий допрос я выдержал просто на ура — они не получили от меня практически никакой информации, и я настолько хорошо использовал технику противодействия, что производящему допрос и в голову не придет применять пытки. Мягкий допрос был нацелен совсем на другое. Я сидел в безмолвной аудитории и смотрел кассету, которую поставил старшина ВМФ. На ней был я: сидел в теплой комнате, выглядел очень худым и бледным. Оказывается, там была скрытая камера, а я-то ее и не заметил. Голос за кадром задавал вопросы, которые были адресованы вроде как не мне, и потом анализировалась моя реакция на них.

— Ты бы мог взорвать бомбу и убить маленьких детей в своей

стране?

Я тряс головой. Как делают все остальные нормальные люди? Они говорят «нет», говорят «нет» и качают головой, просто качают головой. Я, сам не осознавая этого, действовал по третьему сценарию.

— Ты думаешь, Америка — это исчадие ада для нас, мирных людей?

Я кивнул головой.

Старшина ВМФ сочувствующе посмотрел на меня.

— Не волнуйтесь, сэр. Лучше пусть тебе один раз прокомпостируют мозги, зато ты будешь уверен, что этого больше не произойдет.

18

В УТРО СЛЕДУЮЩЕГО понедельника я надел свою зеленую форму во второй раз. Почти два года прошло с моего зачисления в 1/1. И я уже совсем не новичок. На моей груди ленточки за военные действия в Афганистане и пришедшее с ними доверие ко мне.

Штаб-квартира разведки называлась Кэмп Маргарита.

Секретарь взял мой приказ и послал меня в офис командира батальона, сказав, что командир любит пожимать руку каждому новому офицеру. Подполковник Стивен Феррандо, хорошо сложенный мужчина с правильными чертами лица, когда я постучался, разговаривал по телефону.

Повесив трубку, подполковник Феррандо не стал тратить время на любезности.

— Твоя работа заключается в следующем: быть самым крутым перцем в своем взводе, — сказал он. — Просто добейся этого, и все остальное пойдет как по маслу.

Он добавил, что я определен в роту «Браво», мой радиопозывной — «Головорез», и пожелал мне удачи.

Коллеги по курсам поздравляли меня: «Мои поздравления: ты прошел через огонь, воду и медные трубы, Нат». «Мои поздравления по присвоению вам воинского звания, сэр. Я надеюсь, вам не делали лоботомию перед тем, как дать звание старшего офицерского состава?» Одной из распространенных шуток среди лейтенантов и капитанов было утверждение, что старший офицерский состав обретает очередные звания при помощи лоботомии.

— Осторожней, лейтенант. Еще чуть-чуть, и вы почувствуете на себе гнев старшего по званию. — Он улыбнулся, я тоже засмеялся, вспоминая предупреждение, полученное от начальника оперативного отдела 1/1 в Афганистане.

Капитан, командующий ротой «Браво», оказался очень добродушным. Он был бывшим футбольным игроком в жизни, разведчиком по специальности и, по сути, не имел никакого опыта ведения боевых действий в пехоте.

Он пригласил меня и спросил, какую из новостей я предпочту услышать сначала: хорошую или плохую. Я выбрал плохую.

— Ты командуешь вторым взводом — «Головорез-два» — в нем три морских пехотинца. Укомплектованный разведывательный взвод состоял из двадцати трех морских пехотинцев. Но, вернувшись из Афганистана, некоторые ушли из

войск или перевелись в другие места, некоторые находились на курсах и вернутся только летом и осенью.

— А хорошая?

— На следующей неделе мы уезжаем на месяц в Бриджпорт. Надеюсь, вы не планировали взять отпуск после всех ваших курсов?

Учебный центр корпуса морской пехоты по отработке боевых действий в горах находится в Высокой Сьерре недалеко от Бриджпорта, штат Калифорния. Он был открыт в 1951 году, чтобы тренировать морских пехотинцев для войны в условиях корейских снежных пиков. В Афганистане похожая местность, и в 2002 году возвращение в Афганистан кажется очень вероятным.

Так как мой «взвод» был меньше, чем укомплектованный расчет, я проводил большую часть времени в Бриджпорте, в операционном центре разведки (ОЦР), изучая детали планирования разведывательных миссий. Поздними вечерами, при флюоресцентном освещении, я накачивал себя крепким кофе и поглощал кучу теории, но без практики.

Я сказал командиру роты, что хочу пойти со своим расчетом в патруль. Его ответ меня удивил: «Да, так мы будем лучше выглядеть».

Хорошо выглядеть? Чего-чего, а такого ответа я точно не ожидал.

Один из старших офицеров батальона, позже морские пехотинцы окрестили его «Майором Бенелли», так как он настаивал на том, чтобы взять с собой дробовики «Бенелли», выразил недовольство моим предложением.

— Это не ваша работа, лейтенант. Идите своей тропинкой. — Бенелли не мог разговаривать с младшими по званию без самодовольной улыбки.

Мне на подмогу пришел майор Уитмер:

— Бери свой расчет, и в патруль. Вы там многому научитесь. Еще успеете погнить в штабе, когда станете майором.

Сценарием миссии была секретная батальонная операция во вражеской стране.

— Противник! Возвращаемся в «птичку», — заорал командир группы, едва мы высадились из вертолета. Другая группа морских пехотинцев была в сопротивлении и стреляла в нас. Наш расчет расположился в шахматном порядке: одна половина пехотинцев стреляла, а другая в это время передвигалась. На ребят давил вес рюкзаков — фунтов восемьдесят, они целились с колена, а затем вставали и пытались как можно быстрей скрыться. Командир

группы, вместе с пилотами, не останавливаясь, выкрикивали свои указания.

— Открыть огонь. Нам пора отправляться.

— Нам нужно еще двадцать секунд, — отвечали ему. — Не взлетайте.

Боец, стреляющий через дверь вертолета, наклонился к пулемету и самоотверженно палил по движущимся и статическим объектам.

После шума и суеты, сопровождающей высадку десанта, глазам и ушам нужно было привыкнуть к тихой жизни леса.

На тридцать минут мы сели и застыли, нам нужно было адаптироваться к природе, а природе, в свою очередь, адаптироваться к нам. Мы встали только тогда, когда птицы вновь начали щебетать свои песни, а белки опять зашелестели в упавших осенних листьях. Трехмильный отрезок горной местности отделял нас от зоны рандеву, от места, где нас заберут. Высаживаться ближе было рискованно. У нас была намечена позиция, до которой мы планировали добраться к закату — там расчет мог понаблюдать за объектом и сделать фотографии, чтобы послать их в оперативный отдел батальона. Затем, под защитным покровом ночи, мы пойдем в разведку в глубь территории, и только потом двинемся к намеченной зоне нашей посадки, известной как «Спэрроу», где нас подберут следующим утром.

Я тенью следовал за помощником командира группы, идя позади патруля. Я наблюдал за движением команды, помечая на карте время и расстояние и как мог старался быть незаметным.

Прямо перед закатом расчет сделал остановку в кустарнике, в самом густом, тенистом кустарнике, который смогли найти — что ж, идеальное место для наблюдательного поста. Трое остались там, а еще трое пошли на осуществление нашего основного задания: на разведку района десантирования.

Пробиваясь через узкую лесистую долину, мы опять вернулись на солнце; нужно было подняться на небольшую открытую скалу.

Пока два морских пехотинца обследовали местность на предмет возможной угрозы, командир расчета достал свое оборудование и принялся за работу. Он вкрутил в фотокамеру объектив размером с бутылку вина и сделал серию панорамных фотографий по длине и ширине заданного объекта. Другим фотоаппаратом он сделал еще фотографий пять.

Ожидая возвращения нашей группы, другая половина морских пехотинцев, находящихся на наблюдательном посту, установила высокочастотную радиосвязь. Ребята готовились

отправить результаты разведки обратно в батальон. Это делалось для того, чтобы наша вылазка не прошла впустую, если нас, не дай бог, возьмут в плен или убьют. Командир группы печатал рапорт в своем маленьком лэптопе, а Руди в это время пытался установить связь с ОЦР.

— Крестный отец, это Киллер-два, — они использовали мой позывной.

Помехи.

— Крестный отец, Крестный отец, это Киллер-два. Выйдите на связь.

Помехи.

Обычная штыревая антенна плохо ловила — препятствовали горы, поэтому Руди полез на стоящее рядом дерево и намотал на его ветви целую катушку тонкой проволоки, результат не заставил себя долго ждать: дерево превратилось в огромную антенну из подручных средств.

— Крестный отец, это Киллер-два.

— Киллер-два, это Крестный отец. Готовы к радиообмену.

Команда отослала в батальон сделанные фотографии и текст рапорта с помощью зашифрованной импульсной радиопередачи цифровой информации. Я знал, что морские пехотинцы в ОЦР столпятся у принимающего компьютера и с нетерпением будут ждать почти он-лайн изображений местности. Несмотря на то что мы были на учениях, технология все равно впечатляла.

Учения проводились для солдат, но я тоже вынес из них важный для себя урок, который позволит мне в будущем принимать правильные решения. У разведки никогда не бывает достаточно времени или достаточно информации. У разведки всегда слишком много вопросов, ответы на которые все хотят получить, слишком много раз надо устанавливать обязательную контрольную радиосвязь со штаб-квартирой, и слишком много ртов, которые нужно кормить.

К сентябрю 2002 года мой взвод все-таки был полностью укомплектован: двадцать три морских пехотинца, поделенные на три группы по шесть и пять человек. Весь батальон собрался на базе в пятницу после обеда в церквушке из необожженного кирпича. На повестке дня был Ирак. Место сбора было совсем не соответствующим для обсуждения военных действий, но это было единственное помещение, где могло поместиться столько людей. Я зашел туда с орудийным сержантом Майком Уинном и сержантом Брэдом Колбертом.

Мудрый и жилистый орудийный сержант Майк Уинн был из Техаса. В начале 1990-х он служил снайпером в Могадишо, а

затем в посольстве США в Сальвадоре. Узнав, что его переводят в мой взвод на должность сержанта, я позвонил Эрику Диллу на Гавайи, сейчас Эрик служил там.

— Встань на колени и поблагодари Бога, — сказал он, — Ты получил одного из лучших.

В отличие от штаб-сержанта, Уинн не был горлопаном. Он завоевывал уважение своих подчиненных тем, что был с ними честным и справедливым. Мы стали партнерами с самого начала.

Сержант Колберт будет руководить Первой командой. Он был блондином, интеллектуальным сан-диеговцем, у него было прозвище «Лед», во время наших рейдов в Кандагаре он вел себя как чересчур рассудительный командир разведывательной группы. До начала инструктажа мы сели вместе на деревянной лавочке, мирно болтая.

Недавно президент Буш заявил жителям Америки, что невыполнение Ираком предписанных ему резолюций не оставляет Соединенным Штатам Америки выбора, кроме как полагаться на свои силы.

Еще ни один американский танк никогда не въезжал в Багдад. Полковник, начальник штаба дивизии, поднялся к алтарю, и все затихли.

— Поклоняемся богу войны, — прошептал Колберт.

Полковник познакомил нас с представителями личного состава дивизии, за каждым из которых будет закреплен свой участок. Прыщавый младший капрал, описанный полковником как «знаток иракской армии, ее вооружения и тактики», поднялся к алтарю. Орудийный сержант Уинн наклонился ко мне: «Если это правда знаток, то мы живем в дерьмовом мире».

Тишина. И только скрежет ручек о бумагу. Вдруг полковник перебил инструктаж:

— Разведывательный батальон, я не слышу мотивации. Давайте крикнем «Убить!».

Он хотел, чтобы мы заорали «Убить!», доказали бы ему свою готовность идти в бой после его инструктажа. Повернувшись к Уинну я спросил:

— Кто этот клоун? Он думает, что говорит с рекрутами на острове Паррис?

Батальон недовольно цокал и ерзал на стуле, ответ полковник получил очень холодный. Тогда он приказал:

— Встаньте и выйдите отсюда, а когда войдете, я хочу видеть в ваших лицах больше огня.

Я думал, полковник шутит, но он с неприятной миной на лице показал на дверь. Мы зашаркали на парковку, повернули кругом и, возвратившись назад, сели на свои места.

Через несколько минут к нам вошел генерал Маттис, и в одно мгновение разогнал тучи в наших душах. Маттис был очень динамичен.

Генерала из-за его репутации любили все, но особо его любили люди, знавшие Маттиса по Афганистану.

Я поймал взгляд Уинна и наклонился к нему, чтобы спросить:

— Ты знаешь, какой у Маттиса позывной?

Он утвердительно кивнул головой.

— «Хаос». Правда, это чертовски круто?

Уинн восхищенно кивнул, а Маттис тем временем начал говорить:

— Добрый день, морские пехотинцы. Спасибо за ваше внимание, несмотря на то что сейчас ранний вечер пятницы. Я знаю, женщины южной части Калифорнии ждут вас, поэтому не будем зря тратить время.

Генерал Маттис не говорил ни о плане предстоящей операции, ни о тактике. Он сказал о том, что успех дивизии в бою будет зависеть от них.

— Будьте готовы к переброске войск через восемь дней после уведомления, но без хаоса.

Я подумал, к переброске мы приготовиться сможем, но вот чтобы без хаоса…

«Всегда сражаться как общевойсковая тактическая группа». Это еще одна мантра морской пехоты. Ее идея заключается в следующем: поставить врага перед дилеммой — заставить его обороняться от одного вида оружия, поразить его другим.

«Агрессивно настроенный сержантский состав — вот ключ к победе». Ну, это вообще не проблема в разведке. У меня командиры групп, по большей части сержанты, были основой батальона. Они были хорошо обучены, мотивированны и опытны. Я даже предполагал, моей задачей будет сдерживать их агрессию, а не натравливать их.

«Ошибки простительны, но отсутствие самодисциплины мы не потерпим».

Вспомнив о Бриджпорте, я понял, что в дисциплине-то я уверен абсолютно.

«Проверьте свое снаряжение от ОМП». ОМП означает оружие массового поражения — ядерная бомба, биологическое и химическое оружие. «Вы должны быть с химическим оружием на дружеской ноге». Эти разговоры о дружбе меня как-то напугали.

Я видел фотографии газовой атаки Саддама, направленной на курдскую деревню Халабья. Зеленые трупы людей, удушенных зарином или Ви-Экс. Уинн резюмировал все вышесказанное так: «Если нас поразит химия, то мы „зажмуримся“».

«Тренируйтесь выжить в пятидневном сражении». Предполагалось, что эти пять дней — самые опасные. Звучало хорошо, но я не понимал, как обучение выживанию в первые пять дней отличается от обучения выживанию в следующие или последние пять дней. «И наконец: подготовьте свои семьи к тому, что вас с ними не будет».

С моим полисом страхования жизни было все нормально, и у меня было приготовлено завещание, но все-таки, на всякий пожарный, я решил написать письма всем, кто мне дорог.

Осень набирала обороты, а вместе с ней и напряжение в отношениях с Ираком. В октябре Конгресс объявил, что США начнет наступление в случае отказа Ирака выдать оружие массового поражения. В ноябре Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1441, в которой говорилось, что несоблюдение Ираком требований ООН о разоружении повлечет за собой «серьезные последствия». Но даже тогда моя несколько устаканившаяся жизнь практически не изменилась. По-прежнему мы с Ви Джем жили около пляжа и почти каждый вечер, когда солнце тонуло в Тихом океане, вместе бегали, говорили о назревающем кризисе. Мы все еще верили, что дальше угроз дело не пойдет. В середине ноября Патрик Инглиш, я и наши девушки отправились на бал в честь дня рождения дивизии корпуса морской пехоты. Офицеры в парадной форме синего цвета кружили своих девушек на площадке для танцев или собирались в кучки, рассказывая друг другу забавные истории. Я смотрел на фотографии 1939 года, и мне было как-то не по себе. Это был последний тихий месяц дивизии.

К началу декабря отвергать военные действия стало бессмысленно, и мы начали полнообъемную подготовку к войне с Ираком.

Батальон закрепил за каждым взводом по пять многоцелевых автомобилей повышенной проходимости M998 «Хаммер», два автоматических 40-мм гранатомета «Mark 19» и два пулемета 50-го калибра.

Используя свой афганский опыт, Колберт и сержант Ларри Шон Патрик заменили на закрепленных за вторым батальоном машинах стандартную крышу на складывающийся верх. Патрик, за которым закрепилось прозвище «Папочка», потому что в свое время его дедушка тоже был командиром Второй команды, был невозмутимым северным калифорнийцем, высоким и худым, он начал свою карьеру в разведке в Сомали десять лет назад.

Взвод неделями вкалывал допоздна в автопарке, часто мы работали до глубокой ночи.

Сержант Стив Лавелл прочно скреплял болтами полки под каждым рулем, чтобы на них можно было положить как можно больше боеприпасов, пулеметчикам они могут очень понадобиться. Лавелл, командир Третьей группы, был в разведке новичком. Он вырос на пенсильванской молочной ферме и служил снайпером в пехоте.

— Снайпером я понял одно, — говорил он мне, прикручивая очередную полку для боеприпасов, — нет в мире более бесполезных вещей, чем боеприпасы, до которых нельзя дотянуться.

Для адаптации машин к военно-полевым условиям мы потратили сотни часов и выложили из своих карманов в общей сложности несколько тысяч долларов. Зато наши транспортные средства были воплощением в жизнь уроков, которые преподал нам Афганистан. Когда команды доложили о готовности транспортных средств, старшина батальона спустился в автопарк, ему хотелось посмотреть, что вышло. Старшина батальона — очень авторитетная должность, если она получена правильным человеком. А вот старшине нашего батальона морские пехотинцы не доверяли, он был зациклен на войне, но не в ту сторону: его больше волновали стрижки и чистые ботинки.

Посмотрев на многоцелевой автомобиль повышенной проходимости, он только усмехнулся:

— Вы всего лишь горстка ковбоев, которые не доверяют морской пехоте и не верят в то, что она может снабдить вас всем необходимым для победы.

Он прав, кроме того места, где он упоминает ковбоев.

19

КОНГРЕСС ПРОГОЛОСОВАЛ за войну. Президент публично заявил, что при необходимости он будет сражаться один.

Разведывательный батальон получил сотни тысяч долларов, чтобы закупить боевую технику для сражения в пустыне Ирака.

Праздники я провел в Балтиморе. За четыре дня Рождества, в ответ на неподчинение резолюциям ООН Саддамом Хусейном, президент объявил о переброске войск на Средний Восток. Разведка, несомненно, отправится туда одной из первых.

На традиционном рождественском обеде бабушка отвела меня в сторону и сказала:

— Натаниель, я хочу, чтобы ты взял с собой это. Сейчас самое подходящее время. — Она протянула мне маленькую коробку.

Открыв ее, я обнаружил алюминиевую подкову шириной примерно в два дюйма. Я прочитал надпись: «Сакасима — Камикадзе — 7 июня, 1945». Я вспомнил: давным-давно я уже видел ее.

— Твой дедушка попросил, чтобы эту подкову сделали из осколка шрапнели, попавшей в него. Он всегда считал себя везунчиком. Может, его удача перейдет к тебе.

Следующим утром я сделал из парашютной стропы шнурок для подковы, надел ее на шею и поклялся не снимать, пока не вернусь домой.

* * *

В последний день января я выехал из офиса пораньше и поехал домой, чтобы насладиться, как я полагал, последними выходными в Сан-Диего.

Иллюзия была срублена на корню: на моем автоответчике мигала лампочка. Четыре сообщения. Я знал, что это означало. У моего командира и Уинна была для меня одна и та же новость: необходимо быть в батальоне к 10 вечера. Мобилизация.

Мы с Ви Джеем пошли обедать в «Джейс», наш любимый итальянский ресторан. Ви Джей уже был зачислен в Экспедиционный отряд МП, так что эту войну он просидит на месте. Мы ждали, когда принесут заказ, а в моей голове в это время созревала мысль: «Меня пошлют на войну. Она будет очень сильно отличаться от Афганистана. Совсем скоро я уеду из этого тихого прибрежного города с вкусными спагетти из Барбареско и пальмовыми деревьями и отправлюсь на войну. На войну. И с

этим я ничего поделать не могу, кроме как сесть в тюрьму, если откажусь выполнять приказ».

В батальоне царил полнейший хаос. На парадной палубе, при свете прожекторов, морские пехотинцы ставили и переставляли свои рюкзаки и боеприпасы.

Мы тоже поставили свои вещи в ряд — так будет легче погружать их на борт грузового самолета ВВС С-5 «Гэлакси», который доставит нас на Средний Восток, затем каждый взял с собой «кусок родной земли», в нашем случае это были шлакобетонные камешки, выкрошившиеся из шлакобетонного пола в ангаре. Красный Крест обеспечивал нас в полете кофе, гамбургерами и большим телевизором, настроенным на CNN. Там рассказывали, как в НАСА потеряли связь с космическим кораблем многоразового использования «Колумбия», а утром в полях, по всему Техасу, люди начали находить обуглившиеся куски металла.

— Б… — выругался сержант Эспера. — Дурное предзнаменование, хуже и придумать нельзя. Как и меня с капитаном Уитмером, Эспера тоже перевели в разведку. Сейчас он был у сержанта Колберта помощником командира группы.

По давно сложившемуся военному обычаю наш полет был отложен, а потом отложен еще раз.

Я провалился в сон прямо на полу ангара, в ботинках и с пистолетом на боку, это была первая из сотен похожих ночей. Проснулся я в три утра. Была объявлена посадка на самолет. Напялив бронежилеты, каски, взяв оружие и вещевые мешки, мы потопали на борт С-5.

Наши «Хаммеры» были уже погружены — двенадцать штук в два ряда в огромном грузовом отсеке. В флюоресцентном освещении, прикрепленные цепями, они выглядели как животные в зоопарке, вне зоны своего естественного обитания.

Пассажирские места в С-5 располагались выше грузового отсека. В эту пассажирскую кабину мы поднимались по спиральной лестнице, пропихиваясь к ней через кучу нашего снаряжения и оборудования.

В самолете окон не было, поэтому я полагался исключительно на свою фантазию, представляя, как мы пролетаем над нашей страной, над моей спящей в это время семьей, и вот мы уже над Атлантическим океаном.

Кроме этого занятия, у меня было еще одно: я писал в своем дневнике, пока меня не подбросило — это колеса коснулись испанской земли. Была полночь, мы ринулись в автобусы, перед следующим полетом нужно было успеть хорошо поесть.

Я сел за стол вместе с командирами взводов и помощниками командиров взводов. Разговор зашел о последней войне в Персидском заливе и воспоминаниях морских пехотинцев, участвовавших в ней двенадцать лет назад.

Генерал начал свой рассказ словами:

— Я помню пожары. Вся чертова страна была охвачена пожаром. Было трудно смотреть, трудно дышать, кто угодно мог напасть на тебя из этого облака дыма.

— А военнопленные? Помните их? Маленькие ничтожные ублюдки. Приходили с поднятыми руками. Никчемные хреновы враги.

— Но у Саддама много оружия.

Командир батальона встал из-за стола, и диалог сошел на нет. Мы тоже встали и пошли за ним.

Из Морона мы вылетели ночью, держа курс на восток. На борту огромного С-5 мы пролетели через Европу и Средиземное море, и вскоре нам предстояло сесть в Международном аэропорту Кувейта.

Мы кружили над аэродромом около часа, а самолет все никак не мог приземлиться.

На взлетно-посадочной полосе абсолютно не было места.

В конце концов мы сели, нас встретила группа солдат в пикапе. Они просканировали наши пластиковые военные билеты своим портативным компьютером. Их задачей было предоставление Центральному командованию информации о численности сил, противостоящих Саддаму.

Выехав на автобусе за пределы аэропорта, мы были вынуждены закрыть занавеси. Кувейтцы очень злы на то, что вооруженные американцы наводняют их страну и могут попытаться обстрелять нас. Так уже дважды случалось с другими группами.

Местом нашего назначения был лагерь «Коммандо», временная штаб-квартира Первого экспедиционного соединения МП. Это место было в двадцати милях к северу от Кувейта, у подножия горного хребта Матла, единственного значительного элемента рельефа в Кувейте. Раньше «Коммандо» был военным лагерем Кувейта, а теперь он кишмя кишит американцами.

Дискомфорт от смены часовых поясов, особенно гнетущий после нашего перелета через множество меридианов, мы выбивали продолжительным послеобеденным бегом, наматыванием кругов по внутреннему периметру нашей базы. Правила предписывали нам везде носить с собой противогазы, так что даже во время бега у нас тоже были с собой противогазы.

Вторую послеобеденную пробежку я совершил с тремя первыми атлетами взвода: сержантом Руди Рэйсом, сейчас служащим в качестве помощника командира группы сержанта Патрика; капралом Энтони Джеком, стрелком из крупнокалиберных пулеметов из Второй команды; и капралом Майком Штайнторфом (мы его звали Штайн), стрелком из крупнокалиберных пулеметов Третьей команды. Из-за военной иерархии большую часть времени я проводил с Уинном и морскими пехотинцами на одну ступень выше или ниже меня по званию — моим старшим офицером и командирами групп. И когда выдалась возможность пообщаться с другими членами моего взвода, я сразу же ею воспользовался.

Как только мы свернули за дальний угол нашей территории, услышали механический свист, становящийся все громче и громче. Сигнал газовой атаки. В наш лагерь летит ракета. Остановились, вытащили противогазы из сумок и надели их. После беге я и так дышал тяжело, а с надетым противогазом дышать, понятно, стало не легче. Даже при более удачном стечении обстоятельств дышать в противогазе — это то же самое, что дышать через соломинку. Тогда мне казалось, что я вот-вот взорвусь.

Руди перешел на бег трусцой. Мы плелись за ним. Из громкоговорителя раздался голос, сообщивший, что это была учебная тревога. Но к противогазам нужно было привыкнуть, и мы решили их не снимать. На следующий день в противогазах бегал уже весь взвод. Иракская химическая угроза была нашим самым большим страхом, и наши занятия бегом наглядно показали, что в случае газовой атаки мы можем сражаться с противогазами на лицах. Мы могли выжить после такой атаки. Значит наши шансы на победу увеличивались.

Третий день нашего пребывания в «Коммандо» подходил к концу, после ужина полковник Феррандо собрал командиров групп, сержантов и командиров взводов на совещание. На повестке дня стоял вопрос о боевом составе и дислокации иракских войск, а также план маневра Первой дивизии МП. Это было нашим первым ознакомлением с официальным планом войны.

Помощник начальника штаба по разведке начал с обзора сил противника, с которыми нам придется столкнуться. Южная часть Ирака контролировалась Третьим корпусом армии Ирака. Он состоял из трех дивизий: Пятьдесят первой механизированной, рядом с Басрой; Шестой бронетанковой, к северу от Басры; и Одиннадцатой пехотной, она располагалась на реке Евфрат, к

востоку от Насирии. Вместе они образовывали войско численностью более чем тридцать тысяч человек плюс триста танков.

Затем полковник Феррандо в общих чертах рассказал, как американцы планируют начать кампанию. В идеале рассматривается открытие трех фронтов: Пятый армейский корпус пойдет с юго-запада, Первое экспедиционное соединение МП с юго-востока, и Четвертая пехотная дивизия Армии с севера, через Турцию. Поскольку турки все еще отказывались от сотрудничества с нами, Феррандо предполагал, что, наверное, придется перебрасывать все войска через Кувейт. В зоне морской пехоты будет располагаться Седьмой полк МП вкупе с Полковой боевой группой-7 (ПБГ-7) в восточной части предписанной зоны. Они изолируют Басру и уничтожат Пятьдесят первую механизированную пехотную дивизию Саддама. На западе от них ПБГ-5, созданная из Пятого полка МП с подкреплением, захватит нефтяные поля Румайлы, чтобы предотвратить их разрушение иракскими силами. Так мы не только предотвратим экологическую катастрофу, но также и гарантируем экономическую жизнеспособность послевоенного Ирака. Первая полковая боевая группа, известная как ПБГ-1, и Оперативная боевая группа Тарава, созданная на базе Второго полка МП из Кэмп Леджуна, Северная Каролина, проследуют через Румайлу на запад и захватят мосты, соединяющие берега Евфрата.

Феррандо сделал паузу, чтобы мы до конца впитали в себя полученную информацию. Командир группы, сидевший сзади, встал и спросил о роли в этом всем Первого разведывательного. Полковник ответил, что наше конкретное применение еще на стадии обсуждения, однако предположил, что наша деятельность будет включать в себя разведку в полосе перед фронтом, выполнение задач по прикрытию флангов общевойсковых соединений, контроль во время наземных боев по уничтожению вражеских бронетанковых формирований, а также нахождение альтернативных пунктов переправы, если Ирак подорвет главные магистральные мосты.

— Вы будете убивать, джентльмены, — сказал он. — Это-то я знаю наверняка.

20

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ мы уехали из «Коммандо». Наши «Хаммеры» вовремя доставили из аэропорта, так что мы обошлись без оскорбительного передвижения в автобусе с зашторенными окнами. Двинулись на север, по 80-й автостраде, вверх по горному хребту Матла, где в 1991 году была захвачена Вторая дивизия МП, отступавшая из Кувейта. Это была печально известная «Автострада смерти», на которой благодаря американским реактивным самолетам было уничтожено много сотен иракских транспортных средств.

Мы примкнули к веренице колонн, движущихся на север. Британские «Пустынные крысы», с масками на лицах, ехали в своих танках под развевающимися над ними «Юнион Джеками». Колонны армии США передвигались по полосе, предназначенной для движения с большей скоростью, так как знали, что расположено за следующим холмом. Они находились там уже тринадцать лет, эта земля была для них практически своей.

Мы проехали мимо флюоресцентного зеленого знака, на котором было написано: «Боже, благослови войска США» — определенно, это был единственный знак такого рода во всем арабском мире.

С автострады-80 мы свернули налево и проехали через КПП, обнесенный колючей проволокой. Дорога была извилистой, мы проехали два километра в сторону пустыни, обогнули обнаженный утес и затем направились в центр нового метрополиса — в лагерь «Матильда». Название навеяно австралийской песней «Вальсирующая Матильда». Эта песня у нас ассоциировалась с Первой дивизией МП — она когда-то, вслед за захватом острова Гвадалканал в 1943 году, была передислоцирована в Австралию. Несмотря на очаровательное название, «Матильда» была лагерем мрачным, недостроенным. Просто в ряд стояла дюжина белых палаток. Ни электричества, ни горячей еды, и душ в лучшем случае на раз в неделю.

Прошла неделя. Я проснулся рано утром в палатке и просто лежал, наслаждаясь тишиной. Взвод жил в своей палатке, орудийный сержант Уинн жил отдельно, с другими ВСС (то есть военнослужащими сержантского состава), а я делил палатку с младшими офицерами.

Я потянулся, чтобы переключить коротковолновый радиоприемник на «Би-би-си», очень хотелось не пропустить ежечасные новости.

«Два часа по Гринвичу и с вами Всемирный сервис BBC из Лондона. Сегодня был зарегистрирован незаконный переход через границу Кувейта в Ирак, вооруженные люди в демилитаризованной зоне идентифицировали себя как морские пехотинцы США».

Я послушал новости еще минут десять, потом выскользнул из спального мешка и начал одеваться. Прихватив зубную щетку и бутылку с водой, вышел из палатки. Чистя зубы и умываясь под розовым небом, я увидел через две палатки фигуру человека, делающего то же, что и я. Почистив зубы, солдат полил голову водой, начал шлепать себя по лицу и трясти головой. Я его узнал: это был утренний ритуал, характерный для орудийного сержанта Уинна. Я окликнул его:

— Эй, Уинн, может, позавтракаем после того, как ты закончишь прихорашиваться?

— С добрым. Да, дайте мне еще пару минут.

Трясение головой и шлепки по лицу заметно участились.

Прогуливаясь в сторону столовой, мы с Уинном вернулись к темам, занимавшим все наше свободное от планирования атаки время: как сократить количество солдат и как поддерживать друг друга в бою.

Большая часть передвижений будет проходить в колонне, впереди Кольберт и Эспера, мы с Уинном в центре — так легче контролировать процесс. Замыкать колонну будут Патрик и Лавелл. Командиры групп одобрили нашу расстановку солдат. Так начались долгие дни тренировок, сначала в «Матильде», а затем и в пустыне.

Обычным ранним утром я застал Второй взвод в процессе свертывания спальных мешков и вытряхивания песка, которого за ночь прилично наваливало.

Мы с Уинном вышли из палатки, таща за собой картонный плакат с символом разведки и надписью: «РОТА „БРАВО“, ВТОРОЙ ВЗВОД». Неофициальным символом разведки считался стилизованный коллаж: парашютные крылья, аквалангист, а позади — пересеченные нож и байдарочное весло. С нами были Шило и Миш, инструкторы утренних занятий. Шило был пилотом вертолета; вообще-то его звали Майком, но солдаты его роты уже очень давно дали инструктору прозвище Шило — из-за энтузиазма, которого у него всегда было хоть отбавляй. Говоря всем понятным языком: шило в заднице. Миш был уроженцем Кувейта и вызвался добровольцем, чтобы вылить свою ненависть к Ираку в позитивное русло, он решил помогать нам в качестве переводчика. Он рассказал о том, что Саддамова Республиканская

гвардия во время войны в Персидском заливе казнила его двоюродного брата, а потом обязала его семью выплатить деньги за использованные для казни патроны. Миш всегда выглядел так, как будто хотел мне толкнуть сигарету с марихуаной. Сейчас Шило с одной из групп проводил обзор способов непосредственной авиационной поддержки, а Миш в это время отрабатывал с остальными основные арабские фразы. Это выглядело следующим образом:

«ааГуф Ло иР-Мик. Стой, а то я буду стрелять».

Хором: «ааГуф Ло иР-Мик. Стой, а то я буду стрелять».

«иХ-Нах иХ-НахХут-Та иНСаа а-Дек. Мы здесь, чтобы помочь вам».

«иХ-Нах иХ-Нах Хут-Та иНСаа а-Дек. Мы здесь, чтобы помочь вам».

Я предполагал, морские пехотинцы быстро потеряют интерес к таким занятиям. Эти фразы были слишком чужеземными, слишком отличались от своих, чтобы резонировать в их душах. Однако морские пехотинцы слушали и запоминали. Через несколько дней я слышал, как христиане говорили больше на арабском, чем на английском.

Что касается меня, то для меня одним из самых верных способов отсрочки нервного срыва, который так и накатывал от всей нашей суеты, были физические упражнения. Для каких-никаких личных дел у нас оставались раннее утро и поздний вечер, этим же никакого уединения и никуда не скрыться от бесконечного перемалывания деталей подготовки к войне. Разговоры о войне, мысли о войне. Боевая техника. Военные карты. Планы ведения войны. Зато бегая, я в течение пятидесяти минут существовал на гравийной дороге вокруг «Матильды» в другом, не военном измерении. Я подначивал себя делать каждый следующий круг быстрее предыдущего, мне нравилось прилагать физические усилия, мне нравилось медленное отпускание напряжения после занятий. После шести кругов я останавливал секундомер и седьмой круг просто шел, остывая.

Песок в Удайри Рэйндж простирался на все четыре стороны горизонта, как океан. Взвод отправился в Удайри на два дня в конце февраля, нужно было на практике апробировать то, над чем работали в «Матильде».

Мы начали с контактных упражнений — как мы отреагируем, если будем проезжать на машинах, а кто-нибудь начнет в нас палить.

— Угроза спереди! Две сотни метров. Малокалиберное оружие, — заорал я в рацию.

В ту же секунду Эспера чуть не врезался в «Хаммер». Лавелл увернулся от машины Патрика.

— В нападение! — отдал приказ.

Мы дружно заржали и потом свернулись на обсуждение.

Для победы в перестрелке требуется быстрая реакция командиров. А фишка вся в том, что принять решение и действовать нужно быстрее, чем это сделает твой враг. На тренинге меня научили системе НОРД, четырехступенчатому процессу принятия решения, описанному летчиком-истребителем ВВС, полковником Джоном Бойдом: «наблюдение», «ориентация», «решение» и «действие».

Когда мы выбивались из сил, то делали больше и лучше. Упражнения были легкими, но они учили нас делать так, чтобы тем, кто устроил нам засаду, самим не поздоровилось — через пару недель эти навыки могут спасти наши жизни.

В один из палящих субботних дней в начале марта в «Матильду» прибыл командир Первого экспедиционного соединения МП, генерал-лейтенант Джеймс Конвэй. Прибыл, чтобы поговорить с нами, его офицерами.

Конвэй выглядел так, как должен выглядеть настоящий генерал-лейтенант: высокий, загорелый и седой, с глубоким голосом, который был одновременно спокойным и авторитетным.

Генерал стоял на самом верху гусеничного бронетранспортера, за его спиной развевались флаги США и Морской пехоты. Он говорил в микрофон, и поэтому его могли хорошо слышать около ста человек, собравшихся у бронетранспортера. Основной темой были правила задействования сил и средств, и он хотел, чтобы до нас окончательно и бесповоротно дошли четыре пункта. Первый: у командиров есть неотъемлемое обязательство — не просто право, а именно правомерное этическое обязательство — защищать своих морских пехотинцев. Второе: когда враг использует живой щит или нападает на объекты рядом с мечетями и больницами, он, а не мы, несет ответственность за гибель невинных граждан. Третье: командир будет нести ответственность не за те факты, которые всплывут в течение расследования, а за те, которыми он достоверно располагал во время боевых действий — и ночью, и во время песчаной бури, и в то время, как пули свистели в воздухе. Его четвертым и последним пунктом было: по мере необходимости фильтровать правила задействования сил и средств. Он называл это законом Вильгельма, в честь генерала Чарльза Вильгельма: «Если враг начнет стрелять, наш ответ должен быть пропорциональным, но не чрезмерным. Если мы

начинаем огонь, то нужно ждать ответных действий».

Я очень хорошо запомнил последнее предложение генерала:

— Офицеры, — сказал он, — пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы не быть убитыми. Это очень плохо сказывается на моральном духе войск.

21

К СЕРЕДИНЕ МАРТА ВОЙНА уже казалась менее вероятной. По «Би-би-си» передавали о том, что Ирак уничтожает свои реактивные снаряды «al Samoud» — ключевой шаг к соблюдению резолюций ООН, — а Ханс Блике заявил, что возрастает уровень сотрудничества по всем вопросам.

В «Матильду» с грохотом въехал автобус и высадил две дюжины строптивых военных корреспондентов. На них были бежевые бронежилеты и комбинезоны. В основном мужчины, бородатые; визуально мы были с ними очень похожи. По крайней мере, мы были примерно одного возраста и прибыли сюда из одной части света. Им были интересны только полномасштабные атаки, на меньшее они разменяться не хотели.

— Так что, с кем вы, парни?

Мы с Уинном стояли в очереди за ужином, оставалось еще больше сотни ярдов до светлого треугольника — двери палатки, в которой располагалась столовка. Я повернулся в темноте, стараясь увидеть лицо говорящего. Он был на фут ниже меня ростом и смотрел на нас, зажмурившись — так, будто на нем были очки в толстой оправе. Он держал перед собой ленточный магнитофон, и это выглядело как приглашение к беседе.

— Ну давайте, рассказывайте, из какого вы подразделения? Из какого вы города? Имя? Что-нибудь? Я так рад находиться здесь с вами.

— Первый разведывательный батальон, — сказал я.

— О-о-о. Разведка. Так вы необычные парни, да?

— Только для наших матерей.

— Я только что приехал сюда из «Коммандо». Машину вел какой-то камикадзе. Очень хочется чтобы было все не зря. Каковы ваши задачи?

Ого! Прошло всего тридцать секунд, а парень уже вытягивает из нас информацию, которую мы не имеем права разглашать.

— Поддерживать дивизию всеми возможными способами, — медленно произнес Уинн, четко выговаривая каждый слог.

— Да ладно вам! Что-то ваш ответ не очень впечатляет.

В таком духе мы с Уинном отвечали репортеру все время, пока не дошли до еды. Взяв свои подносы, мы плюхнулись на два последних свободных места за столом, а потом улыбались во все зубы, пока он искал место за нашим столом, только вот найти никак не мог.

После ужина, когда мы возвращались в палатку, командир роты, увидев меня, подозвал к себе.

Он проинструктировал меня относительно некоторых изменений, касающихся ближайшей пары дней, а затем показал на фигуру репортера, стоящего неподалеку в тени. «Это Эван Райт из „Роллинг Стоун“. Он будет прикреплен к батальону».

Райт обезоруживающе улыбнулся. Я решил сразу, сказать, что о нем думаю: невежественный писака, гонящийся за Пулитцеровской премией, которую он получит за счет простых граждан, с которыми, если они подойдут к нему на улицах города, он и разговаривать-то не захочет.

Следующим вечером я заглянул в палатку Уинна. Было время ужина, но орудийный сержант еще бегал. Пришлось идти в столовку одному.

— Лейтенант Фик!

Обернувшись, увидел Райта. Нижнюю часть его тела облекали грязные штаны цвета хаки. На плечах висела, по-другому не скажешь, коричневая супермодная футболка, а на шее, в лучах заходящего солнца, блестела толстая цепочка. Спокойно, даже несколько официально, он спросил, может ли составить мне компанию. Я сказал «да», но чувствовал себя крайне неуютно, проходя с ним мимо морских пехотинцев, возвращающихся из столовки.

Мы разговаривали о том, кто где родился, где вырос. Райт изучал средневековую историю в колледже Вассар и был крайне удивлен, узнав о моей невоенной специальности. Он говорил, что люди вроде меня обычно встречаются в других местах, например в «Корпусе мира». Он разговаривал вкрадчиво и производил впечатление очень вежливого, хотя и бывалого человека. В Афганистане он ходил в патруль вместе с армейским взводом, был на борту одного из кораблей ВМФ, когда тот находился в Персидском заливе. Райт не был в этом деле новичком. Но в морской пехоте он оказался впервые. Пока мы копались в сером цыпленке на тарелке, я спросил его о первом впечатлении от нашего рода войск.

— Ну, я живу в палатке с начальствующим составом. Они много работают, читают и спят.

Я сказал Райту, что с его стороны большая ошибка околачиваться рядом с офицерами. Чтобы сделать хороший репортаж о морских пехотинцах, нужно общаться с солдатами, а не с военнослужащими сержантского состава, и уж тем более не с офицерами в высоком звании. Сержанты и ниже — вот кто ему подходит.

Спустя несколько дней, при оглашении боевого приказа нашему взводу присутствовал и Райт. Мы пришли с ним к

соглашению: я разрешаю ему присоединиться к команде сержанта Кольберта, а он будет наблюдать, но планов наших не раскрывать.

В десять утра я зашел в палатку, повесил карту. Мои люди уселись на ящиках с индивидуальными пайками и на свернутых спальных мешках. Тишина, как никогда.

Начал я с полномасштабной картины политических и стратегических решений, приведших нас туда, где мы сейчас находимся, в Кувейт. Я медленно разъяснял, какие существуют подразделения в иракских дивизиях и чем их формирование отличается от формирования американских полков. Это заняло около пяти минут. Затем я вернулся к роли конкретных двадцати трех морпехов, находящихся в палатке, разъясняя задачу каждого ясно и четко.

Я полностью показал наш маршрут, начиная с «Матильды» и до границы, а потом от границы и до болот южно-центральной части Ирака. Река Евфрат, которая текла через Ирак преимущественно с запада на восток, оказывалась естественным препятствием при нашем продвижении от нынешнего района промежуточного сосредоточения в Кувейте в сторону Багдада.

Развединформация поставляла нам все новые и новые сведения. Почти каждый день я получал от начальника разведывательного отделения новые данные. 17 марта, в ночь, когда инспектор по вооружению ОНИ покинул Ирак, а президент Буш выдвинул 48-часовой ультиматум Саддаму Хусейну и его сыновьям, начальник разведывательного отделения сообщил об открывшемся доступе к новой видовой информации воздушно-космической разведки. Орудийный сержант Уинн, командиры групп и я собрались в палатке разведки, чтобы посмотреть на самые последние фотографии объектов.

Я поздоровался за руку со специалистом по анализу видовой информации:

— Мы — разведывательный взвод, собираемся на мост в Чибайиш. Вы можете достать самую последнюю плёнку с У-2?

Фотографии были сделаны разведывательным самолетом У-2 пару дней назад. Мы пододвинули два раскладных стула и две коробки с индивидуальными пайками и ждали, пока сержант вернется со снимками.

Разрешение было невероятным. Четко был виден каждый человек, козлы и кусты.

— О'кей, здесь мы отпочкуемся от батальона, — сказал Кольберт, показывая на очень маленькое черно-белое изображение перекрестка, о котором мы так долго читали и так

красочно представляли в своем воображении уже многие дни. — Потом мы едем сюда, — говорил он, ведя пальцем по карте, показывая маршрут, — и входим в зону, предписанную нашему взводу, перебегаем что есть мочи через эту канаву.

Мы изучали три вещи: пропускную способность, состояние моста через реку Евфрат и признаки наличия врага. У нас был гусеничный транспорт и машины, было видно, зона была полностью пригодна для их движения. Это был Хавр-эль-Хаммар, иракские болота, где люди жили наполовину обособленно, пока Саддам Хусейн не отвел воду в качестве расплаты за восстание шиитов в 1990 году. Их трагедия была нам на руку: земля, которая раньше была почти непроходимой, сейчас стала твердой и сухой. Сам мост тоже выглядел надежным. Простой бетонный мост в две полосы, около сотни метров в длину с кучей уличных фонарей. Никаких «сюрпризов» видно не было. По мосту ходили люди, проезжали машины, под мостом проплывали рыбацкие лодочки. Ни танков, ни орудий, ни минных полей. Не было никаких признаков того, что жители Чибайиш догадываются о наших планах относительно их города.

К тому времени как мы покинули палатку, у нас возникла твердая уверенность, что мы осуществим, как выражался сержант Кольберт, «главную разведывательную миссию нашей жизни».

Следующим утром я проснулся от рева майора Бенелли. Он сказал, сегодня дивизия будет мобилизована. В полдень мы должны построиться на гравийке, уже готовые к отъезду. Усталый голос в углу спросил, сколько продлятся учения.

— Шесть месяцев, может, год.

Вот и все. Утро, которого мы так долго ждали. Следующие шесть часов мы погружали вещи и снаряжение в свои «Хаммеры». Топливо, вода, еда и боеприпасы. Мы уже давно рассчитали нужное нам количество, оставалось все уложить. Но зная, что сейчас все по-настоящему, мы все упаковывали и перепаковывали особо тщательно.

Выезжая из «Матильды», машины нашего взвода стонали после каждого ухаба. Немудрено, на каждой было по десять тонн груза. И даже при этом в голову закрадывалась мысль, что я мог что-то забыть.

Мы проехали мимо нескольких американских палаточных лагерей, названных в честь событий 11 сентября: Нью-Йорк, Виргиния, Пенсильвания. Мы держали курс на север, на иракскую границу, и я не чувствовал ни страха, ни дурного предчувствия. Я чувствовал облегчение. Я уже давно ощущал неизбежность войны. Конечно, питал иллюзии по поводу дипломатического урегулирования конфликта, но вместе с тем я знал: мы не

попадем домой, пока не пойдем в бой и не выиграем войну. Мы были готовы. Взвод был физически и психологически натаскан.

Солнце село, вышла полная луна, озарившая пустыню серебряным светом. Мы приближались к нашей цели.

Одно из основных преимуществ войск США — это умение сражаться ночью, и мы лелеяли надежду предпринять первую атаку при видимости в 20–30 процентов. Но в ту ночь этот коэффициент приблизительно равнялся 100 процентам. Мы переживали разочарование молча. Пусть будет так. Если прикажут — будем атаковать и при полной луне.

22

НА ПРИВАЛЕ, ЗА ВОСЕМЬ МИЛЬ от иракской границы, я узнал из «Би-би-си» о начале войны. Узнал, что «Томагавки» и «Стелсы» уже начали атаку, целью был Саддам Хусейн. В пустыне же вокруг нас было тихо. Ветерок гонял по небу облака, еще летали птицы, и больше никаких движений в пределах линии горизонта. Казалось, мы были в гордом одиночестве. Я даже не видел других американских подразделений. В глубине души я ожидал большей драматичности в этот момент.

Несколькими минутами позже в нашем лагере раздался пронзительный крик: «Газ, газ, газ!» Я надел противогаз, натянул резиновые перчатки и ботинки, схватил рацию и пробрался в свою неглубокую яму. Лежа на спине с трубкой у уха, я был уверен, снаряд упадет прямо на меня. Я старался успокоиться, зная, что существует вероятность выживания, если буду дышать глубоко.

20 марта, в четверг, мы проделали это три раза. Два раза была ложная тревога, но вот в третий мы услышали звук ракеты, просвистевшей над нашими головами. Сержанта Кольберта ситуация достала окончательно и бесповоротно, он был раздражен до предела.

— Мы потревожили гнездо этих правоверных, и вместо того чтобы без толку тут околачиваться, лучше поскорее начать убивать правоверных ублюдков.

Я соединился по радио с каждой командой и попросил всех до одного собраться у штабного «Хаммера».

Когда все собрались, я прочитал «Послание всем солдатам», пришедшее от генерала Маттиса — листок бумаги, вчера переданный командирам взводов.

> «Десятилетиями Саддам Хусейн пытал, заключал в тюрьмы, насиловал и убивал народ Ирака; нападал на соседние страны без провокаций с их стороны и угрожал миру оружием массового поражения. Настало время положить конец его террористическому режиму. На ваши молодые плечи возложены надежды человечества. Когда я подам вам команду, мы вместе пересечем рубеж перехода в атаку и будем сражаться с теми, кто выбрал войну, мы разобьем их. Мы сражаемся не с народом Ирака, а с солдатами иракской армии, выбравшими сопротивление. Мы будем действовать оперативно и агрессивно против тех, кто оказывает нам

сопротивление, к остальным мы проявим должное уважение, обнаруживая рыцарский дух и солдатское сострадание к людям, которые всю жизнь жили под гнетом Саддама.

Химическая атака, вероломство, использование невинного живого щита и другие неэтические тактики могут иметь место в этой войне. Относитесь к ним спокойно. Будьте охотниками, а не добычей: ни при каких обстоятельствах не допускайте, чтобы враг прошел сквозь патруль. Принимайте правильные решения и действуйте максимально в интересах своего народа.

Вы часть войска, которое больше всего боятся и уважают на этой земле. Используйте мозги, прежде чем использовать оружие. По пересечении рубежа перехода в атаку будьте храбры и отважны. Поддерживайте веру в товарищах слева и справа от вас и в авиации морской пехоты над вашими головами. Сражайтесь с радостью и твердостью в сердце.

Во имя миссии, во имя нашей страны и людей, сражавшихся в прошлых боях — боровшихся за жизнь и никогда не терявших самообладания, — выполните свою миссию и не запятнайте честь. Покажите миру, что „нет лучшего друга и худшего врага“, чем морская пехота США».

По молчанию я понял, что взвод начал ощущать реальность войны. Я, конечно, тоже. Больше говорить было не о чем, мы с Уинном распустили солдат, им нужно было возвращаться на свои позиции. «Головорез-два» был готов к атаке.

Сержант Кольберт отвел меня в сторону:

— Сэр, вы не можете объяснить мне, что командир роты сделал со своим «Хаммером»? — Он кивнул головой в сторону штабной машины, все ее окна, кроме лобового стекла, были обклеены черной клейкой лентой.

В этот день, немногим раньше, я задал командиру тот же вопрос. Он сказал, что хочет изучать карту ночью под светом фонаря и не хочет, чтобы свет был виден всем остальным. Когда я заметил, что так он не сможет видеть, что творится снаружи «Хаммера», он пожал плечами. Я думаю, это означало, что осведомленность в обстановке — дело разведывательных команд.

— Сержант Кольберт, вы лучше меня все знаете.

Кольберт улыбнулся:

— Вас понял.

К проходу мы прибыли около полуночи, остановились, ждали своей очереди, канал был узким.

Майор Уитмер пробежал мимо меня в конец колонны. Он остановился сказать, что поступают рапорты об иракских танках, они передвигаются прямо перед нами. Смеясь, он сказал, что надеется, что одноразовые противотанковые гранатометы AT4 находятся у моего взвода под рукой. Я тоже рассмеялся на несколько секунд и почувствовал противоречащее здравому смыслу возбуждение от надвигающегося боя. Мы неловко обнялись, похлопали друг друга по спине и скрестили наши пистолеты. Майор Уитмер исчез в темноте, и моя улыбка тоже исчезла. Танки.

Я стоял на пороге чего-то неизвестного и непостижимого. Всю свою жизнь я всегда подсознательно чувствовал, что случится дальше. Люди вносят постоянство в свою жизнь — дома, друзья, цели. Мы идем на работу в понедельник и строим планы на выходные, поступаем в университет, намереваясь закончить его, откладываем деньги на старость. Мы пытаемся контролировать ситуацию, хотим, чтобы наше будущее совпало с нашими ожиданиями. Сейчас я был освобожден от ответственности за свое будущее. Она была замещена ответственностью за двадцать два будущих других людей.

Начался рассвет, к нам присоединилась рота разведки легких боевых машин (ЛБМ), и мы двинулись к проходу. ЛБМ будут сопровождать нас при проходе через откос, потом отделятся и пойдут выполнять свои задачи. Их дополнительная огневая мощь здесь больше чем приветствуется, хотя она понадобится только в одном случае: если иракцы будут знать место нашего расположения. Уинн сидел за рулем, дорога к проходу лежала через глубокий песок. На прошлой неделе мы как-то ехали ночью вдоль границы, но так близко я ее еще не видел. Бульдозеры или танки выкопали на границе траншею в сотню ярдов шириной. Следующим препятствием был высокий песчаный откос, за ним ров, потом дорога с патрулем из ООН, после нее ограждение, снова откос и напоследок — ров. Выбравшись из второго рва, мы были уже в Ираке. Было пять утра, пятница, 21 марта. Час Ч. День Д.

В соответствии с моим компасом, нам нужно было продвигаться на север.

Мы проезжали мимо одиноких домов, где люди влачили убогое существование, живя с козами и другим истощенным скотом. Наши первые иракцы. На них мы настраивали свои бинокли и пулеметы, но они только махали руками. Мы им тоже

в ответ махали, в знак благодарности за прием, и продолжали ехать на север со скоростью сорок миль в час. Как гласили разведданные, это был иракский пустой квадрат, огромная, малонаселенная пустыня. К полудню я увидел больше людей, чем видел за все свое пребывание в Афганистане. Тогда нам впервые пришло в голову: гражданское население Ирака будет в войне главенствующим фактором.

Мы ехали вдоль песчаного моря в машинах, блестящих в полуденном солнце. Благодаря некоторым особенностям рельефа мне удалось точно определить наше местонахождение на карте.

Смотря в бинокль, я видел черные пятна людей у шлагбаума. Под прикрытием вертолета «Кобра» мы отправили к огороженной территории переводчика.

Иракцы сказали, что им приказали охранять пути сообщения от американцев, но единственное, чего они хотят, — это вернуться в свои дома, к своим семьям. Мы проехали шлагбаум, охрана улыбалась нам вслед и махала рукой.

Несколькими минутами позже наши морские пехотинцы, едущие в загруженных до предела грузовиках, засекли три мины, торчащие на каменисто-песчаной поверхности нашей дороги. Или они были там уже давно, или их просто наспех понатыкали. Кольберт пометил их.

Дело шло к закату, мы сбавили скорость, так как через несколько километров нужно было пересекать автостраду-8. Это была современная автострада — шесть полос, ограждения и разделяющая полоса между проезжими частями магистрали — она вела от Басры до Насирии и затем в Багдад.

Для разведывательных команд дороги, подобные этой, — зона повышенной опасности, препятствие, которое нужно преодолевать с особой осторожностью.

Мы подобрались к автостраде, планируя послать машины на западный и восточный участки, чтобы всем остальным можно было спокойно пересечь ее под охраной с флангов. Как только мы покинули зону относительной безопасности в пустыне и уже практически подъезжали к автостраде, увидели два грузовика, едущих вверх по дороге, на восток. Они все приближались к нам, поехали почему-то по тротуару. Я посмотрел в бинокль. Машины очень похожи на «Тойоту Лендкрузер», окрашены в светло-коричневый цвет пустыни и с кучей народу внутри. Народ — классический образец иракских военнослужащих. Несколькими днями позже такие грузовики будут исчезать в огненных шарах при приближении к нам на милю по периметру, но пока был только первый день войны. Убийство и разрушение еще не стали нашим ежедневным делом. Мы тренировались в сборе

информации и посылали ее командирам боевой части, которые курировали нашу деятельность. Поэтому, когда грузовики переваливали через очередной холм, команда вела наблюдение — вместо того чтобы открывать огонь, мы рапортовали обо всем, что увидели. Я выслушивал тщательные описания грузовиков по радио и удивлялся, почему та сторона не открывает огонь.

Но вообще-то я был доволен. И у нас, и у противоположной стороны хватило трезвости ума не начать пальбу.

Мы увидели клубы дыма на востоке и для выяснения причины прибегли к самому лучшему источнику информации. «Би-би-си» говорила о приближении войск к Насирии, расположенной в пустыне к западу от нас; о морских пехотинцах, захватывающих портовый город Умм-Каср к югу от нас; и о нескольких нефтяных полях, горящих в Румайле — вот он, вероятный источник дыма вокруг нас. Они также сообщали о заявлении Центрального командования об уничтожении тысячи реактивных снарядов «Томагавк». Мы с Уинном, улыбаясь, переглянулись. Чем больше оружия уничтожат, тем меньше его будет направлено против нас.

К утру я был уставшим, напряженным до предела и вымазанным в красноватую грязь.

Было 4 + 24, полный день с начала миссии.

23

НАША МИССИЯ ПРОДОЛЖАЛА ПРЕТЕРПЕВАТЬ ИЗМЕНЕНИЯ. Предполагалось наше перемещение через болота для разведки периметра моста Чибайиш, но сейчас единственным директивным указанием была «охрана фланга ПБГ-1».

Восход ознаменовался группой людей, появившихся вдалеке.

Мы еще не привыкли к появлению на горизонте иракцев, особенно солдат, так что двинулись к ним на перехват. Люди увидели нас и сразу же бросили свое оружие.

Мужчина в возрасте стоял в нижнем белье, махал нам рукой и что-то кричал. Через Миша нам удалось узнать, что эти люди служили в Пятьдесят первой механизированной пехотной дивизии, базирующейся вокруг Басры. Их подразделение сдалось, было разгромлено почти без единого выстрела, и теперь они шли пешком в свои деревни у Евфрата, рядом с Насирией, это еще сотня километров или больше через голую пустыню. У них почти не было воды.

Последнее, что мне было сейчас нужно, — это тащить за собой пленных. Только этого нам не хватало! Разведка — это глаза и уши десантной группы.

— Подкиньте им гуманитарик, — сказал я.

«Гуманитарик» — это на нашем сленге гуманитарный паек, желтая пластиковая коробка размером с телефонную книжку небольшого города.

Все приближающиеся иракцы видели нас и боялись за свои жизни. Они меняли курс и пытались обходить нас стороной.

Многие размахивали над головами американскими пропагандистскими листовками, как будто те были гарантами безопасного передвижения. Они говорили, что самолеты выбросили миллионы листовок над бараками и базами вокруг Басры. Листовки обещали: американские вооруженные силы отпустят всех сдавшихся иракцев и убьют любого, выбравшего сопротивление. Солдаты еще помнят войну в Персидском заливе и понимают всю серьезность угрозы. К вечеру мы успели пообщаться с солдатами трех иракских дивизий: Пятьдесят первой механизированной, Шестой бронетанковой и Одиннадцатой пехотной — все рассказывали одну и ту же историю. Наша психологическая кампания в южном Ираке оказалась успешной.

Приперев к стенке большую группу солдат, мы отбирали у них оружие, обыскивали, стараясь найти все, что может пригодиться разведке, выдавали гуманитарные пайки и

пополняли их запасы воды. Многие удивленно таращили глаза: вместо стрельбы мы их кормим. Подросток, одетый в военные штаны и футболку с надписью «Джейнсвилль, Висконсин, Христианская Ассоциация Молодых Людей», засмеялся и с улыбкой крикнул: «Я делаю любить Джордж Буш».

У многих были с собой противогазы. Идя через пустыню, они избавлялись от всех вещей, без которых могли обойтись, но не от оружия, воды и противогазов. Я заметил, что один мужчина, стоящий в сторонке, был гладко выбрит, на нем была военная парадно-выходная рубашка. Он всегда поворачивал голову в ту сторону, из которой доносилась наша речь, было ощущение, что он понимает английский. Я представился, мы пожали друг другу руки. Он был командиром батальона, полковником, и большинство солдат были его подчиненными. Он поблагодарил нас за доброе к ним отношение, я ответил, что мы, как солдаты, имеем больше общего с другими солдатами, чем с другими людьми в нашем обществе. Я спросил его насчет противогазов — не думает ли он, что американцы будут использовать против Ирака химическое оружие.

— Нет, — ответил он. — Мы думаем, Саддам будет использовать его против вас, а мы в это время застрянем как раз посередине.

В конце концов около трех часов дня мы получили приказ двигаться дальше. Нам было предписано ехать на запад и продолжать разведку северного направления, двигаясь к болотам Чибайиша. Я наклонился к карте и, прищуриваясь, пытался найти название русла реки: «Мать истока всех каналов».

Ведущий «Хаммер» неуверенно въехал на железнодорожный мост Эр-Ратави. Казалось, водитель утратил психологическое равновесие, потому что его «Хаммер» вдруг прибавил скорость и отъехал в сторону, чтобы не наворотить чего-нибудь и уступить дорогу всем остальным. Когда наша машина, с Уинном за рулем, взобралась на мост и колесами нужно было угодить в колею, я прижался к спинке сиденья и посмотрел на воду внизу. От наших шин до края моста было по шесть дюймов.

В обволакивающей и успокаивающей темноте мы расположились по обоим берегам Саддамского канала и начали подготовку к грядущей ночи. Нашей миссией было просто наблюдать за северной частью канала и в случае каких-либо движений с иракской стороны против ПБГ-1, расположенной к югу и западу от нас, бить тревогу.

Ночь была тихой, и, когда взошло солнце, я выкинул в воду все изъятые у иракцев АК-47.

23 марта наша миссия полностью изменилась. Во время планирования военных действий в Кувейте и в течение первых дней войны мы постоянно делали одни и те же ошибки: считали, что иракские военные будут поступать так, как мы бы поступили на их месте. Если бы иностранная армия начала атаку Вашингтона с юга, любой американский офицер в любой гипотетической военной игре рекомендовал бы взорвать мосты через реку Потомак, превращая, таким образом, реку в естественное препятствие между врагом и его целью. Мы думали, иракцы поступят так же и с Евфратом.

В воскресное утро мы поняли: мосты в Насирию не тронут. Мы возвращались уже изведанной тропой, опять на юг, радуясь нашей удаче и даже не подозревая, по крайней мере, на моем уровне, что иракцы могут на самом деле хотеть, чтобы мы пользовались мостами в Насирию.

На рассвете мы пересекли «Мать истока всех каналов» и на автостраде-8 влились в поток нашей военной техники. Танки стояли вперемешку с квадратными британскими грузовиками и бронетанковой техникой польской армии, сделанной в Советах. Поляки нас всегда пугали, так как иракская армия использовала ту же боевую технику. Весь этот компот отправился в дорогу, передвигаясь со скоростью тридцать-сорок миль в час. Автострада-8 сейчас очень сильно начала походить на скоростную автостраду Санта-Моники в фильме «Армагеддон». Мы с Уинном очень сильно удивились, обнаружив через каждые несколько миль дороги зоны отдыха для путешественников — пластиковые столы с разноцветными зонтами и большими картами Ирака.

Через три часа, в тридцати километрах южнее Насирии, мы устроили привал.

Весь, день над нами парили вертолеты. CH-46 морской пехоты и армейские вертолеты-истребители «Блэк Хоук» летели на север и затем опять исчезали на юге, а потом опять летели на север. Туда-сюда. Туда-сюда. Днем, во время сумерек и в темноте вертолеты не останавливались. Мы знали, чем они занимались. Вертолеты морской пехоты были выкрашены в неприметный шиферно-серый цвет, но на каждом «Блэк Хоуке» были отчетливо видны красные кресты спереди, с боков. Эвакуация. Они увозят раненых и тела мертвых солдат с поля боя до ближайшего реанимационного пункта.

Я начал замечать спокойную решительность в морских пехотинцах. Взвод начищал оружие и перепроверял данные на картах. Каждый пролетающий мимо вертолет подпитывал морских пехотинцев энергией. Мы гордились своим

профессионализмом, так как мыслили здраво в ситуации, когда все вокруг нас было пропитано духом смерти. Мы могли обернуть насилие и жестокость в свою пользу. Но все равно время от времени по телу пробегали мурашки. Я был зол. Я хотел мести. Впервые в моих венах вскипала кровь.

Там, на обочине дороги, мы провели ночь под звездами и летящими туда-сюда вертолетами. Офицер разведки передал каждому взводу аэрофотоснимки города Насирии, распечатки шириной в шесть футов, отображающие каждую аллею и каждый дом в мельчайших деталях. Город занимал пять квадратных километров, он спускался к реке Евфрат на юге и к каналу на севере. Автострада-7 шла на западе, а автострада-8 простиралась параллельно восточной части.

Морские пехотинцы решили использовать автостраду-8, печально известную как «Аллея засад».

Я собрал командиров групп под брезентом «Хаммера», и вместе мы изучили фотографии. В понедельник миссией батальона будет поездка в Насирию и слияние со Вторым батальоном Восьмого полка МП на южной стороне восточного моста через Евфрат, это южный конец «Аллеи засад». Мы мало знали об уже произошедших событиях в Насирии. «Би-би-си» сообщала о дюжинах американских пострадавших, но деталей не рассказывала. Были неопределенные слухи о том, что группа технического обслуживания по ошибке вошла в город в воскресенье и была встречена засадой федаинов. Оперативная группа «Тарава» вошла в город для освобождения уцелевших и открытия моста, так как ПБГ-1 должна была быстро пройти по городу, она готовила внезапное нападение на Багдад. Теперь все выглядело так, как будто морские пехотинцы были остановлены и нам предстояло увязнуть в тяжелом бою.

24 марта, понедельник, мы медленно двинулись на север, ехали по полям, находящимся рядом с дорогой, пропуская грузовики с продовольствием, ждущие захвата Насирии.

За последние четыре дня мы увидели дюжины раздолбанных иракских машин. Танки, разбитые американскими реактивными самолетами, грузовики и взорванные зенитки валялись на обочинах. Теперь на узкоколейках южного направления мы видели намного больше следов разрушения. Но что-то было не так. Я пригляделся.

— Хрень господня, орудийный сержант. Это же «Хаммеры».

На дверях были видны отпечатки окровавленных рук. На лобовых стеклах зияли дыры от пуль. Застывшая кровь, столько крови, я даже не мог себе представить, что в человеческом теле

столько крови. Это были плачевные останки ремонтной роты, которая, повернув не в ту сторону, наткнулась на насирийцев и была почти стерта с лица земли федаинскими ополченцами. По крайней мере, девять солдат было убито и шесть взято в плен, включая рядового 1-го класса Джессику Линч. Но в тот день мы знали только одно: в тех «Хаммерах» были американцы, и выглядело это так, что их убили всех до одного.

Мы были в трех километрах к югу от моста. Казалось, что враг везде: за каждым деревом, каждой стеной, в каждом здании. Я боялся. Впервые в Ираке. Кровь приливала к голове, ноги непроизвольно отбивали чечетку на полу машины. Мои колени поднимались и опускались, как механизм швейной машинки. Во рту было сухо и липко.

24

ГДЕ-ТО ВПЕРЕДИ СТРЕКОТАЛИ пулеметы.

— Как так может быть? Еще полчаса назад мы проезжали по тихим, безлюдным полям, — спросил меня Уинн, правой рукой продолжая управлять «Хаммером», а левой целясь сквозь открытую дверь.

Я задавал себе тот же вопрос. «Самый южный город на пути к Багдаду. Мы как раз там, где они нас ждали».

Наконец мы проехали выстроившиеся в елочку машины и увидели пехотинцев, растянутых вереницей в окопах вдоль полей. На южном конце моста, ведущего к «Аллее засад», мы повернули влево и угодили в огромную лужу грязи, окруженную пальмовыми деревьями.

Роты «Альфа» и «Чарли» двигались вперед, к берегу реки, а мы слушали оглушительный грохот — наши обстреливали позиции врага, находящиеся на другой стороне реки. Рота «Браво» оставалась на месте, мы ждали инструкций. Прячась под пальмовыми ветвями, я побежал к морским пехотинцам, роющим окоп на противоположной стороне.

Я нашел командира взвода сидящим на корточках в окопе, конечно же, с оружием и рацией. Он сказал, они из роты «Фокс» 2/8, весь день на линии огня, и предупредил меня, что мое хождение, таким образом, совсем небезопасно.

— Они на деревьях, приятель. Они, на хрен, везде, и они, на хрен, умеют стрелять.

Вьетнам.

Я вернулся к своим, получил приказание облегчить «Хаммеры», выбросив из них всю несущественную боевую технику. Когда оперативная боевая группа «Тарава» пойдет на штурм Насирии по мосту, мой взвод будет следовать за ней и эвакуировать пострадавших. В этом районе было слишком много реактивных гранат, поэтому вертолеты не могли летать над городом, поэтому эвакуация будут происходить на земле. Отвратительное ощущение — планировать эвакуацию морских пехотинцев, которые сейчас суетятся, болтают со своими приятелями и готовятся к атаке.

Я стоял, разговаривая с сержантом Патриком, как вдруг в воздухе просвистел какой-то объект, с лязгом ударился о корпус и угодил прямо в кузов «Хаммера».

— Граната!

Мы все упали на землю, сейчас взорвется! Сейчас! Сейчас! Потом мы с Патриком все-таки встали и осторожно посмотрели в

кузов. Внутри валялся острый кусок шрапнели, не совсем безвредный, но и не граната. Мы засмеялись. Из-за сражения мы были настолько взвинчены, что все вокруг воспринималось очень остро. Потом я еще несколько раз буду видеть моих морских пехотинцев маниакально смеющимися в самый разгар боевых действий.

На Насирию спустилась ночь. Для нас это значило только одно: будет лучше видно следы. Обещанная атака через мост так и не состоялась, и мы готовились провести ночь там же, где оставались днем — на предмостном укреплении. Я разделил взвод пополам: нужно было обеспечить безопасность и рыть окопы. Мы даже еще не успели начать рыть, как пришло указание стартовать на юг, через три километра присоединиться к ПБГ-1 и перейти к безумному прорыву через «Аллею засад».

Вся дорога была забита сотнями машин. Танки, «Хаммеры» и грузовики с продовольствием и боеприпасами собрались в один поток. Сюда же присоединились и мы — заехали прямо к железнодорожному мосту и попали под импровизированный прожектор — горящую в поле, к западу от дороги цистерну с бензином. Любой двенадцатилетний ребенок с охотничьим ружьем мог спокойно попасть в наши силуэты, подсвеченные «дружелюбным» светом. С трудом выруливая, я приблизился к «Хаммеру» командира роты и попросил разрешения отъехать на сто метров назад или, наоборот, вперед, на более подходящую позицию.

— Не могу вам дать разрешение, — ответил он, — не обсудив вопрос с батальоном.

— Так обсудите с батальоном.

— Беспокоить батальон по таким пустякам? Мы будем плохо выглядеть в их глазах. — Он сказал это с преувеличенной миной терпения на лице. — Кроме того, мы скоро тронемся.

Прошло еще шесть часов, а мы как стояли, так и продолжали стоять.

Прогуливаясь по дороге, я встретил бывшего курсанта из Квантико. Он выглядел измученным, карие глаза на бледном лице, подсвеченном бензиновым костром, запали в глазницы. Я спросил, как у него дела.

— Как в аду. Днем мы увидели иракцев, они подняли руки, хотели сдаться. Подошли ближе, и эти чертовы хаджи выбросили белый флаг, а потом вытащили спрятанные в одежде АК и начали стрелять. Через десять минут некоторые из этих ублюдков держали в одной руке автомат и стреляли в нас, а другой рукой прижимали к себе по маленькой девочке. Мои парни пытались

поступить правильно, но я не хотел, чтобы дети погибли в перестрелке. И теперь на дороге в город лежат трупы моих морских пехотинцев. Когда мы туда вернемся, ты их увидишь.

— Что произошло?

— Засада реактивных гранат. Дружеский огонь с А-10. Черт, если бы я знал.

Генерал Маттис говорил нам, что нужно выжить в первые пять дней войны, в самые опасные дни. Осталось еще четыре.

На рассвете мы завели моторы.

К тому времени, когда мы приблизились к южному мосту, между машинами появилась дистанция, хоть можно стало маневрировать.

В северном конце «Аллеи засад» мы пересекли другой мост и здесь повернули налево, на перекресток. Легкие бронированные машины поехали по полям рядом с дорогой — так противник их не сразу заметит. Я был рад: они смогут нас прикрывать. Прибавил скорость. Поворот направо привел нас на автостраду-7, которой мы должны придерживаться, следуя на север, в Эль-Кут, находящийся на реке Тигр.

Дорога по автостраде между Насирией и Эль-Кутом протяженностью в двести километров займет у нас десять дней. В это время Третья пехотная дивизия, ПБГ-5 и ПБГ-7 пойдут через пустыню на запад, ПБГ-1 и Первый разведывательный пройдут через каждый город, располагающийся по автостраде-7, занимая эту, как говорили в древности, «землю между двух рек». Нашей задачей было вовлечь иракские войска в слежку за нами и не допустить, чтобы они вернулись для защиты Багдада. Армия и другие ПБГ войдут в столицу, но в следующие десять дней больше всего боев пройдет в населенных пунктах, расположенных вдоль автострады.

Боковым зрением я вроде бы видел человеческие тени, но, когда поворачивался, не обнаруживал ничего примечательного. Вон мужчина в окне. Другой прятался за зданием. Третьего я заметил у обочины, вдалеке. После Насирии в моем правом ухе — я стрелял с правой стороны — всегда была затычка. Я хотел бы перестрелять всех и вся, сровнять все с землей. Тогда в этих безжизненных полях мы чувствовали бы себя в безопасности. Но мы не могли этого сделать. Мы могли только сидеть, ждать и наблюдать с красными от усталости глазами.

После трех часов езды батальон свернул с автострады; поставив машины елочкой, мы могли стрелять по флангам. Морские пехотинцы вышли из машин и встали перед ними — так безопасней.

Я медленно поднялся по одной из узких тропинок и остановился. Подо мной был окоп. Дно обложено одеялами, а на костре все еще стояла кастрюля. Еда была поделена точно поровну, на две тарелки, но к ней не успели притронуться. Следы на мокрой земле исчезали где-то в кустах.

— Кристенсон, Стэффорд, идите сюда.

Они прибежали и начали ходить вдоль следов по двойной спирали, то туда, то сюда, как собаки, берущие след. Но «окопников» не было. Я представил себе парней, вероятно, моего возраста, которым приказали сидеть в окопе и стрелять в американцев, когда те появятся. Они защитят от неверных свою деревню, матерей и сестер. Даже если они умрут, они попадут на небеса в качестве мучеников и будут жить вечно, вместе со своими девяноста девятью девственницами. Может, это и выглядело как хорошая перспектива, пока не увидели, как перед ними остановилась целая колонна морских пехотинцев.

А наши командиры уже планировали следующий шаг. Меня вызвали для получения боевого приказа на конец дня.

Расстелив карту на капоте «Хаммера», я слушал и делал пометки. ПБГ-1 будет продвигаться по автостраде-7, Первый разведывательный пойдет на восток от автострады для патрулирования ферм, расположенных на участке от пяти до десяти километров от дороги. Нашей миссией было наблюдать за флангом ПБГ и предупреждать о грядущем нападении. Взяв синий маркер, я пометил предполагаемый маршрут. Батальон поведет рота «Браво», а «Браво» поведет мой взвод.

Такое наблюдение было хорошей разведывательной акцией — задание простое, цель ясна. Но самое лучшее, как подметил сержант Лавелл, «мы будем в сельской местности, где можем сражаться, а не в городе, где стоит нам только отвернуться, и все».

Опять двинулись в дорогу. Колонну возглавлял «Хаммер» Кольберта.

Мы с трудом, метр за метром, переехали через узкий мост и обнаружили, что дальше дороги нет. Я остановился и передал по рации в роту сигнал тревоги. Наш сосед, взвод «Головорез-три» не стал заезжать на мост, так что теперь батальон вел он. Мы смотрели, как пятится остальная колонна, потом и мы проделали тот же путь. Теперь мы замыкали колонну. Патрик с Левеллом развернули свои пулеметы назад. Как говорится, всегда наготове.

Обстановка менялась медленно, но верно.

В бою у меня никогда не было шестого чувства, но мои первые пять очень обострились. Мы начали замечать тревожные сигналы. Когда мы проходили мимо, во взгляде местных жителей

читалось нетерпение. Я наладил визуальный контакт с мужчиной возраста моего отца. Он медленно провел пальцем через горло. Жест, понятный во всем мире. Дальше. Женщины с узлами, завязанными на спине, шли на север, против нашего движения. Они прижимали к себе детей и украдкой смотрели на нас. Один мужчина прогромыхал мимо нас на тракторе, везущем за собой трейлер, заполненный детьми и домашней утварью. Это не могло быть нормальным. От чего они убегали?

— Головорез-два, похоже, нас вот-вот начнут атаковать. Вокруг куча местных жителей. Стреляйте только по конкретным целям.

В моем предупреждении не было необходимости. Морские пехотинцы замечали сигналы так же, как и я. Все это мы отрабатывали, они знали правила боя. На сердце стало легко. Я вытащил из кобуры пистолет. Мы держали оружие наготове и ждали повода к перестрелке.

Как по сигналу спереди раздался огонь, и колонна остановилась. Мы, инстинктивно пригнувшись, начали выбираться из своих машин, через несколько минут она, машина, могла стать нашей посмертной клеткой.

— Рота «Альфа» на связи. Оставайтесь на месте. Колонну возглавляет «Альфа».

Как только мы остановились, начался ветер. Кружащийся вокруг песок урезал видимость до нескольких сотен ярдов. Он лез мне в глаза, пришлось натянуть на лицо защитные очки — видно стало еще хуже. Эти шамалы, или, как они у нас называются, песчаные бури, начинали дуть без предупреждения. Все было в песке — воздушные фильтры «Хаммера», патронники автоматов, наши рты и глаза. Мы сидели в низине, но от ветра и вражеского огня это спасти нас не могло.

Пятнадцать минут мы напряженно ждали. Морские пехотинцы сканировали поля и деревья вокруг нас. Но все, что мы видели, — это деревенские жители, испуганно убегающие с насиженных мест. Мы с Уинном лежали на животах у одной из обочин. Он изучал через прицел своей снайперской винтовки линию деревьев, а я все время держал около уха рацию.

— Это все из-за города, который там, дальше, — сказал сержант, показывая вперед. — Каждый раз, как мы подходим к городу, в нас начинают стрелять. Но кажется, к счастью, мы обойдем его стороной и опять поедем по пересеченной местности. По крайней мере, мы учимся.

Я был с ним полностью согласен. Последнее, чего я хотел, так это повторения истории с Насирией, и полагал, наши командиры думают так же. Затем зашипела рация: «Головорез-два,

наблюдение окончено. Движемся к западу от автострады, через центр города».

25

КОЛЬБЕРТ ПЕРЕГНАЛ МЕНЯ и поехал вперед, круто поворачивая влево — за поворотом был въезд в город. Эспера, верный товарищ по команде, следовал сразу за ним. Пулеметчики группы, в полной готовности, стояли у огневых установок. Справа от дороги — ряд трехэтажных зданий. Из каждого черного прямоугольника окна, из каждой двери засверкало дульное пламя.

Психическая нагрузка меня парализовала. Открывшиеся за поворотом здания были бетонными и выглядели как башни, расположенные с обеих сторон дороги, — враги поймали нас в ловушку этого городского каньона. Вокруг нас мелькали вспышки от стреляющих вражеских орудий, но я этого не слышал и не мог разобрать, стреляет мой взвод в ответ или нет. Не было ни страха, ни куража. Я ничего не чувствовал, я был сторонним наблюдателем, смотрел на засаду, устроенную нам, как на фильм в кинотеатре. Уинн рывком выровнял руль, от этой встряски я пришел в себя. Слух восстановился в ту же секунду: грохотали пулеметы, ревели моторы «Хаммеров», я увидел улицу, позиции федаинов и мой взвод в пылу сражения. Огонь по нам велся со всех зданий по периметру.

— На связи Головорез-два. Принимаем на себя огонь из орудий малых калибров. Мы вступили в бой.

— Здесь Роджер-два, — ответил штаб. — У нас та же ситуация. Продолжайте ехать.

Правила выживания и приказ начальства поставили меня в трудное положение. Нормальной реакцией человека сейчас было свернуться калачиком на дне «Хаммера» и закрыть глаза. Как раз эту реакцию в войсках морской пехоты и пытались всеми средствами подавить. Сработало. После первого шока от засады я успокоился и стал абсолютно хладнокровным. Мой взвод выглядел так же. Ребята прицеливались, нажимали на курки и действовали как единый организм.

Я поддерживал контакт по рации с Третьей группой, нужно было убедиться, что у них все в порядке.

— Как вы там?

— Бежим и стреляем.

Инстинкт самосохранения отошел на второй план, нужно было стрелять. Первое, чему учат каждого молодого пехотного офицера в Квантико: если в тебя стреляют, стреляй в ответ. «Вы должны добиться огневого превосходства и поддерживать его», — вот как говорят войска морской пехоты.

Я наклонился к своему М-16 и начал стрелять в окна и двери.

Кроме насекомых и растений, в своей жизни я убил всего одно живое существо. Когда был подростком, мне нужно было скосить газон у дома моих родителей, и я лезвием газонокосилки случайно поранил бурундука. Затем, сжав зубы, отрубил ему голову лопатой. Но даже из-за этого умерщвления из милосердия мне было не по себе. Я никогда не охотился, да и желания не было. А теперь я бросал гранаты в незнакомых людей в неизвестном городе, и мне это определенно нравилось.

Когда столь долгожданная ясность сознания все-таки появилась, я увидел в аллее молодого человека, лежащего на земле.

Он стрелял из АК-47. Автомат прыгал в его руках. Человек казался мне очень маленьким, хотя он был от меня на расстоянии меньше чем тридцать метров. Я бросил в его сторону гранату, она взорвалась, ударившись о стену прямо над его головой. Я видел, как молодой человек ткнулся в землю вслед за своим автоматом. Теперь я бросал гранаты в окна и открытые двери.

В конце концов мы прорвались через ворота, добрались до развилки с автострадой-7 и помчались со скоростью пятьдесят миль в час. На юге, выстроившись у дороги елочкой, расположились танки ПБГ-1. Ряды спешившихся морских пехотинцев, притаившихся у обочины, смотрели на нас, не веря в то, что нам удалось на наших «Хаммерах» выбраться из города. Кольберт, ехавший слишком быстро, не успел вовремя повернуть на автостраду, и его машина запрыгала по насыпи на внешнем обводе поворота. За спиной еще проносились пули, нам нужно было уезжать, чтобы между ними и нами возникла безопасная дистанция.

Кольберт вывернул руль и выскочил на подсушенную корку грязи на обочине. В тумане виднелась верхняя граница леса, до опушки оставалась миля через открытое поле. В тактическом плане вопросов не было, все просто: стреляй, передвигайся, сообщай о своих решениях.

Мы решили, что оторвались. И вдруг все превратилось в ад.

Корка грязи отвратительным скрипом затрещала под «Хаммером» Кольберта, нагруженным оружием и боеприпасами, и машина до корпуса увязла в смоле. Поле было «собкой» — этакое большое крем-брюле, хорошо утоптанное на верхушке, но внутри жидкое и глубокое. Нас всех инструктировали по поводу этих иракских «собок», но увидели и реально почувствовали одну из них мы только сейчас. Теперь мы завязли в одном дерьме и подвергались обстрелу другого.

Патрик пополз вперед, к краю «собки» и накинул крючок на

фаркоп «Хаммера». Руди включил заднюю передачу, машина напряженно взревела, но не сдвинулась ни на дюйм. Бесполезно. Нужно что-то помощнее.

Я связался по рации с батальоном и запросил «Гудренч», команду механической поддержки.

Через пять минут после моей просьбы о помощи показался штаб-сержант Бринкс на своей дайте-мне-пятитонный-армейский-грузовик со стреляющим глушителем, ему было наплевать на пули, посылаемые вдогонку. Он пришвартовался рядом с насыпью, рядом со Штайнторфом, продолжающим палить из пулемета в сторону наших неприятелей. Выпрыгнув из кабины, Бринкс с ухмылкой произнес: «Как дела, сэр? Что случилось?» Адреналин бил в мозги, я с трудом мог говорить и не мог понять, признаком героизма или идиотизма было его веселое настроение. Со временем я пойму, что это самый действенный способ справиться со всем на свете.

Бринкс окинул «Хаммер» профессиональным взглядом и пробурчал несколько указаний своим морским пехотинцам в грузовике. Они посыпались наружу и быстро прикрепили цепь. Рывок, треск и «Хаммер» Кольберта выпрыгнул из «собки». Мы были готовы двинуться дальше.

Наконец мы увидели наш батальон, собравшийся в круг на поле рядом с автострадой, и поспешили занять свое место в периметре.

Остановились, Уинн заглушил мотор, из машины выходить никто не собирался. Несколько минут сидели молча, потом повернулись и посмотрели друг на друга. Бледный Уинн выдавил из себя улыбку, и мы оба засмеялись. Смех был неестественным.

Уинн заговорил охрипшим голосом:

— Вот дерьмо, да? С ума можно сойти.

— Нас чуть не поимели. — Я посмотрел на карту. — Эль-Гарраф. Название этого города Эль-Гарраф.

Я шел и то тут, то там слышал обрывки историй, которые, наверное, рассказывали уже по десятому кругу.

— Ну вот, Дарнольд едет по этому хренову городу, снаряды жужжат со всех сторон, и вдруг его рука соскальзывает с руля. Он орет: «В меня попали!» — и сержант Кочер наклоняется посмотреть. Точно, из предплечья хлещет кровь. Ну, Кочер, тот еще чувак, затягивает выше раны жгут и говорит: «Ты в порядке, поехали дальше». Дарнольд заводит машину и едет, и вот мы здесь, со всеми остальными. Черт возьми.

На секунду я остановился и посмотрел на первого раненного в бою солдата Первого разведывательного батальона. На его предплечье была маленькая красная дырка — место, куда попала

пуля и где она до сих пор находится.

Выяснив в штаб-квартире роты, что у капитана нет для меня дальнейших инструкций — только устроиться здесь на ночь и быть готовыми утром выдвинуться дальше, — я вернулся к своему взводу. Мои морские пехотинцы уже организовали окопы.

И конечно же рассказывали друг другу истории. Каждое сражение потом еще столько раз перемалывается… А если бы мы сделали так… А если бы поехали туда… Иногда это обсуждение происходит спокойно, иногда шумно, иногда со смехом, иногда со слезами. Это очень важно — рассказывать и пересказывать обо всем произошедшем. У взводов коллективная память. Они учатся и меняются. Учатся, в большинстве своем, не во время боя, а после него.

Но кое-что в пересказах меня и нервировало. Доверие в моем понимании — это опора нашего душевного равновесия. Однажды в колледже я отправился на катание на лыжах по ровной местности. В метель. В лесу, под деревьями, все было ничего. Но когда я пересекал открытую поляну, снежный покров на земле переходил в снег, падающий с неба. Не было горизонта, не было восприятия глубины, и я терял пространственную ориентировку. Ветви, торчащие из снега рядом с ногами, выглядели точно так же, как другие лыжники, находящиеся в сотнях ярдов от меня. Кружилась голова, пришлось сесть.

* * *

Бой — это одна из форм потери пространственной ориентировки, но никто не готовил меня к тому, что я буду подвергать сомнению свои собственные ощущения.

Удача на поле боя базировалась на своевременной инициативе, лежащей в основе всего фундамента работы пехотинцев. Репутация морской пехоты была основана на творческих способностях и индивидуальной импровизации, но горе молодому лейтенанту, который забудет о фундаменте. Если фундамент есть, то остальное приложится.

Штайнторф показал мне длинную рваную дыру в материи рюкзака фирмы «North Face», дырку сделала пуля от АК-47, а рюкзак находился в дюйме от его тела.

Прострелили и «Хаммер» Кольберта. Мы обнаружили в нем двадцать два пулевых отверстия, включая шесть в двери рядом с местом Эвана Райта. Когда я подошел, он смотрел на них с благоговейным страхом.

— Как ты, Эван? — Я был наполовину уверен, он ответит, что

уже обладает достаточным количеством информации для написания рассказа и захочет улететь на первом же вертолете.

— Впечатлен, — ответил он. — Впечатлен как никогда в своей жизни.

Эспера обнял его за плечи:

— Но он остается с нами. Он у нас крепкий перец.

Опустилась ночь, поднялся ветер. Звук грома смешивался с громыханием взрывов вдалеке, а молния в небе чередовалась со вспышками артиллерийских снарядов. Мы с Уинном прятались в кабине, слушали новости по радио и уплетали наш первый за день паек. Я понял, что был голоден как волк.

— О чем ты думаешь? — спросил я Уинна.

— После Насирии и того городка, где нас обстреляли, для меня стала ясна иракская стратегия. Они не будут трогать нас на открытом пространстве, потому что здесь мы вытряхнем из них все дерьмо. Они дождутся, когда мы войдем в черту города, и будут брать нас измором. Если мы начнем стрелять в ответ и раним мирных граждан, они расскажут об этом всему миру, и мы будем выглядеть как последние головорезы.

Я посмотрел на карту, ведя пальцем по «Автостраде-7» от Насирии до Эль-Гаррафа. Потом пошел дальше, на север, по предполагаемому маршруту. Ан-Наср, Аш-Шатра, Ар-Рифа, Квалат-Суккар, Эль-Хай, Эль-Кут — цепь городов, простирающихся до реки Тигр. На севере от Тигра находится Багдад, самый большой город.

— Ну, если так, то нам придется нелегко, — заметил я.

Перед рассветом, когда я лежал в своем окопе, пошел дождь.

26

УТРОМ 26 МАРТА погода прояснилась, казалось, дождь осадил всю пыль, скопившуюся в воздухе.

Когда ты спишь в походных условиях, в полном снаряжении и в ботинках, все, что нужно сделать после того как проснулся, — это встать.

Ни побриться, ни принять душ, ни погладить вещи. Нет сушки для рук, завтрака, газеты или е-мэйла. Просто встал и пошел.

По рации меня вызвали в штаб-квартиру роты, где разрабатывался наш маршрут. Капитан огласил план на день: через тридцать минут быть на автостраде и атаковать в северном направлении. Больше никто из американцев не прошел севернее Эль-Гаррафа, кроме нас, и мы будем передвигаться вверх по автостраде вместе с ПБГ.

И да, чуть не забыл: атаковать и высматривать засады с реактивными гранатами и взрывными устройствами, заложенными в автомобиль.

Уинн и командиры групп ждали меня, собравшись у капота «Хаммера». Я схватил свою карту и присоединился к ним.

— Любимая всеми акция: сближение с противником, — проронил я. — Мы едем на север по «Автостраде-7», и мы прикреплены к ПБГ-1. — Командиры групп сделали пометки на своих картах. — Мы будем двигаться вперед и разведывать местность. Все наши войска на дорогах, вас должно волновать все, что находится по флангам, вероятно, там будет враг. Будет поддержка с воздуха. Вертолеты «Кобра». Вопросы есть?

— Сэр, как вы думаете, грудастые телки в чем будут выглядеть лучше — в белых футболках или в оранжевых?

Я усмехнулся, остальные дружно заржали. Да, эти парни правильно выбрали род деятельности.

Как большинство плохих дней, этот день начинался хорошо. Машины загудели.

Мы сделали остановку на южной окраине Ан-Насра, съехали с проезжей части и поставили машины елочкой. Я подошел к каждой машине посмотреть, как там мои морские пехотинцы, и сказать, что мы подождем несколько минут — нужно пропустить вперед ПБГ, они войдут в город. Три снайпера расчехлили свое оружие и, просматривая фланги, поджидали иракских стрелков.

Получили приказ двигаться дальше и поехали к мосту. Улицы Ан-Насра были пусты, ворота заперты, ставни закрыты. Никакого движения. Танки встали на всех перекрестках, чтобы напрочь

отбить охоту приближаться к нам; вдоль дорог стояли огневые установки. Мы проходили квартал за кварталом и потихоньку начали расслабляться. Может, федаинов в городе нет или их смутила наша огневая мощь. И когда мои плечи были уже не так напряжены, а дыхание стало более ровным, я услышал по правую сторону от себя длинную автоматную очередь.

Все-таки стреляют.

Плечи напряглись, дыхание участилось. «Головорез-два, принимаем огонь с востока». Передавая сообщение по рации, я старался, чтобы голос звучал ровно.

Пока Уинн держал одной рукой руль, а другой пытался дотянуться до автомата, траектория нашего «Хаммера» очень сильно напоминала волну.

— Черт, черт, я ничего не вижу.

Еще пулеметная очередь. Какой же противный звук!

— Где стрелки?

Я повернул голову, ища глазами источник огня. Мы не могли вести беспорядочную стрельбу, но не мог же я допустить, чтобы атакующие подумали, будто напугали нас до смерти. Однако наша задача была четкой и ясной: дойти до Багдада. Мы проглотили ярость и продолжили движение на север, так и не сделав ни единого выстрела в ответ, мы не видели, в кого стрелять. Через несколько минут мы опять оказались в открытом поле, кое-где разорванном небольшими перелесками.

Батальон вела рота «Браво», а роту «Браво» вел второй взвод. Над нами разведка с малых высот, и по звуку в небе было понятно: у них там в разгаре свой бой, воздушный. Но это лучше, чем бесконечное, напряженное ожидание.

В моем мозгу каждое дерево, крыша и тропинка скрывали бойца с реактивной гранатой, и эта граната определенно была направлена на меня. Сначала я не мог вести переговоры по рации, боялся, что мой голос будет звучать смешно. Но когда вышел на связь, то был удивлен: мой голос казался ровным и спокойным.

Разведка с малых высот оставила федаинам несколько вариантов действий: спастись бегством, сдаться или умереть.

Повернулся, чтобы сфокусировать взгляд на вспышке света, которую я заметил боковым зрением, и увидел мертвую девочку в голубом платьице. Она лежала на дороге и было ей примерно лет шесть. Рядом с ней, обхватив руками голову, сидел мужчина, солдат в форме. Когда мы проезжали мимо, он что-то прошипел нам вслед. Возвращаясь к своему прошлому, я вспомнил, что еще давным-давно, учась в подготовительной средней иезуитской школе, как-то поймал себя на мысли, что шепчу под нос двадцать третий псалом: «Я иду через долину смертной тени…»

Мы очень быстро проехали через Аш-Шатру — из наших окон торчало все оружие, которое было в наличии. В то время мы еще не знали, но Аш-Шатра позже станет знаковым городом в этой войне. Как раз на этой дороге в засаду угодит колонна транспорта снабжения. Один из сержантов морской пехоты будет захвачен, искалечен, а по словам некоторых, и распят.

Следующим городом на карте был Ар-Рифа. Штаб-квартира батальона передала нам по рации, чтобы мы придерживались той же схемы, что и при въезде в Ан-Наср, — сначала зайдет разведка и укрепит позиции для ПБГ. Батальон в Ар-Рифу поведет мой взвод.

Мы припарковали наши пять «Хаммеров» под пологим склоном осушительного канала и выставили охрану по всем направлениям. Снайперы благодаря своим прицелам осмотрели все стены, ворота и крыши домов. Пулеметчики наводили оружие на возможные цели — один на северном направлении, другой на южном, третий на восточном, четвертый на западном. Мы с Уинном штудировали карту и, чтобы сократить время реагирования, если нам будет нужно немедленное подкрепление, намечали цели для артиллерии. Мы работали, а остальной батальон с шумом проезжал мимо нас, улыбаясь и махая нам руками.

— У меня тут вооруженные люди, двигающиеся вдоль деревьев! — выкрикнул Кристенсон, и показал на трех-четырех мужчин, пробирающихся сквозь деревья, у них были реактивные гранатометы, и они определенно шли в нашу сторону.

Я назначил ответственным Уинна, и он быстренько установил свою снайперскую винтовку М40 на капот «Хаммера». Он терпеливо смотрел в прицел и никак не реагировал на суматоху, царящую вокруг. Он то плотно прижимал палец к курку, то немного отпускал его, ждал идеального момента. Я повернулся, чтобы ответить на сигнал по рации, и тут он выстрелил.

— Не знаю, попал или нет, но теперь они подумают дважды, прежде чем приближаться.

На тропинке показались фигуры двух людей. Кристенсон открыл по ним огонь из легкого пулемета, выстрелов было восемь или десять. Пули пролетели над их головами.

— Ниже, Кристенсон. Слишком высоко берете, — мой голос звучал спокойно, почти как у инструктора на стрельбище. И это опять меня удивило. Я понял, что командование под обстрелом сродни театру. Кристенсон взял ниже, и люди упали на землю.

— Будь начеку, Кристенсон, и убивай любого, кто будет приближаться с этого направления.

Стены Ар-Рифы находились от нас на расстоянии одного футбольного поля. Как и большинство иракских городов, он был олицетворением какой-то безысходности.

Кристенсон наблюдал за деревьями, я стоял рядом. Насколько я знал, предыдущие выстрелы были для него первыми, выполненными с такого близкого расстояния. И я хотел его подбодрить.

— Хорошие были выстрелы, Кристенсон.

Он удивился тому, что я с ним заговорил.

— Спасибо, сэр.

Кристенсон был самым младшим членом взвода. Обычно в разведке, где полно старших по званию, младшие являются козлами отпущения. Но Кристенсон мог постоять за себя и настоять на своем. Он получил приглашение от Военно-морского училища США стать их студентом, но после 11 сентября он отклонил приглашение и записался в морскую пехоту.

С юга доносился шум артиллерии. Выстрелы были, а ударной волны не было, Уинн взглянул на меня с удивленно поднятыми бровями. Я покачал головой. Не знаю. Над головой проносились снаряды, взрываясь на севере Ар-Рифы.

Нас искренне удивляла «мудрость» этих стрелков: бомбардировали снарядами большой разрушительной силы полный мирных жителей город, и чихали они на наши предписания.

Капитанский «Хаммер» подъехал к нашему маленькому кругу, и капитан подошел ко мне.

— Сэр, мы тут пару раз стрельнули в желающих подойти поближе, по ходу они все поняли, — сказал он. — Мы курируем район, но движущихся целей нет.

— Да, но рота «Альфа» вызывает огонь, и я тоже хочу получить приказ на совершение акции.

Я не мог в это поверить. Мы собирались использовать артиллерию только чтобы не отстать от роты «Альфа»!

— Сэр, я бы лучше продолжил заниматься тем, что мы делаем сейчас. Сейчас у нас все под контролем.

— Лейтенант Фик, следите за работой своего взвода, а я буду мозговать над разработкой акции.

Все, что находилось за зоной в шестьсот квадратных метров, считалось «опасной дальностью» и требовало повышенного внимания из-за соседства с нашими войсками.

— Сэр, этот участок входит в зону опасной дальности. Аннулируйте акцию, — произнес Уинн с возрастающей тревогой в голосе.

— Мы перебьем всех засранцев. Спокойно, — ответил

капитан.

— В поле никого нет! — Я уже не говорил, а кричал. — Этими снарядами вы и нас прихватите, и ПБГ-1 заодно, поскольку мы не знаем, по какой дороге они пойдут. Аннулируйте эту хренову акцию. — Я потянулся, чтобы забрать у него рацию. Он отстранился.

Позже я связался по рации с майором Уитмером, он был даже злее меня. Он с возмущением кинул рацию, обозвав капитана «хреновым идиотом», мы же в батальоне называли его просто «Дерьмом». Так как начальник штаба дивизии находился на расстоянии слышимости, полковник Феррандо попросил майора Уитмера обходиться без лишних эмоций. Но акцию отменил. Старший офицер уехал, но перед этим пригрозил мне припомнить мой поступок.

Сержант Эспера, пригнувшись, на случай если в нас целятся из снайперской винтовки, подбежал к «Хаммеру»:

— Сэр, у меня шину спустило, нужно немедленно менять, чтобы можно было выехать в любую минуту.

Я поступил с этой проблемой так, как нас учили в Квантико. А учили нас повернуть карту на 180 градусов и посмотреть на ситуацию глазами врага. Что бы я сделал, если бы был командиром федаинов и увидел, что «Хаммер» морских пехотинцев стоит на домкрате, а люди бешено меняют спустившее колесо? Я бы воспользовался слабостью и атаковал. На худой конец, я бы, застав их в состоянии немобильности, постарался нанести потери. И самое лучшее, что я мог бы предпринять, это заставить американцев улепетывать, оставив «Хаммер» для меня, а потом я сжег бы его как трофей, служащий доказательством американской беспомощности.

— Эспера, я не могу дать тебе на это разрешение, — сказал я. — Собери свою команду и поезжай к месту дислокации «Гудренча». У них больше людей, с ними ты поменяешь шину быстрее. Извини. Поднимай своих ребят, и отправляйтесь в дорогу. Наша рота может сорваться с места в любую минуту.

Он кинул на меня взгляд, наполовину доверяющий, наполовину сомневающийся. В следующую секунду до него дошла моя мысль, Эспера в знак согласия кивнул головой:

— Приказ принят, сэр. Я доложу вам, когда будем возвращаться.

Стояли уже три часа, но все еще не видели ни одного морского пехотинца из ПБГ-1. Смотря, как медленно спускается солнце с неба, я чувствовал все больший и больший дискомфорт. Мы сидим на одном месте, как наседки. Впрочем, одно неверное решение, как правило, еще не приводит к тактической

катастрофе. Но конечно же я не хотел стать очередным наглядным примером в слайд-шоу Доктора Смерти.

Хотя ворота и ставни домов Ар-Рифы были закрыты, местные жители все равно украдкой выглядывали из-за стен. Некоторые махали руками, другие проводили рукой по горлу. Чуть дальше мы увидели несколько дюжин иракцев, собравшихся у обочины дороги.

Я связался со штаб-квартирой батальона. Нужен был переводчик. Через десять минут мы услышали рев приближающегося «Хаммера», — это привезли Миша и высадили его около меня.

Я наблюдал. Местные жители начали показывать Мишу кулаки и бросать в его сторону какие-то фразы. Он пожимал плечами и продолжал слушать. Трое мужчин показывали на нас, их голоса становились громче и отрывистей. Я попросил морских пехотинцев Лавелла прикрыть меня и пошел в сторону Миша.

— Что они говорят?

Миш сделал паузу, осознавая важность своей миссии.

— Они говорят, что счастливы видеть здесь морских пехотинцев, они признательны вам за свое освобождение.

— Черт возьми, Миш. Хватит молоть чушь.

— Они спрашивают, почему вы здесь сидите, и боятся, что вы атакуете город и убьете их. Они говорят, федаины обосновались на другом конце города, на месте бывшей штаб-квартиры партии Баас. Они хотят помочь нам убить плохих парней.

Вот теперь прогресс налицо.

— Хорошо, могут ли они кое-что для нас сделать? — Я протянул Мишу пригоршню инфракрасных палочек. — Попроси их дождаться темноты, а потом кинуть эти палочки на крыши зданий, в которых находятся федаины. Американские вертолеты увидят их в темноте и смогут атаковать здания.

Это был наш план. Правда, у меня были сомнения насчет его действенности. Ирак славится своей межплеменной враждой. Я полагал, что большая часть палочек окажется на крышах тех людей, которые должны нашим помощникам денег и не хотят их отдавать. Хотя, может, и сработает, если мы сможем подтвердить их информацию другими источниками.

Меня вызывала штаб-квартира: «Уведомляем вас о приближении с юга дружественной колонны снабжения».

Я хотел ответить, но в это время раздался пулеметный огонь. Мне показалось, что огонь велся по приближающимся грузовикам с запада и востока от автострады. Я смотрел по сторонам, пытаясь вычислить, откуда ведется огонь. Безрезультатно.

— Лечь! Всем лечь!

Взвод уже выбрался из машин и лежал на земле. Я лежал под двигателем, плотно прижавшись к грязи, и орал во все горло в рацию: «Прекратить огонь!» А потом увидел приближающиеся к нам грузовики колонны снабжения — они все еще вели обстрел деревьев и зданий, располагавшихся вдоль автострады. И ни одной пули им в ответ. Я осознал всю ироничность ситуации: мы ждем, что в нас начнут стрелять наши же морские пехотинцы.

В темноте раздался голос Кольберта:

— Придурки, они приняли наши светлячки за дульное пламя.

Другой голос сказал, что группе снабжения нужно давать в руки дубинки, а не огнестрельное оружие.

Около полуночи на радиосвязь вышел штаб, нам было приказано присоединиться к батальону в северной части Ар-Рифы и затем последовать на север, к аэродрому рядом с Квалат-Суккаром. Мы с Уинном, расположившись под пончо и включив краснолинзовый фонарь, изучали карту, пытаясь понять, как туда попасть. Квалат-Суккар был следующим городом на «Автостраде-7», в двадцати милях от нашей нынешней позиции. Аэродром же находился на востоке от города, на дороге под названием «Автострада-17». По карте выходило до нее сорок-пятьдесят миль, но отправляться предстояло ночью, не включая фар, по территории врага, сознавая, что все американские позиции остаются далеко позади.

Уинн посмотрел на меня безнадежным взглядом и произнес:

— Находиться в этом батальоне, все равно что каждый хренов день выигрывать в лотерею.

27

НА СЕВЕРЕ ОТ АР-РИФЫ мы заметили опознавательные сигналы батальона, поступающие с поля, находящегося на востоке автострады, и безмолвно въехали в периметр. В то время как взвод готовился к длинному путешествию в Квалат-Суккар, мы с Уинном поспешили на ночное собрание по освещению операции.

Генерал говорил о том, что британский парашютно-десантный полк следующим утром возьмет штурмом иракский военный аэродром в Квалат-Суккаре для использования его в качестве базы сосредоточения и последующего нападения на Багдад. Перед атакой мы проведем разведку аэродромного поля. Были получены рапорты о наличии танков и зенитных пушек, что являлось значительной угрозой для британских вооруженных сил. Больше никаких деталей не сообщалось. Нужно добраться туда до рассвета и выезжать необходимо немедленно, а то какая от нас там будет польза. Командир взвода, сидящий сзади, спросил генерала, смотрел ли тот когда-нибудь фильм «Они были незаменимыми».

Два часа мы пробирались в темноте и не сказать что мы ехали быстро.

Мы были уполномочены сами принимать решения — атаковать или отступать, вести шквальный или точечный огонь или требовать подкрепления. Теперь у меня было в полтора раза больше полномочий. Эта мысль меня пугала.

Утро было ясным. Генерал сказал: так как мы на легких транспортных средствах — «Хаммерах» — и нам не нужно времени на подготовку, то атаковать аэродром будем немедленно. Разведка боем.

В первый раз я ощутил страх в Ираке при нашем первом въезде в Насирию. Последующие три дня перестрелок произвели на меня мало впечатления. Услышав сейчас о предполагаемом захвате аэродрома, я испугался во второй раз. Боязнь не была вызвана иракским сопротивлением и, как следствие, возможностью моей насильственной смерти. Наоборот, страх пришел от осознания того, что мои командиры тоже могут испытывать усталость и стресс. Боязнь образовала маленькие трещины, которые я заполнил доверием. Помня заверения генерала Маттиса, о том, что нужно выжить в первые пять дней боя, я подумал: как бы было иронично и печально умереть утром шестого дня.

К страху присоединились обреченность и уязвимость. Я был

морским пехотинцем. Я буду отдавать честь и выполнять приказания. Нам приходилось доверять решениям других людей, не зная полной картины происходящего. Мы с моими морскими пехотинцами были готовы отдать свои жизни, но легко сдаваться мы не собирались.

Моторы уже ревели, а я в это время инструктировал взвод. Оглашение моего боевого приказа заняло тридцать секунд. Мы приблизимся к аэродрому по главной дороге и ворвемся на его территорию через передние ворота.

Какая-то часть меня ожидала открытого сопротивления со стороны взвода. Но нет. Командиры групп лишь покачали головой, сказали солдатам садиться в тачки, и мы тронулись в путь.

Подсвеченные восходом, мы гнали по подъездной дороге к аэродрому. Я посмотрел направо и увидел морпеха из ночного патруля, он смотрел в нашу сторону с поднятыми руками, скрещенными над головой — наш сигнал, означающий «свои войска — не стреляйте в меня». Дорога протяженностью всего в несколько километров обросла по краям кустами и небольшими деревьями, отчего все выглядело так, как будто мы здесь одни.

За рулем был Уинн, а я на пассажирском сиденье жонглировал оружием и двумя рациями. До ограждения из проволочной сетки, которой был обнесен аэродром, оставались считанные секунды, когда всем машинам поступило предупреждение из штаба роты: «Весь личный состав аэродрома объявляется вражеским».

Здесь, в Ираке, мы были ограничены в возможностях при ведении боевых действий. В качестве самообороны мы могли отвечать только пропорциональной силой огня — «стреляйте, если стреляют в вас»; или, если мы открывали огонь первыми, он мог быть только точечным. Оба варианта зависели от обстоятельств — необходимых для достижения боевой цели или несущих угрозу. «Объявляется вражеским» — эти слова означают, что вышеперечисленные правила аннулируются. Означают, что сначала нужно стрелять, а потом задавать вопросы. В Квантико нам рассказывали о вьетнамской зоне свободного огня. Впоследствии эти зоны были признаны аморальными и контрпродуктивными. Однако сейчас Квалат-Суккар был объявлен зоной свободного огня.

Прямо перед нами раздался треск пулеметной очереди. Я увидел вдалеке силуэты людей, машин и верблюдов, скрываемых в кустах. Какой-то мужчина держал в руках что-то похожее на автомат или пулемет. Рацию было очень плохо слышно,

доносились слова: «…дульное пламя… вооруженные люди». Около людей в кустах что-то взорвалось, но мы уже были далеко впереди, нашей целью была взлетно-посадочная полоса.

Доехали. Встали на взлетно-посадочной полосе полукругом, обеспечивая безопасность по флангам; другой взвод, не останавливаясь, поехал дальше — они должны были прочесать все прилегающие к аэродрому здания. По рации нескончаемым потоком передавали рапорты о наличии в округе танков и артиллерийских орудий. Мы же не видели ничего.

Аэродром Квалат-Суккара был пуст. Он выглядел так, будто не использовался уже много лет. Высшее командование отменило британский штурм, потому что Первый разведывательный уже захватил сектор. Батальон перебрался на северную часть аэродрома и сделал привал. Моему взводу выделили пятисотметровый изгиб оросительного канала, имеющего форму латинской буквы «L». Мы припарковали «Хаммеры» через каждые сто метров и начали окапываться. Я не знал, пробудем мы здесь час или целую неделю.

Нам опять повезло. Беда обошла нас стороной, но не благодаря нашим навыкам и умениям, а благодаря иракской глупости. Один хорошо замаскированный танк на этом аэродроме мог уничтожить целый взвод, прежде чем его подобьет А-10.

Морские пехотинцы думали, что полковник Феррандо, отправив их на это задание, проявил высокомерие, заботясь в первую очередь о своей карьере, а не о своих солдатах. Я опять возразил. Напыщенность полковника — это маска. Я полагал, полковник чувствует то же самое, что и я, только он не может нам показать своих чувств.

Вскоре мое внимание привлекло движение вдалеке. Я встал, пытаясь увидеть как можно дальше. Перед группой Лавелла в нашу сторону шли пять человек. К ним приближались два наших морских пехотинца с оружием наготове. Я впрыгнул в бронежилет и пошел вслед за ними. Подходя ближе, я увидел, что две женщины в этой группе из пяти человек тащат какой-то объект, укутанный в покрывало. Позади трое мужчин волокли еще один. По всему Ираку жители деревень всегда к нам подходили, часто со своими больными вместе, и просили медикаменты от своих недугов, но тут было что-то другое. Я прибавил шагу и увидел доктора Брайана с аптечкой через плечо. Он шел к иракцам не спеша, но все равно, от меня до него было расстояние в футбольное поле. Я перешел на бег.

К тому времени, как я до них все-таки добежал, Брайан уже развязал принесенные узлы, в них находились два подростка. Братья. У старшего было пулевое ранение в ногу. Свернувшаяся

кровь покрыла коркой его икру и щиколотку. Я сначала увидел лицо младшего, а потом и раны. Младший выглядел как то тело, которое я видел в Главном военном госпитале округа Колумбия. Бледно-зеленый воск. Цвет показывал, как много жизни уже утекло из четырех отверстий в его животе. Над ними застыли их мать и бабушка. В нескольких шагах позади них стоял отец. Они не выказывали никаких эмоций.

Брайан за несколько секунд осмотрел раны и объявил, что они были сделаны пулями 5,56 калибра. Пули такого калибра использовали в Ираке только американские солдаты, а единственными американцами здесь были мы. В ужасе я вспомнил наш штурм аэродрома. Мозаика собралась. Мы видели не оружие, а пастушьи палки, не дульное пламя, а солнце, отражающееся в лобовом стекле. Бегущие верблюды принадлежали именно этим мальчикам. Мы подстрелили двоих детей.

Взвод начал действовать. Две группы несли караул, а доктор Брайан принялся корпеть над мальчиками. Он разделил пострадавших по степени поражения, и в первую очередь занялся тем, у кого были раны в животе. Быстро открыв свою аптечку, он схватил капельницы, физиологический раствор, ножницы и марлю. Я подошел, чтобы помочь, и бессознательно ежился каждый раз, когда кровь просачивалась в мои перчатки. Мальчик находился в критическим состоянии. Вряд ли ему можно было помочь. Брайан мягко напомнил мне, что я могу быть более полезен в другом качестве:

— Сэр, у нас здесь все под контролем. Вы не могли бы позвать сюда доктора Обина, а также попытаться организовать воздушную эвакуацию раненых. Скажите: требуется быстрое хирургическое вмешательство.

Я, честно говоря, думал, что все поймут и осознают значимость быстрого реагирования, но ошибался. Когда я, задыхаясь, вбежал в штаб роты и объяснил, что случилось, капитан ответил: решение о помощи местным детям принимает не он, а его начальство. Времени вступать с ним в перепалку не было. Я пошел дальше. Майор Бенелли сидел в тени палатки штаба батальона и копался в индивидуальном пайке.

— Сэр, у меня двое раненых детей на линии. Мы подстрелили их во время штурма сегодня утром. Мой санитар делает что может, но одному из них нужно быстрое хирургическое вмешательство.

Он пожал плечами:

— И что?

Я объяснил всю историю снова и в подробностях.

— Полковник спит. Скажи иракцам, пусть они отправляются домой. Мы не можем им помочь.

Он вернулся к еде.

Я не мог бы сейчас ясно объяснить, что я чувствую и что хочу сделать. Я хотел сказать майору о том, что мы американцы, а американцы не подстреливают детей, чтобы потом оставить их умирать, что солдаты моего взвода не смогут смотреть в зеркало всю оставшуюся жизнь. Я хотел заставить его пойти туда, положить руки на грудь мальчика и остановить кровь, ритмично струящуюся из пулевых отверстий. Я хотел схватить руками голову майора и резко повернуть ее в сторону.

Но не сказал, не заставил, не свернул майору шею. Я был вынужден смириться с его решением старшего офицера, вне зависимости от их идиотизма, преступности или бесчеловечности. Я ушел. Нашел военного врача батальона, лейтенанта ВМФ Алека Обина. Быстро ввел его в курс дела. Он широко раскрыл глаза от удивления, быстро схватил все, что нужно, и пошел к доктору Брайану, а я вернулся в штаб батальона. Нам все еще нужно было разрешение на эвакуацию мальчиков, и сам я этого сделать не мог. Бенелли, увидев меня, ухмыльнулся:

— Полковник еще спит, лейтенант. Я не собираюсь его будить и не собираюсь создавать угрозу безопасности американцам, только чтобы эвакуировать этих раненых. Может, ты поймешь, наконец.

Моя беспомощность, трещины в моей душе становились все больше и глубже, превращаясь в пропасть, заполненную страхом и яростью, горечью и сожалением. И вдруг я почувствовал себя хотя и беспомощным, но не бессильным. В руках у меня был автомат. Я мог застрелить ублюдка. Я мог держать его в заложниках, пока он не вызовет вертолет. Просто у меня пока хватало трезвости этого не сделать. Меня предупреждали о возможности возникновения такой ситуации. Бросали вызов моим навыкам командира. Я вернулся ко взводу.

Я снова сдался. В итоге наши ценности были опрокинуты, и это угрожало разрушить меня, защитника Америки.

Мое поведение не было внезапной вспышкой высокой морали. За войну. Против войны. Война за свободу. Война за нефть. Философские дебаты были роскошью, от которой я не получал удовольствия. Войной было то, что я делал. Мы за нее не голосовали, не давали своего согласия и не объявляли о ее начале. Мы просто должны были в ней сражаться. А сражение для меня означает две вещи: победа и возвращение моих солдат

живыми домой. Впрочем, сказать «живыми» — значит установить планку слишком низко. Я должен был вернуть их домой физически и психически здоровыми.

Эти иракские мальчики могли умереть, но я не мог допустить их смерти на наших руках.

Когда я подошел, Доктор Брайан оторвался и посмотрел на меня с надеждой в глазах. Они с доктором Обином добились стабилизации состояния мальчиков, но ясно дали понять, что без немедленного хирургического вмешательства мальчик умрет. Тот, что постарше, вероятно протянет несколько дней, пока его не убьет инфекция. Кольберт стоял рядом со слезами на глазах.

Я отвел Обина в сторону:

— Сэр, батальон сказал, пусть, мол, эти дети катятся к чертям собачьим. Они хотят, чтобы мы позволили им умереть. Что вы можете сделать, взяв раненых на свое попечение?

Это было выходом. Военный врач, берущий на попечение раненых мирных граждан, официально и этически несет ответственность за предоставление им всей необходимой помощи. Мы организовали восемь санитаров-носильщиков и пешком пошли через поле к штабу батальона.

— Вот и мы, сэр. Вы хотите позволить им умереть прямо здесь, перед вашей палаткой?

Доктор Брайан аккуратно опустил носилки перед майором Бенелли, которому в первый раз в жизни было нечего сказать. Столкнувшись с маломасштабным бунтом и начиная осознавать последствия, которые обрушатся на головы офицеров морской пехоты, спокойно сидевших и смотревших на детей, умирающих от огнестрельных ран, нанесенных морскими же пехотинцами, он встал, повернулся и пошел будить полковника.

Феррандо приказал немедленно эвакуировать мальчиков в военно-полевой госпиталь ПБГ-1, там ими займется специальный взвод. Доктор Брайан полетел с ними для оказания непрерывной помощи, он передаст их в руки хирургов. Я вернулся ко взводу, пытаясь сообразить, что рассказывать парням, а что нет.

Когда доктор Брайан вернулся, я собрал морских пехотинцев. Взводы — это семьи. Даже в самых плохих взводах морские пехотинцы любят своих сослуживцев. Но и в самых лучших люди любят своих сослуживцев. Наш взвод один из самых лучших. Я не хочу, чтобы все это разрушилось. Нужно прояснить конфликт и разногласия, а не то они осядут на дне и будут портить взаимоотношения, и, конечно же, все это в первую очередь отразится на боеспособности. Мы должны были поговорить о происшедшем. Мне пришлось быть психиатром, наставником и

отцом; никто об этом не подозревал, но сейчас я был кем угодно, только не командиром взвода.

— Друзья, день сегодня выдался дерьмовым. Мы не можем влиять на операции или полностью контролировать их, мы просто должны делать все, от нас зависящее, — сказал я. Объяснил, что у батальона есть обязательство перед генералом Маттисом, обязательство предоставлять ему информацию, наши извинения ему не нужны. Мы на войне, здесь свои правила. Невозможно предугадать и исключить все риски, касающиеся как нас, так и людей, находящихся в непосредственной близости от нас. Позволив вам в это утро действовать в соответствии с указанием о «зоне свободного огня», я вас подвел. Обстоятельства вылились в трагедию, огонь по двум пострадавшим мальчикам, увы, полностью соответствовал нашим предписаниям.

Первое. Сегодня утром мы совершили ошибку, — произнес я. — Не беря во внимание технические детали, мы являемся морскими пехотинцами США, а морские пехотинцы — профессиональные воины, сражающиеся за величайшую демократию в мире. Мы не стреляем в детей. Если это все-таки происходит, мы признаем трагедию и делаем для себя соответствующие выводы. К сожалению, я не могу ручаться, что такого больше не произойдет.

Второе. Я хочу, чтобы вы остаток дня посвятили прокручиванию данной ситуации в голове. А потом я посоветовал им выкинуть ее из своей головы. Эти мысли не помогут им завтра выжить. Я хотел, чтобы они сделали для себя выводы, а сделав, убрали бы эту ситуацию подальше от своего сердца.

Третье. Никаких если бы да кабы. Мы всегда должны были принимать решения быстро. Иногда они были верными, иногда нет. Мы не можем позволить себе сомневаться завтра из-за ошибки, сделанной сегодня. Тогда нас убьют.

На Квалат-Суккар опустилась ночь, я сидел один.

Душа болела за моих морских пехотинцев, американских парней с добрым сердцем, которые будут нести этот груз всю свою жизнь. Я оплакивал себя. Нет, это не было жалостью к себе, было моей душе жалко ребенка, приехавшего в Ирак. Его больше нет. Я размышлял в темноте, я далек от своего взвода, потому что боевой командир — самая одинокая работа в мире.

28

Я СПАЛ ГЛУБОКИМ СНОМ, впервые за несколько дней.

Утром после трех дней, проведенных в Квалат-Суккаре, мы отправились дальше.

Утро было прохладным и солнечным. Я был рад смене места дислокации.

После нашей изоляции командный пункт полка выглядел как крупный город. Сотни танков, гусеничных транспортеров для подвоза боеприпасов, грузовиков и «Хаммеров» растянулись по обеим сторонам автострады. Вертолеты «Кобра» и «Хьюи» сели рядом с автобензоцистернами. Мимо палаток и антенных полей проходили тысячи морских пехотинцев. Мы въехали в этот временный город и припарковались в укрытии, образованном высокой песчаной обочиной, благодаря этому кордону безопасности пехотинцы решили этой ночью не рыть окопов.

Через час я вошел в батальонный штаб для инструктажа по операции, ожидающей нас завтра утром. В центре стоял полковник Феррандо.

До освещения новой операции он подвел итоги боев и всей нашей деятельности за последние десять дней.

— Джентльмены, плохая психологическая установка распространяется так же быстро, как инфекция. Мне нужно, чтобы вы задали тон. Именно вы подаете пример, и люди следуют вашему примеру. У нас всего лишь хорошая передышка, но завтра мы опять выдвинемся в путь, и боев будет больше. Удача — вещь несистемная, на нее не стоит надеяться. Нужно работать, и работать усердно.

Итак, Первый разведывательный пойдет по автостраде на север, пересечет мост через реку Эль-Гарраф и обследует периметр, за ним подтянется ПБГ. Мы должны будем справиться со всеми ситуациями своими силами. Прикрывая фланг, мы будем проезжать через поля и маленькие деревни. Нашей целью будет к сумеркам дойти до города Эль-Хай — до него около пятидесяти километров пути. У нас не будет танков, только ограниченная поддержка с воздуха. На военном жаргоне это называется «сближение с противником».

Когда я вернулся и проинструктировал взвод, реакция парней была более чем определенной: «Понятно, сэр. Нужно ехать, пока не начался обстрел».

Наш марш на север начался без особых событий. Батальон проехал по шоссе и, как планировалось, пересек мост. Мы

въехали в пасторальный мир ферм, рек и деревьев. Фермеры пасли свой скот, а дети, когда мы проезжали, махали нам рукой. «Идти Америка! Идти Джордж Буш! Дать мне денег!»

— Миш, иди поговори с этими парнями, узнай что можешь, — произнес я, отправляя переводчика горстке иракских мужчин на обочине дороги. Он подошел, что-то пробурчал им, а они молчали, переминаясь с ноги на ногу. Потом они начали говорить, но Миш сразу перестал их слушать и вернулся к моему «Хаммеру».

— Они говорят, что они фермеры, но врут.

Я уже и сам знал это. Иракские фермеры носили сандалии и национальную одежду. Эти же парни были в кожаных туфлях и чистых футболках и брюках а-ля западный мир. На их руках не было мозолей.

— Регулярная армия или федаины?

— Я думаю, регулярная армия. Местные парни — они как ваша Национальная гвардия. Они увидели нас и сняли форму. У них взгляд бойцов, а не взгляд крестьян.

Впереди нас был Третий взвод, их командир рапортовал нам по рации: «Мы наблюдаем за дюжиной мужчин, кидающих в реку какие-то сумки. Они от нас убегают. Идем посмотреть, что там».

Мы прибавили скорость и въехали в облако пыли, оставленное за собой Третьим взводом. Наверное, они бы и сами справились, но мы решили следовать золотому правилу пехотинцев: оружие хорошо, больше оружия еще лучше.

Иракцы остановились, они молча пялились на окруживших их военных с пулеметами. Я присоединился к морским пехотинцам, вылавливающим из реки джутовые мешки. Взрезав их ножом, мы обнаружили кипы иракских денег, динары с портретом Саддама Хусейна.

— Черт возьми. Посмотри на это, — морской пехотинец держал в руках зеленую военную форму, из подмышек еще воняло потом. — Национальная гвардия, на хрен. Эти недоноски — из Республиканской гвардии. — Он показал пальцем на треугольный лоскут на плече, символ элитных войск Саддама.

— Наденьте на них наручники. Они идут с нами.

Мы не думали, что Республиканская гвардия будет находиться так далеко на юге. В соответствии с рапортами, поступающими от разведки, они находились на оборонительном рубеже на юге от Тигра. Захваченные нами иракцы носили такие же усы, как Саддам, стояли молча, засунув руки в карманы. Один из них, скрестив ноги, сидел на траве, перебирал руками четки и что-то пил из бутылки из-под «Пепси». Солдаты Третьего взвода связали им руки за спиной и посадили в кузов грузовика.

С нашего фланга вдруг раздались выстрелы из стрелкового оружия; морские пехотинцы, попрыгав из своих гусеничных транспортеров, устремились в ближайший внутренний двор. Вражеский огонь тем временем становился все интенсивнее.

— Осколочная граната! — закричал какой-то морской пехотинец и запустил лимонкой в открытую дверь. Из окон дома повалили дым и пыль. Через некоторое время на крыше этого строения появились два морских пехотинца, они подавали своим товарищам знаки и орали: — Все чисто!

Около часу дня мой взвод получил новые указания, и мы, не медля ни секунды, ворвались в стоящую у дороги деревню.

Мы хорошо выучили предыдущие уроки: подходя к возможному месту засады, мы поделили взвод пополам. Пока одна половина входила пешком в деревню, другая прикрывала их крупнокалиберными пулеметами, установленными на «Хаммерах». Самый лучший способ обеспечить безопасность транспортных средств в городе — это расположить вокруг них солдат. Уинн был ответственным за моторизованные силы. Раздавая по рации указания, я присоединился к спешившимся солдатам.

— Машины, медленно двигайтесь вперед и будьте готовы заглушить моторы, так мы сможем маневрировать или уходить от контакта, — приказал я. — Пешие, зачистите каждое здание, соберите все оружие и документы. Остерегайтесь мин-ловушек. Встретимся в северной части города и дальше пойдем вместе. Вперед.

Идя через поле, я нес автомат под мышкой и думал о том, что чувствую себя как-то безопаснее, когда мои ноги находятся на земле. Никогда не мог привыкнуть к передвижению по объекту в «Хаммере» и постоянному ожиданию того, что на нас нападут из засады. На земле я чувствовал себя в своей стихии: человек, ботинки, оружие.

Морские пехотинцы перебирались через оросительные канавы и осторожно приближались к кучке деревянных строений. Куры, увидев нас, кудахча пускались врассыпную, а мы в это время уже врывались в комнаты. Большая часть деревни была пуста. Были обнаружены два АК-47 и пусковая установка для реактивных гранат, а также еще куча военной формы с треугольным символом Республиканской гвардии. Я принес одну из этих эмблем майору Уитмеру, который сидел на заднем сиденье своего «Хаммера», обложившись картами и не расставаясь с рацией:

— Вот, сэр. Маленький сувенир от лучшей Саддамовой

армии.

Он засмеялся и произнес:

— Бьюсь об заклад, что ты перевелся в разведку только для того, чтобы не проводить пешую зачистку деревень.

В северном конце города мы обнаружили женщин и детей, прячущихся в однокомнатной школе. Они увидели нас и в страхе забились туда. Мы сказали, что не собираемся им вредить и спросили, почему в городе нет ни одного мужчины. Они ответили, а Миш перевел:

— Мы бедные фермеры. Мужчины весь день проводят на полях.

— Где партия Баас, федаины?

— Здесь нет федаинов. Мы счастливы видеть американцев на наших землях.

— А откуда тогда взялась форма Республиканской гвардии?

Женщинам было нечего ответить, и они молчали, не сводя глаз с пола.

Убедившись, что жители деревни не представляют собой угрозы для ПБГ-1, мы продолжили свое движение на север.

Мой воротник покрылся белыми соляными пятнами, а я то и дело жадно глотал теплую воду из пластиковых фляжек, прикрепленных к моему бронежилету. На вкус она была похожа на воду из бассейна.

Нас сменила рота «Альфа» и сообщила взводу по рации о возвращении в обитель батальона.

Всех командиров взводов вызывали на совещание.

На берегу реки я пошел куда звали. И тут увидел приближающуюся к нам гребную шлюпку с двумя иракскими мужчинами на борту, плывущую по течению, мужчины гребли, но как-то очень медленно. Они мне искусственно улыбнулись, и это привлекло к ним мое внимание. Здесь улыбались только дети. Взрослые мужчины их возраста обычно пялились или отводили взгляд. Я связался с морским пехотинцем в пулеметной башне:

— Что-нибудь видишь на дне лодки — оружие, вещи, что-нибудь?

— Ничего, сэр.

Черт. Что-то в этих двух мужчинах меня раздражало. Я инстинктивно чувствовал какой-то подвох. После всех наших сражений я научился доверять инстинктам, а инстинкты требовали, чтобы я открыл по двум этим парням огонь.

Как только они скрылись за поворотом, я увидел вспышку оранжевого огненного шара, еще мгновение — и он пронесся над моей головой. Я быстро припал к земле. Нужно действовать,

вести ответный огонь. Но откуда он взялся, этот огненный шар? Источника его нигде видно не было. Повернувшись к реке, я увидел справа от себя взвод — он отчетливо видимой линией растянулся по берегу.

«Это, черт возьми, зенитное оружие!» Иракцы стреляли в нас из крупнокалиберных зенитных пушек и, по всей видимости, откуда-то из района виднеющихся вдалеке пальмовых деревьев. Я отложил свой поход на совещание командиров, взводу я был сейчас нужен гораздо больше.

Почти весь батальон, наполовину в грязи, притаился на дне оросительной канавы. Мне казалось, что у меня в руках не автомат, а какой-то пугач. Рации в руках не было. Я надеялся, что кто-то вызвал вертолеты «Кобра».

Я было встал, уже хотел побежать, но подумал: «Нет, сейчас опять громыхнет». И снова вжался в землю. Я думал о цитате, которую как-то вычитал, что-то типа «война — это тысяча частных законов трусости». Мне было стыдно: я притаился в канаве, зная о том, что мои солдаты ведут огонь, не по-командирски. Не этому меня учили в Квантико. Обучение морских пехотинцев — это прежде всего психологическое сражение против инстинктов самосохранения. Каждый душевный импульс призывал меня свернуться в клубок и ждать, пока кто-нибудь другой разберется с иракскими зенитками. Но я был командир, и мои солдаты вели огонь.

Чем ближе я подбирался ко взводу, тем сильнее возвращалось Ко мне чувство уверенности. Все же я был со своей командой.

Тромбли, всматриваясь в огромный бинокль, обосновался у «Хаммера». Хассер, смотря вниз на Тромбли, стоял в пулеметной башне за гранатометом «Mark-19».

— Видишь, где заканчивается линия деревьев справа? — спросил Тромбли. — Я думаю, зенитки там. Примерно на два пальца влево и в глубь деревьев.

Выстрелы. Нет. Наши снаряды это место не достают, а их до нас достают. А наши просто не долетают.

На водительском сиденье «Хаммера» Кольберта сидел и пел Персон: «Раз, два, три, четыре, за что мы, б…, воюем?»

— Каждый должен сам ответить себе на этот вопрос, — произнес я, подбираясь с биноклем в руках к крылу машины.

— Да, сэр? — сказал Персон, повернувшись ко мне лицом и не обращая никакого внимания на шум и грохот боя, ведущегося вокруг нас. — Я полагаю, что сражаюсь за дешевый бензин и мир без обрезанных уродов, взрывающих наши здания.

— Хоть узнал, что ты у нас идеалист.

— Мир вообще кажется мне идеальным, особенно сейчас.

На горизонте появились два вертолета огневой поддержки «Кобра». Следующий удар зениток был направлен как раз на них. Белая машина, обнаруженная нами в поле, начала ездить по кругу с включенными фарами. Если бы он получше прицеливался и почаще стрелял, то нас бы в живых уже не было.

Позади меня упал снаряд. Кое-что новенькое. Стреляли из реактивного миномета.

— Снайперы! Найдите минометного наблюдателя! — закричал я. Минометный огонь неэффективен, если не контролируется кем-то, кто видит намеченные цели.

Уинн, обосновавшись на капоте, смотрел вдаль, в прицел своей снайперской винтовки.

Я разрывался между двумя рациями и биноклем.

— Со сколькими критическими ситуациями мы одновременно можем справиться?

Вопрос, заданный Уинну, был почти риторическим, я думал, он сейчас начнет ворчать.

Вместо этого Уинн оторвался от винтовки и задумчиво посмотрел на меня. Вокруг продолжали падать минометные снаряды. Я больше не хотел, чтобы он отвечал на мой вопрос — не время отвлекаться.

— Всегда на одну меньше, чем мы имеем.

У снайперов морской пехоты была мифическая репутация, и неспроста. Школа разведчиков-снайперов в Квантико отсеивала семь из десяти человек начального состава. Выпускники же, пользуясь модифицированными винтовками системы «Ремингтон», метко стреляли по движущимся целям, находящимся в миле от них.

— Сэр, проверьте вон ту серую машину, — это Руди, лежавший на животе, привстал и показал на едва заметную машину, расположенную за оросительным каналом. — Она находится примерно в тысяча пятистах ярдах. Внутри машины парень, он смотрит на нас и одновременно говорит по рации или мобильному телефону.

Я посмотрел в бинокль. Да, именно так. Машина стояла посреди поля в гордом одиночестве. Темная фигура, сидящая в ней, определенно смотрела в нашу сторону, периодически подносила к лицу какой-то предмет и двигала губами. Я на секунду засомневался: является ли все вышеперечисленное достаточным поводом для убийства мужчины? Может, это просто местный житель, который не хочет ввязываться в перестрелку? Слишком просто. Нет, здесь что-то более холодное, расчетливое. В поле упал очередной минометный снаряд — на этот раз еще

ближе к нам. Медленно и неумолимо они направляли огонь прямо на нас.

— Стреляй.

Снайперы стреляют не для того, чтобы предупредить или напугать. Сержант Патрик сделает все возможное для того, чтобы его первый выстрел стал смертельным: будет целиться в голову или грудную клетку. Я наблюдал за тем, как он пытается дышать спокойнее и медленнее, а Руди затаил дыхание.

На западе от нас было открытое поле, оттуда можно было ждать любой угрозы. Меня также волновал наш тыл — пыльная дорога, ведущая на юг, в деревню, которую мы только что прошли.

— Джек, Штайнторф! Они могут попытаться напасть на нас сзади. И помните: у нас тут вокруг куча местных жителей.

Энтони и Майк направили свои пулеметы на дорогу.

Ружье сержанта Патрика выстрелило.

— Низко, — сказал Руди, наблюдавший цель в прицел своей снайперской винтовки. Он сказал, что пуля попала в середину водительской двери. Патрик чуть шевельнул стволом, приготовившись к еще одному выстрелу. Выстрел!

— Прямо в яблочко, — сказал Руди.

Тело мужчины в машине упало на сиденье.

— Хорошие выстрелы, сержант Патрик. Руди, ты молодец, что обнаружил его. Будем надеяться, что, с минометами покончено, — сказал я.

Предупреждая нас, кто-то прокричал: «Транспортные средства с тыла!» И в это время с южного направления из-за угла выскочила оранжево-белая машина такси. Увидев барабаны двух пулеметов, водитель остановился, из машины выскочили трое мужчин.

— Не стрелять! Не стрелять! — крикнул я Джеку и Штайнторфу.

Оставив свою машину, люди что есть мочи побежали обратно. Не прошло и минуты, как из-за угла к нам повернула вторая машина. Мы опять не стреляли, а они опять выпрыгнули из машины и пустились наутек.

Что-то было не Так. Минометы продолжали обстрел, поток огня с вертолетов не прекращался, а эти ребята на машинах останавливались прямо перед нашим конвоем. И не один раз, а дважды. И люди из второго такси в любом случае должны были заметить бежавших обратно мужчин. Я подошел к машинам и ножом продырявил их шины. Так они не смогут преследовать нас.

Вертолеты «Кобра» все-таки уничтожили зенитную установку и теперь, кружа перед нами, искали другие цели. Минометных

выстрелов больше не было. Мы были правы насчет мужчины в машине. Батальон приказал нам отправляться дальше.

29

ОПЯТЬ НАС СПАСЛИ иракское нетерпение и тактическая некомпетентность.

Мы выехали из-за деревьев и повернули направо к каменному мосту над маленькой речкой, параллельно которой мы до этого следовали. На другой стороне речушки раскинулся самый большой город из тех, которые мы видели со времен Насирии. Эль-Хай тянулся далеко на север, дальше линии горизонта. Его улицы были пусты, окна закрыты на ставни. Мертвый город. До заката оставалась еще пара часов.

Выстрелы. Над нами пролетели заряды автоматического гранатомета «Mark-19». Рота «Альфа» докладывала о спорадически возникающем огне.

Кто-то находящийся на приличном расстоянии впереди нас постоянно орал в рацию: «Достаньте их! Вычислите этих ублюдков!» Грохот взрыва заглушил его голос.

Нашим объектом была «Автострада-7», ПБГ-1 передвигалась по ней на север. Первый разведывательный был самым северным батальоном в Ираке, между нами и остальными американцами находился город численностью в сорок-пятьдесят тысяч человек. На севере оставались Эль-Кут и Багдад с бронетанковыми дивизиями и артиллерией Республиканской гвардии.

Неделю, как и ожидалось, мы шаг за шагом подбирались к автостраде. Мы нарывались на засады, но, как обычно, нам везло. И вот через неделю за пределами Эль-Хайя, впервые за всю войну инициатива перешла в наши руки. Засаду устроим мы. Теперь мы были охотниками.

У нас была действительно хорошая позиция: мы расположились на самой высокой точке дороги, позиция эта была удобна для обороны и легко распознаваема пилотами в том случае, если нам потребуется поддержка.

— Эспера, натяни проволоку в двухстах метрах вниз по автостраде и привяжи к ней инфракрасные палочки, — сказал я. Нужно было избежать перестрелки ближнего боя. Водители противника увидят инфракрасные палочки на проволоке и, я надеюсь, повернут назад.

— Есть, сэр.

Эспера и еще двое морских пехотинцев побежали вниз по дороге, волоча за собой катушку проволочной спирали, которую мы с Уинном благоразумно прикрепили к капоту «Хаммера». Привязав к ней три инфракрасные палочки, они побежали обратно ко взводу. Сквозь шум наших двигателей, работающих на

холостом ходу, я услышал шум мотора приближающегося автомобиля: на мосту показались две тусклые фары. Двадцать винтовок и пулеметов взяли их на мушку в то самое время, когда Эспера со своей группой подбегал к нашим позициям.

Уинн взял контроль над ситуацией в свои руки:

— Расслабьтесь джентльмены. Подождем, пока машина доедет до проволоки, дадим ей шанс остановиться. Если она прорвется — уничтожим.

Уинн всегда показывал себя с лучшей стороны, когда ситуация была хуже обычного. Он одаривал наш взвод флюидами спокойствия.

Вдруг я понял: проволока была недостаточно далеко и укорил себя, что не приказал натянуть ее на расстоянии метров трехсот. Если машина пересечет проволоку, делая шестьдесят миль в час, у нас будет на реагирование шесть секунд. Мне передали по рации об отсутствии поддержки с воздуха. Наши инструкции оставались неизменными: остановить любое движение с юга.

Когда заскрипели тормоза автомашины, я с облегчением выдохнул. Она развернулась, фары сменились габаритными огнями. Повесить инфракрасные палочки — это была хорошая идея. Иракский водитель увидел это непонятное свечение и спас свою жизнь. Улыбки, шутки и дружеские похлопывания по спине. Осознание, что неминуемый бой предотвращен, по уровню приятного возбуждения уступает только радости от боя выигранного.

— Лейтенант, проверьте движение машин в западной части, — попросил меня сержант Лавелл, показывая на другой мост. Поток фар двигался по этому мосту в северном направлении.

— Черт возьми, они обходят нас с фланга, — возмущенно сказал я, связываясь с батальоном, чтобы доложить о возникшей ситуации. Казалось, будто все вокруг были прекрасно осведомлены о нашем присутствии на автостраде, и федаины или малочисленными группами убегали далеко на север, или двигались вдоль фланга, чтобы атаковать нас с другого направления. Майор Уитмер запросил более подробную информацию о местонахождении и количестве идущих на север машин.

Мост опять оказался в центре нашего внимания. Еще одна пара фар. Но, в отличие от предыдущих, эти были расположены выше — грузовик. Он двигался быстро, скорость сбавлять не планировал. Может, водитель нас не видел?

«Фары». Свои фары мы выключили, не хотели стать легкой мишенью, но если грузовик не увидел инфракрасных палочек, то

определенно должен был заметить отражение, света своих фар в наших.

«Ну давай, давай, давай же», — думал я и очень хотел, чтобы водитель грузовика остановился и повернул назад.

Я подумал: размер и скорость этого грузовика такие, что он сможет в нас врезаться, даже если мы откроем по нему огонь. И вспомнил инструкцию генерала Конвэя, который еще в Кувейте говорил нам: «Ваша первая обязанность в качестве офицеров — защищать своих солдат». Этот грузовик, конечно, мог быть полон раненых детей, но, если я позволю ему врезаться в наши позиции, мы стопроцентно потеряем, по крайней мере, три машины и стоящие на них крупнокалиберные пулеметы, а еще большую часть наших боеприпасов, еды, медикаментов, топлива и воды. Мы потеряем также морских пехотинцев. Грузовик приближался к проволоке, он был к ней очень близко. Одно из двух: или сидящие в нем были в панике, или намеревались нас убить.

— Огонь! Взорвите его!

Я еще не успел договорить последнего слова, как взвод открыл огонь из всего имеющегося оружия. Как при замедленном движении, я видел в воздухе следы от пятидесятого калибра и гранат из «Mark-19».

Тем не менее еще секунду я думал, что он все же в нас врежется.

Грузовик был все ближе и ближе. Его фары уже светили на нас. Я уронил рацию. Обычно она была моим самым смертельным оружием, но сейчас, когда грузовик покрывал последние сто метров до нашего взвода, рация была бесполезна. Морские пехотинцы вокруг меня стояли или на коленях, или опершись на дверцу «Хаммера» — они целились, стреляли, меняли магазины. Я прижал автомат к плечу и переключил рукоятку на положение «очередь». М-16 стрелял или полуавтоматическими одиночными выстрелами, или очередью из трех выстрелов.

Затем пауза. Все ждали, что произойдет дальше. Почти невероятно, но двое мужчин вдруг выпрыгнули из кабины и побежали по дорожной насыпи сбоку от автострады. Если бы они только подняли руки и захотели сдаться, они бы остались в живых. Но этого не случилось. Сержант Эспера прицелился своим М4 и свалил их точными выстрелами в грудную клетку. Оба рухнули на землю и лежали там в свете наших фонарей.

По рации передали: «Головорез-два, следуйте на север, присоединитесь к Крестному отцу». Даже не посмотрев на трупы, результат нашей работы, мы погрузили свои вещи в «Хаммеры» и повели машины на север. Я решил оставить проволоку на дороге, надеясь, что она плюс искалеченный грузовик и пара

изрешеченных пулями мертвецов придержат всех желающих прокатиться сегодня ночью по автостраде на север.

До рассвета я прогулялся по линии обороны — посмотреть, как там дела, и подошел к сержанту Эспера и его морским пехотинцам.

Они сняли свой пулемет 50-го калибра с «Хаммера» и установили его на треножный станок в окопе, обращенном на юг, на Эль-Хай.

— Стой. Кто идет? — спросили морпехи, заметив мое приближение.

Я застыл на месте: «Лейтенант Фик, ищу сержанта Эспера».

— Как вы, сэр? Как вам вечерок?

— Лучше не бывает. Устал, холодно, сыро, голодный, опять же. Чувствую себя морским пехотинцем.

Я впрыгнул в окоп, к команде — так мы сможем пошептаться и разделить тепло наших тел. Эспера улыбнулся:

— Лейтенант, в последний раз я видел вас в холодном окопе в Афганистане. Начинаю чувствовать себя старым служакой.

— Ты и есть обычный бывалый вояка, Эспера. Подожди. В следующем году будет Сирия, потом Северная Корея, а потом — кто знает, где мы окажемся. Больше никаких учений. Только война, война, война.

Прежде чем я смог сформулировать благопристойный предлог моего визита, сержант Эспера сам мне подсказал:

— Сэр, как вы думаете, что было в грузовике, который мы делали сегодня ночью?

На это у меня был заранее припасенный ответ:

— Этого я не знаю. Но я знаю одно. Каждый из нас отвечает за жизнь своих товарищей. У тебя есть команда, и ты отвечаешь за ее безопасность. Я отдал приказ открыть огонь по грузовику. Ответственность лежит на мне. Если бы вы не стреляли, он бы разрушил большую часть нашей техники и, возможно, убил бы морских пехотинцев. Ты поступил правильно.

— Да.

Эспера кивнул, но выглядел далеко не убежденным. Я ему сочувствовал. Никто не знает цену войны лучше, чем пехотинцы.

На небе рассвело, капитан позвал меня к своему «Хаммеру».

— Нат, через несколько часов мы возвращаемся в Эль-Хай, для атаки нужно подкрепление. Я хочу, чтобы ты со своим взводом немедленно туда вернулся и понаблюдал за перекрестком, — он тыкал пальцем в карту рядом с тем местом, где мы обстреляли грузовик. — Сообщай всю полезную

информацию. Не ждите, когда ее наберется сто процентов. Если попадете в неприятности, вызывайте подкрепление или отступайте к нам.

Я кивнул. Хоть ненадолго мы будем предоставлены сами себе. Когда я вернулся, на меня были устремлены глаза всего взвода.

— Мы направляемся на юг для разведки по периметру перекрестка. Бодрее, бодрее — мы едем туда одни. Оружие ближе к телу.

Я увидел во взводе зарождение чего-то, что начинал чувствовать сам: эмоциональное возбуждение. Выброс адреналина в бою и опьяняющее волнение от осознания, что мы есть закон, становились для нас наркотиком. Игрой.

Ясным, солнечным утром пять наших машин крутили колеса на юг. Вел Уинн, я сидел на пассажирском сиденье, жевал плитку «Гранолы» и наблюдал за реактивным самолетом-штурмовиком А-10. Белые фосфорные артиллерийские снаряды взрывались в воздухе над городом. Ветер уносил с собой звуки боя, а мы смотрели лишь немой фильм-катастрофу.

— Головорез-два, это Два-Два. — С нами по рации связывалась группа Патрика. — Мы обнаружили и следим за двумя вооруженными мужчинами в поле слева от нас. Выглядят как два парня с АК, следят за нами и бегут чуть поодаль от обочины.

— Понял, Два-Два. Открывайте огонь. — Я отвернулся от воздушного шоу над Эль-Хаем и увидел след гранаты, летящей за обочину рядом с дорогой. Две бежавшие фигуры в национальных костюмах свалились на землю. Я прикончил свою плитку шоколада, как раз когда мы подъехали к перекрестку.

Единственным пятном, омрачающим пасторальный пейзаж, был тот самый желтый грузовик. Его уже отодвинули на обочину, чтобы очистить дорогу. Двери кабины были усеяны кровавыми отпечатками рук. Два тела лежали на земле под неестественным углом, над ними роились мухи.

Позже к нам присоединился батальон, мы упаковали свои оптические приборы, рации, сохнущие ботинки и наполовину съеденный ланч и поехали на север, вдоль реки. Нас проинформировали о том, что атака Эль-Хая была отменена, так как федаины дали деру. Я входил в поворот, а Уинн сидел рядом, то непроизвольно трогая гранатомет, то смотря на карту. Рация молчала.

— Уинн, куда приведет нас эта дорога?

— Примерно в десяти километрах отсюда есть городок на

реке под названием Муваффигуа. Капитан только что сказал, что мы обогнем его с восточной стороны. Местность выглядит как сельскохозяйственный район.

Мы медленно поднимались, удаляясь от реки. Вдалеке я увидел размытые очертания Муваффигуа, здания и высокие водонапорные башни на берегах реки Эль-Гарраф. Уинн выглядел довольным.

— Наконец-таки до нас дошло, что города нужно обходить стороной, — сказал он.

30

Я НАКЛОНИЛСЯ К ДВЕРИ «Хаммера» в увядающем свете дня, черпая ложкой яблочное пюре из пакета своего пайка и наблюдая за двумя муравьями, борющимися за упавшее рисовое зерно. Столько дней прошло с тех пор, как я в последний раз смотрелся в зеркало, да и мои почерневшие руки выглядели не лучше, чем у остальных пехотинцев.

— Сэр, капитан зовет всех командиров присоединиться к нему около грузовика! — выкрикнул Кристенсон из кабины «Хаммера», он следил за рацией и чистил свое оружие. Я свернул недоеденный паек и отправился, чтобы узнать ту плохую новость, которая прервала мой ужин.

Когда капитан завершил инструктаж, я вызвал по рации командиров групп. «Головорез Два-Один, Два-Два и Два-Три, появитесь у моей машины. Тихий час окончен».

Я шел через поле и увидел сержантов Кольберта, Патрика и Лавелла, направляющихся к одной точке — к моей машине.

Потом к ним присоединился Уинн. Когда я подошел, они дружно болтали.

Кольберт ухмыльнулся и сказал:

— Сэр, мне не нравится ваш взгляд.

— Мы седлаем коней и уезжаем отсюда, в 22.00 по местному времени нам нужно пройти через тот город на запад и организовать засаду, чтобы перекрыть дорогу федаинам, направляющимся в сторону «Автострады-7». Похоже, сейчас, спустя неделю, во время которой в нас стреляли из снайперских ружей, автоматов и минометов, мы собрались наконец составить план. Как говорится в морской пехоте, собирались применить огневой обстрел врагов.

— Засаду? — Сержант Патрик фыркнул. Было ясно: в восторг от плана он не пришел. Всего десять дней назад я слышал, как Патрик предупреждал свою группу одним из бесчисленных южных афоризмов: «Не пытайся погладить горящую собаку».

— Да. Мы всем батальоном войдем в город и затем разделимся по взводам. Мы пойдем в сектора, закрепленные за нами, чтобы организовать засады и поджи: дать там федаинов. На рассвете мы снимемся с наших мест, чтобы опять присоединиться к батальону. У нас есть возможность быть охотниками, а не дичью.

— Это-то я понимаю, сэр, но двигаться к месту организации засады по незнакомой территории, да еще и ночью — плохая затея. — Патрик говорил медленно, подчеркивая каждое

произнесенное слово. — И потом, как мы отличим, кто федаин, а кто нет? Мы же не будем подходить к каждому и спрашивать. И мы будем одни, только наш взвод.

Патрик был прав. Но решение принимал не я один. Нам поручили эту миссию — и значит, нам нужно ее осуществить. Нашей работой сейчас было найти самый лучший вариант ее реализации, и на это у нас было два часа.

Приоритетом Уинна в качестве сержанта взвода было обеспечение безопасности его солдат всегда и везде. Моим, как командира взвода, — было осуществление миссии.

В конце концов мы пришли к выводу, что нашей первой и самой большой проблемой будет процесс прохождения через Муваффигуа. И мы определенно обладали даром предвидения.

В Муваффигуа были в основном трех-четырех этажные бетонные дома, расположившиеся на западном берегу реки Эль-Гарраф. Взвод легких бронированных машин уже подъехал к мосту несколькими часами ранее. Мы слышали звуки пулеметных очередей, и вскоре мимо нас пронеслась легкая бронированная машина с раненым морским пехотинцем. В то время как мы собрались вокруг карты, планируя свой следующий шаг, артиллерия бомбила с юга, а западный горизонт вспыхивал всякий раз, когда 155-миллиметровые фугасные снаряды падали на Муваффигуа. Сведя воедино план, который более или менее устраивал всех, командиры групп вернулись на свои позиции, чтобы проинструктировать солдат, а я почистил оружие и попытался на часок уснуть.

В ночи громыхали артиллерийские взрывы, был слышен пулеметно-пушечный огонь и свист реактивных самолетов, летящих на малых высотах, но я был слишком усталым, чтобы обращать на все это внимание. Я свернулся в клубочек под пончо и мгновенно уснул. Разбудил меня Кристенсон, тряся мое плечо. Было 21.30. Я встал и в первую очередь надел свое снаряжение, а потом уж начал координировать по рации действия групп. Сначала поедет «Хаммер» сержанта Кольберта, потом сержанта Эспера, мы с Уинном посередине, за нами сержант Патрик и Лавелл.

Мы медленно ехали по темной дороге, ночь была теплой и безмолвной.

У каждого уха было по рации, и все через каждые всякие полминуты инстинктивно тянулись к своему оружию. А мы все ехали и ехали.

— О’кей, мы на месте, — передал мне Кольберт по рации — он решил, что уже добрался до северной части подъезда к мосту.

— Нет. Я не вижу моста. Продолжайте движение. Нашей миссией было обезопасить мост для передвижения всего батальона, но я все еще его не видел. Я видел лишь тонкую линию деревьев с левой стороны и несколько серых кирпичных зданий. За нами по орбите кружили вертолеты «Кобра». Опять тишина вокруг. В моих очках ночного видения опять все стало зеленым.

— Есть, — сказал Кольберт, и мы двинулись дальше.

Прозвищем Кольберта было «Лед», он никогда не терял самообладания. Поэтому я назначил его ответственным. Следующее, что я услышал по рации, — это предупреждение об опасности: «На мосту ограждение». Голос Кольберта был размеренным, но вместе с тем несколько напряженным — так, наверное, летчик гражданской авиации говорит пассажирам своего самолета об огне в двигателе. Потом и я увидел это ограждение — было очень похоже на то, что на мосту перевернулся мусорный контейнер, полный металлолома. По всей ширине моста лежали трубы большого диаметра. Этому было всего одно объяснение.

— Назад! Слышите? Назад! Валите оттуда на хрен!

Воздух был пронизан страхом. Его можно было услышать, почувствовать и даже попробовать, как монетку под языком. Но паники среди морских пехотинцев не было. Мы были зажаты деревьями слева, домами справа, заграждением перед нами и остальным батальоном, движущимся сзади, следом за нами.

Мы нарвались на засаду. Я уже знал это и на секунду удивился, почему в нас не стреляют. Я пригнулся в машине и попытался засунуть руки в бронежилет, при этом не выпуская из них ни рации, ни оружия. Морские пехотинцы называют это «черепашиться».

Я приказал поворачивать и получил в ответ лаконичное: «Вас понял, выполняю». Как только «Хаммер» Кольберта начал поворачивать налево, в сторону деревьев, он сказал в рацию: «В деревьях люди» — и открыл огонь.

Страх ушел так же быстро, как и пришел. Как только началась стрельба, я активизировал взвод, давая указания по рации, и взвод открыл ответный огонь.

Вражеский пулеметчик стрелял низко, и пули, отскакивающие рикошетом от дороги, с лязгом ударялись о машину. От этих ударов машину потряхивало.

Нужно было выметаться из этого огневого мешка. Артиллерийский огонь и крики сделали наши рации практически бесполезными, поэтому, положив пулемет и взяв в руки пистолет,

я сказал Уинну разворачиваться, а сам собрался пойти к группам.

— Что? — переспросил Уинн.

— Разворачивай «Хаммер» и прекращай болтать с тылом, я сейчас вернусь, — я редко делал что-то вопреки его советам, но это был как раз тот случай.

Нагибаясь, что было абсолютно бессмысленно, так как пулеметы противника стреляли на уровне колен, я бежал к машине Кольберта, все еще застывшей на половине начатого поворота. Главное — не быть подстреленным своими же собственными солдатами. Они были сосредоточены на стрельбе и могли не заметить своими боковым зрением, что я бегу к ним.

Я не бежал. Я порхал в красивом танце с гениальной хореографией.

Дальше идти духа не хватало. Надо мною стрелял из «Mark-19» младший сержант. Из дула оружия вырывались языки пламени, но оглушительное оружие казалось мне сейчас безмолвным. Я выкрикивал инструкции двум водителям и пытался не быть подстреленным, когда услышал спокойный голос, доносящийся из рации: «У Второй группы раненый».

Кошмар каждого командира — попасть в засаду и нести потери. Ирония судьбы. Я вдруг вспомнил слова полковника Феррандо, произнесенные вчера во время инструктажа: «Вы не можете сначала вызваться пойти на войну, а потом смотаться с нее, потому что, видите ли, получили пулю».

Вражеский огонь стих, а потом с новой силой вспыхнул опять, машина сержанта Патрика начала прерывисто дрожать, его ногу отбросило вдруг в сторону. Он посмотрел вниз, на хлещущую из ботинка кровь. Инструктаж нашего полевого врача не прошел даром. Сержант перетянул ногу жгутом и сказал своей команде: «Ранение в ногу, но ничего, я в порядке», — и продолжил стрельбу. У сидящего на заднем сиденье младшего сержанта Стэффорда, радиста взвода, была такая же ситуация. Осколок одного из пулеметных снарядов рикошетом попал в его голень. Он тоже перетянул ногу жгутом и продолжил обстрел.

В засаде оказался только наш взвод, весь остальной батальон не сделал ни выстрела.

Наконец-таки, мои усилия не прошли даром, взвод отступил на два километра назад от моста, и мы съехали с дороги, чтобы осмотреться на предмет потерь и раненых и сосчитать боеприпасы. Настроение было мрачным. Я знал, что из-за тактической ошибки, а именно из-за того, что не была проведена разведка моста, из строя на время выбыл один из моих лучших морских пехотинцев. И еще я боялся, что из батальона придет

приказ двигаться вперед и сделать еще одну попытку войти в Муваффигуа.

По рации поступила новая информация: «Мы ждем, пока заправятся вертолеты. Затем вместе с танками и легкими бронированными машинами пойдем вперед».

Долго ждать не пришлось. Опять дар предвидения.

Я шел от «Хаммера» к «Хаммеру», осматривал повреждения и разговаривал с ребятами. Доктор Брайан наматывал бинт на ногу Стэффорда. Младший сержант очень твердо дал понять, что хочет остаться в строю, и Брайан дал ему временное разрешение. И я тоже. Лишних рук в бою не бывает.

Сзади послышался треск, это танк задел бордюр. Мы на своих машинах отъехали чуть дальше, чтобы семидесятитонные «бегемоты» смогли проехать мимо. А затем и мы двинулись за ними.

Я планировал расположить свой взвод к северу от моста, чтобы он при пересечении моста в Муваффигуа прикрывал Третий взвод.

Вдруг мой взгляд привлек командный «Хаммер» с полным прицепом; прицеп вдруг накренился и замер, отказываясь вернуться в исходное положение.

«Мы застряли на мосту», — рапортовал капитан. Принимая во внимание создавшуюся ситуацию, его голос был слишком уж спокойным. Над рекой, стреляя ракетами по узким улочкам города, стрекотали два вертолета «Кобра». Морские пехотинцы из штаба роты выпрыгивали из «Хаммера», пытаясь вытащить прицеп из ямы на мосту, в которую он угодил.

До них всего пятьдесят, метров, а мы не можем им помочь. Сейчас мой взвод мог выполнять всего лишь функцию моральной поддержки.

Через час, когда восход был уже не за горами, штабникам все же удалось вытащить прицеп. Они наконец пересекли мост.

И опять состояние «вдруг». Вдруг я увидел, не веря своим глазам, как эти самые штабники фотографируются со вспышкой, а командиры смеются и снуют туда-сюда с важным видом.

Я делал все возможное, чтобы семь непрерывных часов боя оставаться спокойным и мыслить рационально, несмотря ни на что; держать себя в руках и тогда, когда совершалось убийство людей, находившихся так близко от меня, что я мог слышать их дыхание; и тогда, когда эвакуировали моих раненых братьев; и тогда, когда я думал, что не доживу до рассвета. Но в конце концов я все же потерял самообладание. Я был в бешенстве.

— Что вы тут, на хрен, делаете? — заорал я. — Вы, тупые

ублюдки! Фоткаетесь?

Штабной капитан схватил меня за плечо и сказал, чтобы я успокоился. Я стряхнул его руку.

Штабные крысы исчезли; мой взрыв бешенства не прошел даром. Я посмотрел на мертвые тела, повисшие на деревьях. Их было шесть или семь, молодые парни моего возраста, гладко выбритые, педантично одетые в брюки со стрелками, рубашки и коричневые мокасины.

В руках одного из мужчин находились две лимонки, зажатые смертельной хваткой, если бы он оставался жив еще пару секунд, то они полетели быв нас. Другой труп стоял почти ровно, его намертво пригвоздило к дереву пулеметным снарядом 50-го калибра. Третий боец выглядел так, будто был умерщвлен, что называется, не мытьем, так катаньем. Одна из ракет, запущенных с вертолета «Кобра», упала рядом с ним, и его тело обдало тысячами маленьких металлических осколков. Крови не было, только тонкие, как от лезвия, порезы. Мы обыскали покойников, нам пригодится любая информация.

— Ах ты ж б…, они ж сирийцы! — у каждого был в кармане сирийский паспорт с иракской визой на въезд.

Все они въехали в Ирак в первую неделю войны на пункте пересечения с сирийской границей. Причина въезда была указана одна и та же: джихад.

Уже уходя, я услышал за собой крик:

— У нас здесь еще живой!

За деревьями, в траве, лежал стонущий мужчина, одна из его ног была практически оторвана. Морские пехотинцы уставились на меня. Их глаза перемещались от моего лица к моему пистолету, потом обратно. Они думали, что я достану пистолет и выстрелю ему в голову — как хромой лошади или акуле на рыболовном судне. Но тут вмешался полковник Феррандо, решивший взять сирийца в плен и эвакуировать как раненого. Я почувствовал облегчение.

Я собрал взвод, и мы двинулись по автостраде вниз, возвращаясь назад последними, так как были первыми атакующими. Группы заняли свои места по оборонительному периметру, а мы с Уинном искали сержанта Патрика. Пока мы шли через поле, ни он, ни я не проронили ни слова.

Увидели главного сержанта батальона. Скрестив руки на груди, он смотрел на нас с какой-то агрессией в глазах.

— Доброе утро, главный сержант. Где сержант Патрик?

— А какого черта я об этом должен знать?

— После ранения его эвакуировали сюда, несколько часов

назад. Как он?

По замешательству главного сержанта стало ясно, что он и знать не знал о ранении Патрика. Он не участвовал в нашей операции и был далек от наших насущных проблем. Мы пошли дальше, внимательно глядя по сторонам.

Наконец на небольшом холме мы увидели человека, лежащего на спине и укрытого пончо. Это был Патрик. Ступня его была перебинтована.

— Как ты, Шон? — спросил я его.

— Хорошо, сэр. Чего новенького, Уинн? Как взвод?

— Тоже хорошо. Стэффорд словил ногой осколок снаряда, но с ним все в порядке. Рад опять слышать твой голос.

— Прошлой ночью они не смогли вызвать для меня «птичку», поэтому я жду здесь. Меня отвезут в военный госпиталь на грузовике.

Я рассказал сержанту Патрику о раненом сирийце.

— Наверное, его отвезут в госпиталь вместе с тобой. Как ты думаешь, сколько он протянет?

— Много, если ничего не начудит.

— Я не думаю, что он в состоянии чудить.

К нам подошел помощник командира группы Патрика. Это он, Руди Рэйс, прошлой ночью эвакуировал Патрика и вернулся для командования группой во время нашей второй попытки пересечь мост.

— Черт возьми, братан, хреново выглядишь, — произнес Руди, усмехнувшись. — Командир батальона всегда говорил, что ты выглядишь дерьмово, и сейчас я понимаю, что он прав.

Все дружно засмеялись: мы были живы и были рады видеть Патрика.

Медленной походкой к нам приближался главный сержант:

— Эй, шутники, давайте убирайтесь отсюда, дайте сержанту Патрику насладиться покоем.

Я думал, он прикалывается. Ан нет, он говорил совершенно серьезно.

— Исчезни, главный сержант. Ты даже не знал, что он здесь, — отреагировал я.

— Лейтенант, вы не правы… — он умолк. Уходя от нас, он выглядел несколько удрученно. На операцию его не взяли, а теперь он даже не смог на нас надавить.

Мы собрали вещи Патрика — все, что могло пригодиться ему в госпитале, и сложили их в маленький пакет.

Я опять проходился по взводу, от машины к машине, слушал истории, которые рассказывала каждая группа, выслушивал

просьбы и отвечал на вопросы. Пока мы болтали, бойцы продолжали заниматься своими делами. Казалось, каждый заново открыл для себя маленькие удовольствия нашей жизни: ели сухие крендельки из пайков или сбрасывали бронежилеты, чтобы плечи могли впитать в себя приятное солнечное тепло. Эван Райт распластался на траве рядом с «Хаммером» Кольберта и смеялся вместе с другими пехотинцами, чистящими свои М4.

— Удивлен, что ты еще с нами, — сказал я.

— Я должен был смотаться отсюда или вы думали, что меня подстрелили?

Я засмеялся:

— И то и другое.

— Сэр, о чем, на хрен, думали командиры, посылая нас без бронетехники на зачистку этого хренова города? Мы все могли быть убиты, и за что? Мы находимся в том же проклятом поле, что и вчера, как будто ничего не случилось, если не брать в расчет того, что из нас выбили все дерьмо и мы потеряли великого командира группы.

Что на это ответить?

В бою я понял, что лучше полагаться на моральный авторитет, чем на возложенную на тебя власть.

Поэтому я признал правоту заявления морского пехотинца словами:

— Да, дерьмово, плохая тактика. После всей артиллерийской подготовки и сопровождения с воздуха никто не мог предположить, что мы угодим в засаду. Мы ошибались. Я не могу говорить за весь батальон, но могу отвечать за свой взвод: такое больше не повторится, — я сделал паузу и посмотрел в глаза Эвану Райту, чтобы он понял, что я не просто болтаю. — Дерьмово, что так произошло с Паппи. Я не знаю, ожидают ли нас еще миссии в ближайшие три дня, три недели или три месяца, но могу сказать вам одно. Мы должны понять, что мы сделали плохо и что мы сделали хорошо, и двигаться дальше. Нас было двадцать три солдата, мы сражались плечом к плечу. Теперь нас двадцать два. И все мы должны вернуться домой целыми и невредимыми.

Соглашаясь с цепочкой моих выводов, Райт кивнул головой.

Морские пехотинцы позволили мне быть их командиром, и они могли аннулировать свое разрешение в любую минуту.

Я остановился у машины сержанта Руди Рэйса. Одна половина группы меняла покрышку, разорванную пулеметным огнем, а другая половина собиралась пить кофе и расслаблялась после ночного приключения.

Руди сам делал всем кофе и одновременно болтал:

— Ну так вот, я еду, и вдруг Шон мне говорит: «Эй, Руди,

давай поворачивай», — сказал он, копируя сержанта Патрика, растягивая слова, как это делают жители Северной Каролины. — Я начал поворачивать налево и тут акк, акк, акк, акк — стрельба со всех сторон. «Хаммер» начинает раскачивать. Свист пуль над головой, снизу, слева, справа. Сумасшедший дом, братаны, честное слово. Потом я увидел, как Шон подпрыгнул на своем сиденье и завопил. А я все занят, пытаюсь вырулить из этой перестрелки, не врезаться куда-нибудь и не застрять, и вот слышу он произносит абсолютно спокойно: «Меня ранили в ногу, но ничего, я в порядке». Затем эта сумасшедшая мамочка стягивает ногу жгутом, еще выше, берет свой «М4» и начинает опять стрелять! Пацаны, он у нас реальный чел!

Я аккуратно держал кофе, который протянул мне Руди, а тем временем из моей рации донесся голос Кристенсона:

— Сэр, начальство ждет вас около своей машины.

Посмотрев в сторону штаба на колесах, я увидел собирающихся в дорогу солдат:

— Вас понял, уже иду.

Я сказал спасибо за кофе, повесил на плечо винтовку и пошел.

31

— КАК ТВОЙ ВЗВОД, Нат? — глаза капитана были красными. Он задал вопрос так, как будто уже знал ответ.

— Зализывает раны, сэр. Два морских пехотинца получили ранения. В моих «Хаммерах» тридцать дыр, по крайней мере, столько я насчитал. Морские пехотинцы начали интересоваться, кто здесь отдает приказы. — Сохранение мужественного вида перед взводом иногда приводит к разрядке на командире: — Тактика атаки была, на хрен, детсадовская. Все мы это знали, и никто слова не проронил. Как мне сейчас разговаривать с моими морскими пехотинцами после того, как штабные офицеры выделывают трюки с фотоаппаратом?

Капитан меня перебил:

— Хорошо. Мы все сожалеем о том, что произошло с сержантом Патриком. Это война. Направьте свое раздражение на людей, которые этого заслуживают, — на иракцев.

У нас был новый план и в соответствии с ним нам нужно было двигаться на север, к Эль-Хаю, заново пересечь мост, который мы проезжали два дня назад, и захватить Муваффигуа вместе с Третьим батальоном. На курсах нам говорили, что при атаке, в которой принимают участие несколько батальонов, мы должны захватить город за полдня. Сейчас это было нашим приговором.

Уинн, Кольберт, Лавелл и Рэйс стояли вокруг капота. Командиры групп вместе смеялись и, увидев меня, попытались изобразить на лицах серьезные мины. Я расстелил на капоте карту и начал излагать план дня, но парни никак не могли успокоиться и все время отпускали шуточки. Когда Рэйс с Лавеллом в очередной раз хихикнули, я замолчал. Черт возьми! Они что, не понимают, как все серьезно? Они что, не помнят, что сержант Патрик был серьезно ранен всего несколько часов назад? Они что, не видели, чего мне стоило вытащить их из дерьма? Я начал говорить и сам себя остановил. Я чуть не повторил слова капитана Уитмера, которые он произнес в ангаре «Пелелиу» восемнадцать месяцев назад; «Если хоть один пехотинец сегодня во время вылазки будет убит, я самолично пущу пулю вам в лоб».

Мы повернули на юг, в сторону Эль-Хая.

Переехав мост, мы повернули на север и поехали вдоль реки, по той самой дороге, которую разведывали две ночи назад.

Группы разделились. Кто-то стоял в карауле, кто-то отдыхал, а мы с Уинном обходили нашу территорию, чтобы проверить

пульс взвода. Я хотел посмотреть, как Вторая группа справляется без сержанта Патрика.

Рэйс стоял на коленях рядом с «Хаммером» и что-то тёр в машине тряпкой, а Джек, держа наготове «Mark-19», стоял возле него.

— Руди, ты что делаешь?

— Привет, сэр, я оттираю с машины кровь сержанта Патрика, нашего Паппи. А то эта кровь вредит нашему ци.

— Вашему чему?

— Ци — душевной энергетике. Существует жизненная сила, которая влияет на все наши поступки. Старик потерял так много крови, прежде чем мы его вытащили из машины, так что я пытаюсь отмыть хоть немного, пока у нас есть время.

— Пулю нашел?

Руди улыбнулся:

— Я сохраню ее для Паппи.

Он протянул мне сияющую 7,62-миллиметровую винтовочную пулю. Она была лишь немного деформирована. К счастью. Если бы она была помята или расплющена, после того как пробила «Хаммер», то разворотила бы ему пол-ноги, а не пролетела бы насквозь. Я подержал ее на ладони — тяжелая — и отдал обратно.

— Священная геометрия удачи, сэр.

— Пожалуй, мне это нравится.

— Мы с Эспера уже говорили об этом. Мы можем сделать многое, чтобы повлиять на течение нашей жизни, но иногда нам это не под силу, — произнес Руди, имитируя жестами стрельбу из винтовки. — Бегущий человек стреляет в движущийся «Хаммер». Почему кто-то промахивается? Почему кто-то попадает? Почему рана поверхностная? Почему пуля не попала в бедренную артерию? Прицел и сноровка здесь не имеют большого значения. Здесь разница между жизнью и смертью выражается в секундах и в миллиметрах — вот это и есть священная геометрия удачи, — он посмотрел на пулю, пущенную из АК. — Видно, пришло время Паппи. До Ирака он был в Сомали и Афганистане — и ничего. Долго увертывался от пуль.

— Руди, как ты, как группа? Вам что-нибудь нужно? Мы все перевернем, но достанем что нужно. — «Все будет хорошо, сэр. У нас хорошая группа, да и Паппи нас всех хорошо натаскал — как-нибудь справимся без него. Просто не могу поверить, что его рядом нет, и уже скучаю». — «Я тоже». Я встал, собираясь уходить, протянул ему пулю на ладони. Руди взял ее. «Теперь вы командир группы, сержант Рэйс. Знаю, вы с этим справитесь».

Пехотный батальон прошел через Муваффигуа без сопротивления. Все иностранные боевики и фе-даины растворились, исчезли из города. Мы шли за пехотинцами, петляя по дороге, параллельной реке.

— Боже, Уинн, посмотри туда, — сказал я.

Справа от нас через реку, сбоку от маленького моста, темнела группа деревьев — место засады на нас прошлой ночью. Деревья, здания и мост были точно такими, как я их запомнил. На душе заскребли кошки. «Пулеметы, наверное, были установлены прямо здесь», — произнес я. «Рядом с нами едут машины, в нескольких кварталах от нас, вон там», — Уинн показал налево, в глубь Муваффигуа. — «Похоже, наблюдают за нами».

Я посмотрел и увидел синий седан, его пассажиры, все как один, тоже уставились на меня. Проехали квартал, они опять оказались напротив нас.

Вдруг подала голос рация: «Головорез-два, сделайте остановку, роте „Альфа“ нужно последовать вперед и проверить тайник с оружием». — Старший офицер прервал наше наблюдение приказом остановиться и пропустить роту «Альфа».

Все, кроме водителей и башенных стрелков, покинули машины — мы не станем для них легкой мишенью в узком пространстве городских улиц, не дождутся.

«Головорез-два, примите к сведению, служба радиоперехвата зафиксировала передислокацию федаинов в городе, они готовят атаки смертников, те будут управлять автомобилями, с заложенными в них взрывными устройствами. Дополнительных сведений нет».

Это заявление из штаба роты было для нас большой новостью. Мы никогда не получали от группы радиоэлектронной разведки, движущейся вместе с батальоном, предупреждений о конкретных угрозах в конкретных местах. В группе были лингвисты, владеющие арабским языком, — они как раз прослушивали иракские частоты, поэтому я воспринял угрозу серьезно и рассказал о ней своим солдатам.

Когда поступил приказ продолжить движение, мы поехали медленнее, ища хвост роты «Альфа». Мы примкнули к своим в северной части города. Головные машины роты «Альфа», отъезжая от реки, свернули налево, в сторону парка, покрытого зеленью. Мне казалось крайне глупым ехать в глубине города вместо того, чтобы через окраину продолжить движение на север, к открытым полям. Здания вокруг препятствовали обзору местности. Когда мой взвод доехал до поворота, из своего «Хаммера», припаркованного у обочины дороги, выпрыгнул майор Уитмер.

— Нат, поезжай прямо. «Альфа» повернула не там, где надо.

Теперь ты во главе колонны. Проезжай вперед на несколько сотен метров и остановись, чтобы мы не успели еще куда-нибудь вляпаться.

«Впереди машина. Синий седан. Три или четыре пассажира», — лаконично рапортовал Кольберт сквозь зубы, чувствовалось, что парень жонглирует пулеметом, биноклем, рацией, при этом пытаясь одновременно проинформировать командира, отдать приказ подчиненным и спланировать следующий шаг. Если кто и может справиться с таким жонглированием, так это как раз Брэд Кольберт. Недаром он был назван батальоном «Лучшим командиром группы» того года. Да и я сам безгранично доверял ему.

«Вас понял. Скопление сил противника. Не дайте им проехать», — сказал я. А потом подумал: «Синий седан? Б…, я же его видел, ах, б…! И какая точность! Мы же только встали во главе колонны. Правильно ты, Брэд, был выбран лучшим командиром группы. Теперь прими правильное решение».

С последней радиосвязи с Кольбертом прошло, наверное, секунд пять, когда я услышал одиночный выстрел из гранатомета «М-203». Два «Хаммера» остановились на дороге. Башенные стрелки прицеливались.

Выстрел, оглушающий взрыв. Я был настолько уверен, что сейчас противник начнет пулеметную пальбу, что на секунду принял за нее скрежет своей сработавшей зажигалки. Увидев голубую машину, съезжающую с дороги влево, я понял, что стреляли наши.

У меня в душе все ликовало: взвод обезвредил машину минимальными силами, батальон был в безопасности, жертв не было. Я направил бинокль на седан.

На водительском сиденье белела фигура человека с запрокинутой назад головой. На его белом балахоне виднелось увеличивающееся красное пятно.

— Что за огонь? В кого вы стреляете? — донесся голос из рации, по тону было ясно, что обладатель голоса выше меня по рангу.

«Головорез-два только что поразил цель: машину, которая отказалась остановиться. Приближаемся для осмотра машины. Оставайтесь на связи». Поскольку все еще оставалась угроза того, что машина заминирована, мы приближались к седану осторожно, дюйм за дюймом. Потом нам было приказано проехать еще полкилометра, чтобы и там тоже заблокировать дорогу, а батальон тем временем будет выпутываться из Муваффигуа.

Когда мы проезжали мимо синей машины, я внимательно

посмотрел на водителя. Он тяжело дышал и хрипел. По крайней мере, одна пуля проткнула его лицо и полетела дальше. «Боже, помоги нам, — подумал я, — и, боже, помоги ему».

Я вертел в руках свой коротковолновый радиоприемник, пытаясь воткнуть его на приборный щиток, а потом слушал ведущую программы новостей, которая говорила одновременно с работой двигателя «Хаммера» и шумом ветра. Сидя в Лондоне, она рассказывала мне и Уинну о наших действиях. Третья пехотная дивизия приближается к Багдаду, есть сведения о боях рядом с Международным аэропортом Саддама. Поступает информация о том, что морские пехотинцы захватили мост через Тигр в Нумании и готовятся к нападению на Багдад с юго-востока.

— Должно быть, там ПБГ-5 и ПБГ-7, — прокричал Уинн, чтобы его можно было услышать сквозь шум мотора. — Ну и как мы, находясь совсем рядом, окажемся в Багдаде далеко не первыми?

— Они свернули на запад и пошли через пустыню, а мы пробивали наш путь огнем через каждый дерьмовый городишко в центральной части Ирака, — ответил я. — Ты жалуешься на то, что кто-то другой уже там и скоро будет вместо нас выбивать жалкие душонки из Республиканской гвардии?

Он улыбнулся:

— Нет. Я просто удивляюсь, как сильно нам везет. Когда нам где-то везет, то обязательно следом случается какая-то хрень, чтобы уравнять счет.

У меня сменилась фаза: раньше была хроническая усталость, а теперь началась бессонница, и я вызвался добровольцем нести караул и слушать радио, пусть хоть парни поспят. Из спальных мешков доносился их храп, а я сидел на пассажирском сиденье и, думая о доме, пялился в темноту. Что сейчас делала моя семья? На Восточном побережье был день, среда, 2 апреля 2003 года. Моя сестра, скорее всего, сейчас на занятиях. Мои родители на работе. Беспокоились ли они обо мне? Я надеялся, что нет. В каждую отдельную секунду я знал, какая степень опасности мне угрожает. Обычно не очень большая. Они же, если станут беспокоиться, будут предполагать самое худшее, воображение — жестокая штука. Я так хотел сказать им сейчас, что со мной все в порядке, — пусть бы они успокоились.

После нескольких часов прослушивания шипящего радио, я разбудил Уинна и уснул.

Сон был тревожным.

Половина взвода собралась у машины. Солдаты наблюдали за

битвой, разворачивающейся в нескольких километрах к северу от нас. На мосту в Эль-Куте стояли транспортные средства морских пехотинцев, и мы слышали, как они ведут огонь. В основном легкие бронированные машины, стреляющие 25-миллиметровыми разрывными снарядами из автоматических скорострельных авиационных пушек. Неожиданно, когда мы думали, что морские пехотинцы вот-вот войдут в город, они свернули с моста и поехали по автостраде на юг. Проезжая мимо, они даже не взглянули на нас.

«Головорез-два, будьте в боевой готовности, выезжаем через десять минут».

Мы начали быстро закидывать вещи в «Хаммеры», баки заполнены до отказа, лобовые стекла чистые, пулеметы в масле. К нам подошел командир роты и начал вводить в курс дела: «ПБГ-1 в Эль-Куте. Они забрались прямо на мост и начали шоу. ПБГ-5 и ПБГ-7 на севере от Тегерана и движутся к Багдаду. Мы прямо сейчас отправляемся на юг, туда, откуда пришли, а потом развернемся и перейдем Тигр в Нумании».

Я не мог в это поверить: «Вы имеете в виду, что все это было отвлекающим ударом? Все, что мы делали после выезда из Квалат-Суккара, было постановкой шоу для Эль-Кута?» Капитан кивнул: «Можешь так на это посмотреть».

Дело не в том, что я чувствовал себя обманутым. Я знал, что каждому главному удару всегда требуются действия по поддержке — ведь мы сами долгое время были главным ударом. Смешно. Получается, что отвлекающий удар в двадцать первом веке — это забраться на мост и сделать вид, что атакуешь город. Я думал о своих товарищах, находящихся с ПБГ-5, и надеялся, что они оценили наши попытки помощи им.

Мы выехали на автостраду и поехали на юг, в обратном направлении, чувствуя разочарование. Раньше каждая предыдущая миля приближала нас к Багдаду, к победе, к концу войны, к дому. Теперь мы ехали обратно, на юг, и это нас угнетало. Я как мог старался быть начеку. Для организации засады нужно лишь несколько минут, и тот факт, что мы вчера уже проезжали по данной местности, не делал ее более безопасной. На дороге были толпы беженцев. Тысячи.

Мы остановились у обочины и стали ждать дальнейших указаний. Они поступили в четыре часа дня: немедленно отправляться к мосту через Тигр в Нумании. Быть там к утру. Мы с Уинном расстилали на капоте карты. Лист за листом, лист за листом. Я свистнул.

— Боже, почти двести миль. Необходимо ехать через Эль-Хай и Квалат-Суккар, затем повернуть на запад, проехать через Афак

и на север до Тигра. Что думаешь на этот счет?

— Я думаю, хватит подпирать носом карту, вперед надо ехать.

Болтая по рации и жуя на ходу, я иногда чувствовал себя как дальнобойщик, проживающий свою жизнь в кабине «Хаммера». В ногах была двухлитровая бутылка воды, к которой я добавил шесть пакетов растворимого кофе из пайков, шесть пакетиков со сливками, пакет какао-порошка и две порошкообразные ненаркотические таблетки. Кофе нужно было готовить очень аккуратно — чтобы не разлить и соответственно не отвлекаясь от дороги, чтобы не врезаться во что-нибудь — как-никак уже полночь.

Мы промчались через Афак без приключений и свернули на «Автостраду-1».

Армия и другие ПБГ оставались на «Автостраде-1», сворачивая на запад от центра сосредоточения иракского населения. Мы делали только одно: сломя голову мчались вперед, в сторону Багдада. Движение на автостраде было плотным и наэлектризованным — «Хаммеры», ракетные батареи сопротивления, танки на платформах, танки, передвигающиеся самостоятельно и бренчащие цепями, сотни танкеров, везущих топливо. На встречных полосах, ведущих на юг, в сторону Кувейта, громыхали пустые грузовики, ехали на погрузку. Мы влились в поток, испытав ложное чувство безопасности численного преимущества.

Отслеживая наш путь по карте, лежащей на коленях, я выводил свой взвод из съезда с основной дороги на автостраду-27, мы покрывали уже последние несколько миль до Нумании. Прибыли глухой ночью. между полночью и рассветом, присоединились к веренице морских пехотинцев, намереваясь пересечь мост утром. Я думал, что если я расположусь на ночь около «Хаммера», то чисто теоретически на меня может наехать танк. Поэтому я лег под него. Закрыл глаза, а сон все не шел.

Дома я бы спустился вниз и пялился в телик. Под «Хаммером» все, что я мог сделать, — это пялиться на поддон картера, находящийся в нескольких дюймах от моего носа. В моем мозгу всплыли воспоминания о разговоре с отцом, когда я рассказал ему о своем решении поступить на службу. О моей девушке, рыдающей в подушку, когда я с ней прощался в номере отеля в Коронадо. Потрескавшиеся на маленькие кусочки пятна крови на дороге. И безжалостный голос, повторяющий, как на поцарапанной грампластинке, одну и ту же фразу: «С войны нельзя уволиться».

* * *

После восхода мы продолжили свой бросок через вторую великую реку Месопотамии.

Следующая сотня миль, ведущая к воротам Багдада, была усеяна вражескими орудиями. Бронетехника пряталась в каждой пальмовой роще, артиллерийская батарея стояла в каждом поле, а в каждой аллее была или зенитная пушка, или пусковая установка для зенитных ракет. Но мы ни разу не выстрелили. Мы видели перед собой всю разрушительную мощь военно-воздушных сил Америки: каждое из этих устрашающих орудий было сейчас лишь грудой металлолома.

Прошлой ночью дивизия прокладывала здесь свой путь боем, немые свидетели сражения были везде. Мы проехали разбитый грузовик, его переднее стекло сейчас больше напоминало сито. Американские спальные мешки и другие вещи валялись на дороге. Что произошло с их хозяевами?

Мы с Уинном уставились на почерневший и покинутый танк «Абрамс».

— Я думал, эти штуки несокрушимы, — всё еще в шоке произнес я. — Как, блин, им удалось подбить этот хренов «Абрамс»?

Он покачал головой:

— Я не знаю, но давай надеяться, что тот, кто это сделал, уже мертв.

«Аккуратно!» — Я показал на объект, лежащий на дороге и выглядящий как не взорвавшийся снаряд. Подойдя поближе, я понял: это человеческая голова, слегка обуглившаяся и зачарованно смотрящая в небо. Прошли еще немного и увидели, как собаки раздирают на части другое тело.

Мы с Уинном, секунду пытаясь сдержаться, потом все-таки взорвались хохотом.

— Когда-нибудь ты мог себе представить, что увидишь такое? — спросил он. — Головы на дороге. Собаки, поедающие мертвых людей. Люди в собственном же городе ходят по пляжу и собирают «бычки».

За последние три дня я спал три часа.

— Уинн, я уже не могу здраво мыслить. Мне нужны два часа в мешке, — сказал я. На том этапе, на котором мы находились, сон не был удовольствием, он был лишь механической необходимостью — как топливо, которым время от времени нужно заправлять машину.

Сон был адским. Я плавал в загробном мире моих желаний и воспоминаний. Инструктаж взвода. Огненные шары взрывов.

Прерывистое дыхание. Я стрелял из пулемета. Синие машины. Танки. Перекрестный огонь. Движущиеся тени людей в пальмовых деревьях.

Кристенсон, тряся мой мешок, пытался меня разбудить:

— Прошло три часа, сэр. Патруль возвращается.

Я сел и начал вытряхивать песок из головы:

— Какой патруль?

— Третья группа, сэр. Они пошли проверить тот танк.

— О чем ты, на хрен, говоришь?

Вниз по дороге, рядом с последним «Хаммером» взвода, в темноте, были видны фигуры сержанта Лавелла и доктора Брайана. Вокруг них, на дороге, расположилась их группа, снявшая с себя потные носки, грязные ботинки и брюки. Было ощущение, что все они были по пояс в воде.

Штайнторф бросил на меня взгляд:

— Эта хренова штука стоит там, наверное, уже лет десять. Даже если бы захотели, то все равно не смогли бы протащить его через ту топь.

Я медленно осознавал: некоторые из моих снов снами не были. Начальство сверху дало указание обследовать иракский танк, обнаруженный рядом с пальмовой рощей, задание было поручено группе Лавелла, и это я послал их туда.

— Начальство прислало человека, чтобы приказать нам пойти и посмотреть на хренов танк, вон там, в роще. А я ответил ему, что рядом с этим танком уже пол-хреновой дивизии проехало, и только после этого они решили попросить нас провести разведку.

Я кивнул и слушал дальше.

— Ну вот, он ушел и вернулся через пару минут. Сказал, что он с вами поговорил и вы дали свое согласие. Мы надели экипировку и пошли.

Я отдал приказ, даже не осознавая этого.

— Сержант Лавелл, он ко мне подошел, но я был в бреду и думал, что сплю. Так что прошу прощения.

Когда я вернулся к «Хаммеру», Уинн сидел около рации.

— Я теряю разум, Майк, — сказал я. — Я теряю свой хренов разум.

32

В ТРУБКЕ ЖУЖЖАЛ ГОЛОС военного священника, но я не придал этому значения.

Потом все-таки прислушался. «Лошадеголовый» был убит. Да не может быть, «Лошадеголовый» был ранен, серьезно ранен, эвакуирован. Но его не могли убить. Первые сержанты не умирают на поле боя; это привилегия младших сержантов и лейтенантов. Да и потом, Смит — очень распространенная фамилия. В морской пехоте, должно быть, сотни Смитов, может, даже была дюжина первых сержантов Смитов. Но нет. Именно первый сержант Эдвард Смит, «Лошадеголовый», легенда разведки, совершавший последнее турне перед отставкой, был убит.

На сумрачную похоронную службу в поле, на юго-восточной окраине Багдада, пришло много морских пехотинцев. Со многими мы не виделись еще со времен Кувейта.

Мы по очереди говорили, каким прекрасным морским пехотинцем был «Лошадеголовый», каким он был хорошим мужем, отцом и человеком. В тишине мы опустили головы и потом спели песню, которую я уже не помню. Я смотрел на ботинки. Когда человек просыпается утром, он надевает свои ботинки. Зашнуровывает их и завязывает. Он знает, что вечером их снимет. «Лошадеголовый» весь день проходил в своих ботинках, не зная, что надел их в последний раз. Может, и я надел свои ботинки в последний раз. Когда служба закончилась, я медленно пошел обратно, к своему взводу, наслаждаясь тишиной и одиночеством. В небе рвались снаряды, но их не было слышно — слишком далеко.

На следующий день, 8 апреля, после обеда полковник Феррандо собрал своих офицеров у штаба батальона для оглашения плана дальнейших действий.

Морские пехотинцы собирались спустить с цепи свою агрессивность и, пересекая Диялу, напасть на город с юго-востока. Часть меня думала, что мы никогда не дойдем до этого пункта. Американские танки никогда не въедут в один из величайших городов Среднего Востока. Я смеялся, когда генерал Маттис в Кувейте говорил об использовании разведки во время финальной атаки города в качестве пеших ударных войск. Гипербола для младших капралов, подумал я тогда. Такого никогда не случится. А вот сейчас это происходит. Я наклонился поближе, надо послушать о нашей роли в кульминации.

— Джентльмены, как вы знаете, атака на Багдад уже началась, — сказал Феррандо.

В то время как полковник Феррандо и майор Уитмер продолжали инструктаж, адресованный больше командирам рот, я изучал карту. Северная граница, пролегающая на карте вдоль линии с координатами 00, находилась примерно в двадцати пяти километрах к северу от нашего нынешнего местоположения. Это означало, что нам предстояло одолеть пятнадцать миль без сопровождения до роты легких реактивных минометов, чьим опознавательным сигналом было «Воюющая свинья». Мы объединимся со «свиньей» и пойдем в атаку на север — еще тридцать километров — и окажемся в городе Баакуба. По карте было видно, что на юге этого города автострада раздваивается. Левое ответвление дороги поворачивает на запад и пролегает параллельно реке с западной стороны Баакубы. Правое ответвление дороги продолжает идти прямо на север, огибая восточную часть города. В следующие месяцы этот город станет одним из углов зоны, названной «Суннитским треугольником».

Но 8 апреля 2003 года он еще оставался маленьким городом чуть северней Багдада, чьей заставе из Республиканской гвардии суждено было испытать на себе силу удара американских наземных войск.

Я подошел к «Хаммеру» Кольберта, он сидел в машине, я нагнулся к нему, чтобы поговорить с ним через открытое окно.

— Ну, давай, передовик, проинструктируй меня о нашем маршруте.

— Сэр, мы отсюда поедем на север по мощеной дороге, которая проходит параллельно «Трассе-5». Мы в колонне не первые, поэтому будем просто ехать за машинами. На северном указании по сетке координат 00 мы присоединяемся к роте легких реактивных минометов, и они поведут нас дальше. Потом на север, и будем смотреть, как дальше пойдут дела.

— Отлично. Будет здорово иметь поблизости реальную огневую мощь, для разнообразия, — сказал я с откровенной иронией в голосе, потом повернулся и зашагал к моему «Хаммеру». Я знал, о чем мы оба сейчас думали: «Почему нам именно сейчас предоставляют огневую мощь, для разнообразия?»

Мы завели моторы точно по графику и начали медленно выбираться из нашего лагеря. Поехали по дороге и попали буквально в другой мир. По улицам бродили толпы иракцев.

Многие из них даже внимания на нас не обращали, они были заняты тем, что разворовывали все объекты в зоне видимости.

Вскоре мы выбрались из этого жуткого места и въехали в сельскохозяйственный район, после которого должен был начаться пригород Багдада. Тени становились длинней, а небо серело, и мы прибавили газу.

Приближаясь к линии 00, мы связались по радио с «Воюющей свиньей». Неуклюжие легкие бронированные машины стояли на западной стороне дороги, стояли замкнутым кругом: корпус к корпусу, стволами наружу. Мы припарковались у дороги и стали ждать, пока они перестроятся, медленно заедут на щебенку и займут свое место в голове нашего формирования.

Я взял маркер на спирту, чтобы помечать на карте наш прогресс. Сначала мы прошли без инцидентов линию 05 по сетке координат, а потом и линию 10.

Итого — десять километров по необследованной территории без осложнений. Между нами и Баакубой оставалось двадцать километров. Я уже ставил на карте галочку рядом с 14-м километром, как вдруг услышал грохот — это открыла огонь автоматическая скорострельная авиационная пушка, установленная на «Хаммере».

Затем общее оповещение всех транспортных средств от «Воюющей свиньи»: «Вооруженное сопротивление с обеих сторон дороги».

Дорога перед нами сворачивала направо, и вся колонна легких бронированных машин растянулась вдоль этого удачно расположенного изгиба.

Вокруг тишина. Я связался с моими группами, может, они видят то, до чего мои глаза не достают.

— Всем пунктам Убийцы-два, не вижу цели. Что у вас?

— Два-Один наблюдает. Ничего веселого.

— Два-Два. Нет ничего.

— Два-Три. Пусто.

Над нашими головами прожужжали снаряды. Стреляют с поля. Снаряды упали на дорогу и начали по ней кружить; сыпались искры. Выглядели безвредными, почти красивыми. Рота легких бронированных машин не стреляла в тени: там были люди и они хотели воевать.

Лазерные точки танцевали рядом с нами, это наши морские пехотинцы целились в окна и двери. Ждали оттуда действий. Никто не стрелял.

Позади нас морские пехотинцы открыли огонь из оружия 50-го калибра, звук не перепутаешь — дзынь-бах, дзынь-бах — это «Mark-19». Мы не видели, во что они стреляют, поэтому сами огонь не открывали и наблюдали за нашим сектором. Все еще нет целей.

Артиллерийский огонь был настолько громким, что нам с Уинном, чтобы услышать друг друга в салоне «Хаммера», приходилось орать.

— Они прощупывают наши слабые места, — закричал я.

Он покачал головой и добавил:

— Мы — слабое место.

Вспышка, превратившая дорогу в серое облако дыма и пыли. Миномет. Снаряд упал на западный отрезок дороги слева от нас. Я посмотрел на Уинна.

— Ты это видел?

— Да. Большая, — произнес Уинн с оттенком издевки в голосе.

— Посмотрим, куда следующая приземлится, — крикнул я. «Может, пора нашему „поезду“ уже как-то двигаться?» Следующая упала справа от дороги. Потом опять слева, но ближе. Они загнали нас в тиски и теперь спокойно обстреливали. И все благодаря нашей идиотской тактике — нарвались на засаду объединенных войск и стоим. Сначала нас остановила пехота, а теперь, конечно, бьют по статичным целям артиллерийские средства.

— Головорез-два, двигайтесь к западной части дороги, от вас требуется огонь на подавление. «Воюющей свинье» необходима подмога, ей нужно отойти назад, на юг.

На моем лице появилась беспомощная улыбка. Это же безумие.

— Эй, Уинн, начальство требует, чтобы мы направили наши малюсенькие «Хаммеры» вперед, и помогли легким бронированным машинам отступить назад.

Я повел свой взвод вперед, и мы в темноте безбожно палили вокруг, надеясь подстрелить как можно больше этих хреновых иракцев, а в это время легкие БМ уже катили по автостраде в обратном направлении.

Когда пришла наша очередь отступать, мы развернулись и с педалью газа в пол умчались назад.

Хоть какая-то дистанция между нами и позициями врага. Сейчас можно вызвать подкрепление в лице самолетов-бомбардировщиков и ждать рассвета.

Мы распределили время караула, залезли под «Хаммеры» и залегли, «наслаждаясь» бессонницей.

Ранним утром 9 апреля я выдавливал из пакетика виноградный джем на крекер из пайка. Мы с Уинном уже час сидели у рации и ждали, когда рассветет.

Закончив завтракать, я пошел к штабному «Хаммеру»,

припаркованному в центре нашего периметра. Скоро мои солдаты будут требовать новостей, и я хотел подготовиться.

— С добрым утром, сэр. Какие планы на день?

— В Баакубе дерьмово, — ответил капитан, чистя свой пистолет зубной щеткой.

— Мы же не поедем обратно в пекло?

— Нет, — ответил он. — «Хаммеры» останутся на дороге. Каждый взвод организует пеший патруль на запад и восток и мы длинной линией пойдем на север, подчищая все вокруг.

— Сэр, до этой чертовой Баакубы около пятнадцати миль.

Он тупо посмотрел на меня и сказал:

— Да, хорошо, запасайтесь водой. Путь будет долгим.

Я проинструктировал взвод, и незадолго до рассвета мы вступили на землю вчерашних боев.

Мы пересекли грязную тропинку, тянущуюся перпендикулярно автостраде, и увидели спрятанный в чаще грузовик. Мы подходили к нему с оружием наготове, но он оказался пустым. На двери был нарисован уже знакомый нам треугольник Республиканской гвардии. С собой взять грузовик мы не могли и не были уверены, что фермеры будут использовать его по назначению, поэтому мы решили его взорвать, прикрепив пластид на блок цилиндров двигателя. Далеко на западе от автострады мы увидели несколько глиняных домов. Связавшись с батальоном, я вызвал Миша и запросил разрешения поговорить с людьми, живущими там.

Миш был несколько раздражен, казалось, он боялся быть подстреленным. Приближаясь к домам, я разделил нашу команду пополам. Одна группа опустит оружие и пойдет мирно общаться с деревенскими жителями. Другая половина останется в двухстах метрах от нее, с оружием наготове, и будет наблюдать за домами и местными жителями, чтобы при необходимости предупредить нас. Получалось, что мы были послами-добровольцами, подвергающими себя огромной опасности.

У самого высокого здания стояла толпа женщин и детей. Рядом, развалившись, сидели несколько мужчин, они курили. Самый старший из них, с бородой, в белой национальной одежде, подошел к нам с поднятыми руками. Обнажив желтые зубы, он улыбнулся.

С помощью Миша мы начали диалог, но сначала я вручил старику два гуманитарика.

Мужчина говорил долго, подкрепляя свои слова многочисленными жестами. Он показал рукой на детей и потом начал вытирать глаза. Миш кивал, его лицо было непривычно серьезным, затем повернулся ко мне:

— Он сказал, эти люди — его дальние родственники. Они приехали из Багдада, чтобы избежать бомбежки. Члены партии Баас северней, может, милях в пяти от нас, устроили засаду на перекрестке. Они передвигаются на пикапах. Он рад нашему приходу, но боится, что наше столь близкое присутствие не принесет ему ничего хорошего.

— Скажи ему, что через минуту мы уйдем, но сначала нужно, чтобы он нам помог. — Я вытащил карту из кармана бронежилета и расстелил на земле. — Попроси его показать тот перекресток.

Миш передал мою просьбу, мужчина присел на корточки рядом со мной и внимательно посмотрел на карту. Смотрел и так и сяк, затем встал. Он не мог читать карту и снова заговорил с Мишем.

— Он говорит, развилка находится в пяти милях отсюда, в северном направлении. Баас засела там в траве и ждет нас.

На карте я увидел развилку, но километрах в восьми от деревни. Положив руку на сердце, я поблагодарил старика. Он же, в свою очередь, переступив через бездну наших культур, протянул мне свою руку. Помахав рукой маленьким девочкам, прикрывавшим свои улыбки ладонями, мы пошли назад.

Обернувшись, я увидел, как семья, только что убежавшая из Багдада, убегала что есть мочи от нас. Обманули, это далеко не мирная ферма.

После того как вертолеты «Кобра» уничтожили минометы, мы снова взобрались на свои «Хаммеры». Моему взводу было приказано ехать на запад, по земляной насыпи — туда, где мы подорвали грузовик Республиканской гвардии. Нашей миссией было произвести доразведку местности.

На солнце жужжали мухи. На небе ни облачка, слишком жарко, чтобы есть, я только пил, чтобы не свалиться от обезвоживания организма. Мы ждали, батальону нужно было еще несколько секунд, чтобы скоординировать поддержку с воздуха. Пилот выполнил поворот, потом, на малой высоте, открыл огонь из своих автоматических пушек.

Если он не попадет, то все равно, это хорошая психологическая поддержка для нас.

Морские пехотинцы поднялись, все готовы.

Неасфальтированная дорога, по которой мы передвигались, кружила то туда, то сюда, мы двигались по ней со скоростью шага. Я опять разделил взвод на две команды: в одной был мой «Хаммер», а также машины Кольберта и Эспера, а в другой были «Хаммеры» Рэйса и Лавелла. Одна команда передвигалась, другая ее прикрывала, потом наоборот.

— Танк! Перед нами танк! Назад! Назад! — По голосу Кольберта было ясно, что он в панике. Его «Хаммер» развернулся, Эспера последовал за ним. Я выпрыгнул с сиденья, надеясь, что так мне будет лучше видно. Неасфальтированная дорога впереди примыкала к перекрестку. За ним — тропинка, а там бежевый ствол и зияющая черная брешь. Я ждал, что танк вот-вот превратит «Хаммер» Кольберта в золу. По рации я запросил подкрепление, легкие «БМ» с противотанковыми ракетами.

Сзади, с позиции поддержки огнем через голову, голос сержанта Лавелла прорвался через нависающий на нас страх.

— Эй, друзья, танк слева или справа этого оросительного трубопровода?

Оросительный трубопровод? Я присмотрелся. Наш «танковый ствол» был обычным фермерским оросительным трубопроводом. На секунду время остановилось. «Хаммеры» перестали разворачиваться. Мы уставились на трубопровод, потом посмотрели друг на друга. Я плюхнулся на сиденье и закрыл глаза. Сделал бы я эту ошибку три недели назад? Это что, так на меня действуют жара, обезвоживание и расшатанные нервы? Единственная причина, по которой мы не взорвали эту трубу, было отсутствие у нас оружия, способного подорвать танк. А что, если бы рядом играли дети или проходили местные жители? Отсутствие стрельбы не свидетельствовало о нашей осторожности, оно было вызвано неподготовленностью. Я посмотрел на Уинна.

— Эй, не переживай ты так из-за этого, никто же не пострадал! — воскликнул он.

Может, это все на пользу? Мне нужна была встряска.

Мимо проехал белый седан, люди из всех окон пялились на наш вооруженный «Хаммер». Мы с Мишем остановились у водительского окна. Мы еще и рта не успели открыть, как мужчина на заднем сиденье начал что-то быстро и громко говорить. Я ждал, пока Миш переведет.

— Он говорит, что вы первые американцы, которых он видит в этих краях. Люди из Баас ждут вас на перекрестке впереди. Он говорит, милях в пяти отсюда, в том месте, где дорога пересекает автостраду.

— Что-то они все говорят одно и то же.

— Он говорит, что засада совсем рядом с Баакубой. На дамбе полно солдат, и они стреляют химическим оружием.

— А они не врут? Он сказал «химические бомбы»? Ты думаешь, он сможет показать место на карте?

— Они не могут читать карты.

Пока я сообщал полученную информацию нашему батальону,

Миш продолжал болтать с пассажирами машины. Они смотрели то на него, то на меня. Потом один из них порылся и протянул нам три пачки сигарет.

— Миш, какого черта? Это мы должны дать им сигарет в качестве благодарности за информацию.

— Да это все я. Я сказал, что ты убьешь их, если они не дадут нам сигарет.

— Миш, так делать нельзя, а то все местное население на нас ополчится, — сказал я, стараясь не выходить из себя.

33

МЫ СОЕДИНИЛИСЬ с батальоном в том месте, где, как нам сказали, нас ждала засада. В этот раз не солгали. Над районом уже парил самолет, нещадно паля во все видимые сверху объекты. В высокой траве потрескивал небольшой пожар, он горел не просто так — из языков огня показался минометный окоп и скрученный пулемет. Дорога была усеяна пусковыми установками реактивных мин и незапущенными снарядами. Потом мы увидели поврежденную машину, а вернее, взорванную, уничтоженную прямым попаданием авиационной бомбы. Водитель убежал, но недалеко. Мы обнаружили его лежащим на земле, с вытянутыми вперед руками. Его тело полностью зажарилось и имело темно-миндальный цвет, кроме одной ладони. Она совсем не была обожжена. Была разжата, и от ветра слегка качалась, как будто махала нам.

Морские пехотинцы не проявили к мертвому иракцу никакого сочувствия.

— Эй, посмотрите, из мужика получился отличный кусок вяленой говядины.

— Надо иметь в машине солнцезащитный козырек, ублюдок.

И это только самое приличное, что было сказано морпехами перед тем, как они двинулись дальше.

На перекрестке мы увидели знак остановки — огромный, больше трех футов по диагонали. Это был обычный красный восьмигранник, но слово «СТОП» было написано на арабском. Я подумал, что он очень хорошо подойдет для наших заграждений на дорогах; возможно, пострадает меньше людей.

— Кристенсон, срежь этот знак и положи в «Хаммер».

Он посмотрел на меня, думая, что я шучу. Офицер еще никогда не приказывал ему совершить акт вандализма.

Капитан подозвал меня к себе:

— Нат, я хочу, чтобы твой взвод спешился и обследовал вон то здание, — сказал он, показав на строение, расположенное за полем.

Я долго смотрел на него, осознавая то, что он меня просит сделать.

— Сэр, вы спятили? Вы хотите, чтобы я оставил свои огневые средства, пересек поле размером в три футбольных и шел пешком до, возможно, укрепленной позиции врага вместо того, чтобы сесть в машину и доехать туда со всем оружием, имеющимся у нас в наличии?

— Для споров времени нет, — ответил он.

Я видел, что он колеблется. Его приказы каждый раз были экспериментами: пройдет или не пройдет.

— Сэр, это ваша мысль или приказ батальона?

Я окончательно потерял веру в своего командира и уже не мог безмолвно подчиняться ему. Вот если бы приказ был получен от майора Уитмера или полковника Феррандо, я бы выполнил его без всяких колебаний.

— Я вижу, что нужно сделать. Не беспокойся, пустим прямо за вами ряд ЛБМ,{22} при необходимости они прикроют вас пулеметным огнем.

Я начал закипать от гнева.

Находясь прямо за нами, ЛБМ не смогут открыть огонь — они же в нас попадут. Нам говорили об этом еще в первую неделю обучения на пехотных курсах. Капитан, командующий ЛБМ, сочувствующе посмотрел на меня и закатил глаза.

Эффективное командование основывается на доверии. У моего старшего по званию в запасе была одна фраза: нет времени для споров.

К нему у меня доверие исчезло напрочь. Он принимал неверные решения еще до начала войны, вон еще когда были под корень вырублены все зачатки доверия. Может, он и был трудягой, но в делах тактики оказался абсолютно некомпетентным.

— Сэр, план реально гробовой, я не могу пойти на такое. Я волнуюсь даже не по поводу потерь в рядах своих солдат, — если бы там были федаины, они бы так и так давно открыли по нам огонь. Меня беспокоит беспочвенность вашего решения. Сделав по-вашему, мы застопорим движение всего батальона. Посмотрите туда. — Я показал на деревья вдалеке, там были «Хаммеры» рот «Альфа» и «Чарли», они атаковали в северном направлении. — Они движутся. Мы тоже уже должны двигаться.

Он кинул на меня взгляд, ничего не сказав. Я пошел к своей машине. Нервничал. Некоторые из моих морских пехотинцев находились в зоне слышимости. Было непрофессионально ругаться с капитаном на их глазах, но обстоятельства не оставляли мне выбора.

Разведывать пешком здание не пошли. Завели моторы и поехали вперед. Всей ротой.

Злополучное здание преодолели без приключений.

На пути к следующему перекрестку мы проехали поле изумрудно-зеленой травы. Само по себе красивое место, а вот обстановочка вокруг — не очень. По нам открыли огонь из двух АК-47, торчащих из окопов в поле, а наш пулеметный огонь,

раздавшийся следом, сделал из иракцев пищу для воронов. На одном из них была зеленая рубашка и штаны цвета хаки. Его убила пуля 50-го калибра, диаметром примерно в десятицентовую монету. Сила этой пули была настолько велика, что тело погибшего отлетело назад на достаточно большое расстояние. Пуля вынесла из тела кость больше, чем моя ладонь, и, упав на эту самую кость, он протаранил череп, — мозг уже вытекал на землю.

С неба упал минометный снаряд — упал ниоткуда, вокруг никаких внешних признаков наличия минометов.

Получили приказ не двигаться, оставаться на месте, начали оглядываться. Справа от нас стояло здание, освеженное белой побелкой. Правда, стены кто-то уже успел покрыть красными надписями. Я попросил Миша перевести их.

— О'кей, на табличке над входом написано: «ШКОЛА». А то, что красной краской, — «СМЕРТЬ АМЕРИКЕ, ДОЛГОЙ ЖИЗНИ САДДАМУ» и «МЫ УМРЕМ ЗА ТЕБЯ, О ВЕЛИКИЙ САДДАМ», и все в том же духе, но мысль-то ясна.

— Лавелл, возьми своих людей и обследуй здание, — приказал я. Время у нас было, а федаины очень любили обосновываться в школах.

Оставив одного солдата за пулеметом, Группа три перерезала кусачками замок и ворвалась в здание. Через несколько секунд Лавелл крикнул в окно:

— Сэр, подойдите посмотрите.

Я вошел, в комнате была куча парт. На стенах висели детские рисунки. Лавелл и доктор Брайан копались в уже открытом сейфе.

— Карты, документы, мешок штыков для АК, магазинная винтовка Энфилда. Кому нужно это дерьмо? Сюда посмотрите, — сказал Лавелл. Он протянул целлофановый мусорный мешок. В нем были дюжины пар черных носков. Новых, с этикетками. «Сделано в Иордании». — Смешно. Все, что найдешь в Ираке, сделано в Иордании, Китае и Франции.

— Хорошо, что я не придирчивый потребитель, — был мой ответ. Я решил взять документы для аналитиков из разведки и носки для взвода. Отобрали все, что могли, и поспешили наружу, не хотелось пропустить очередного сражения. Морские пехотинцы из Третьего взвода стояли над иракцем, который, распластавшись, лежал на земле живой.

— Сэр, этот придурок выскочил из окопа в поле. Может, мы его это, в багажник вашего «Хаммера»?

Я согласился, у меня там было больше места, чем у всех остальных. Возиться с пленным было некогда, головные машины

уже стартовали.

Теперь нас и пригород Баакубы разделял мост.

Я услышал жужжание и увидел странную рябь в воздухе. Небо над нашими головами отсвечивало, и это было похоже на мираж. Снаряды большого калибра. Не наши. Еще одна БМП.

— БМП на дороге, прямо перед нами. Он открыл по нам огонь! — Я, как мог, пытался не кричать в рацию, говорить спокойнее.

Мы спешно отступали, передавая истребителю-бомбардировщику Ф-15 координаты БМП. Я никогда не видел истребителей-бомбардировщиков и не слышал их. Внезапно их бомбы материализовались из голубого неба. Для большинства иракских солдат смерть приходила без предупреждения. Мы снова въехали на мост, в этот раз сопротивления не встретили. Увидели БМП, вернее то, что от него осталось.

Опять развилка, и опять мы поехали налево, а весь остальной батальон направо. Поля здесь теснили пальмовые рощи, к ним, в свою очередь, примыкали дома. Вертолеты «Кобра» нещадно бомбардировали эти пальмы, все вокруг было охвачено огнем. Я тоже ненавидел и пальмы, и деревья поблизости — потенциальные места скопления врагов. То же самое я чувствовал и по отношению к осушительным каналам вдоль дороги и к пышной, высокой, густой растительности. От ожидания схватки напрягся каждый мускул на моем теле. На глаза навернулись слезы, я начал медленней дышать, ясней думать.

По рации нас предупредили о том, что вертолеты, сопровождающие нас, эти наши глаза и огромные кулаки через пять минут улетят на дозаправку. Они покинули нас, по крайней мере, на час, оставив одних на дороге. Мускулы мои стали еще тверже. Опять рация: «Вам следует покинуть территорию, вернуться на развилку и пойти по западному пути. Как поняли?»

На тропинке, меньше чем в двадцати метрах от нас, появились двое мужчин. Между ними, спотыкаясь, шла девочка лет шести, она держала их обоих за руку. Мужчины выдавили из себя улыбки и помахали нам руками, но взгляд мой был прикован к маленькой девочке.

В ее глазах была отрешенность, она не смотрела даже под ноги. На лице грязные потеки, спортивные брюки, когда-то розовые, сейчас казались грязными и заношенными. Опустившись на колени, я прикоснулся к ее шее, она в страхе отшатнулась.

— Еду, воду — немедленно! — крикнул я своему взводу через плечо. — Док, осмотри ее. Не знаю почему, но я чувствовал, надо спешить, чувствовал ответственность за девочку, раньше со мной такого не было. Думаю, частично это было вызвано тем, что она

была маленькой. Но в основном это все же происходило из-за разительного контраста между физическим здоровьем и душевным страданием.

— Сэр, с физической стороны все нормально, может, только небольшое обезвоживание организма, — отрапортовал Док. Он протянул ей бутылку с водой. Двое мужчин, поняв, что мы распознали проблему, засмеялись и обняли нас.

Миш был рядом и переводил, мужчина постарше говорил. Он стоял с руками за спину, был расслаблен и несколько напыщен.

— Он говорит, танки и солдаты на плотине. Они не пускают туда людей, так как там спрятано химическое оружие, может, зарыто в земле.

Я поднял рацию и попросил связаться с Крестным отцом, командиром нашего батальона. Полковник Феррандо ответил с понятным раздражением в голосе — надо же, прямо посреди сражения его отвлекает какой-то там командир взвода. Я поспешил реабилитироваться и отрапортовал о полученной информации, о возможном наличии химического оружия на дамбе.

— Вас понял, Головорез-два. Я лично передам эту информацию дивизии, — ответил полковник.

Наш рапорт приняли к сведению, отработали, но химического оружия так и не нашли.

Вглядываясь в дома справа от нас, я увидел что-то заставившее меня остановиться. Большая часть батальона уже прошла по этому участку дороги, но все же никто не обратил внимания, что за одним из зданий припаркован иракский военный грузовик.

— Уинн, остановись, — попросил я.

К дому направилась половина взвода. Морские пехотинцы, общаясь между собой знаками, разбились на три команды и подходили к дому с трех сторон. Как только напряжение, предвкушающее перестрелку, начало зашкаливать, входная дверь дома открылась и из нее посыпались дети.

Они кричали: — Америка! Америка! Хорошо! Хорошо! Хорошо!

Мои морпехи опустили оружие.

Следом за детьми появился мужчина средних лет, одетый в западную одежду, с усами как у Саддама.

— Привет, ребята, я Хасан, — заговорил он на английском почти без акцента. Как будто отвечая на наши немые вопросы, он объяснил, что был английским профессором в Багдадском университете. Двенадцать детей, бегающих вокруг морских

пехотинцев и корчащих им рожицы, были его детьми.

Он также сказал, что Республиканская гвардия приходила к нему домой вчера ночью с восемью зенитными установками в кузове грузовика «ЗИЛ», сделанного в России. Хасан очень боялся, что американцы в процессе военных действий начнут все бомбить и разрушат его дом. Я ответил, что больше по этому поводу ему переживать не надо.

Мы установили трофейный иракский знак «СТОП» в трехстах метрах вниз по автостраде, а рядом с ним, на большой картонной коробке, одной из тех, в которых был наш паек, Миш написал: «Поворачивайте назад» на арабском, конечно.

В первый раз за день я вспомнил о пленнике в моем «Хаммере». Он лежал лицом вниз, руки были связаны за спиной. Над ним стоял Кристенсон.

— Перережь веревки, дай ему еды и воды, — сказал я.

Кристенсон посмотрел на меня так, как будто я намереваюсь выпустить из клеток зоопарка в Сан-Диего бешеных львов, но веревки все-таки перерезал. Мужчина, скуля и потирая запястья, медленно встал. Он печально посмотрел на меня, его усы непроизвольно дергались, — наверное, что-то нервное. Я протянул ему бутылку воды.

— Спасибо.

— Говоришь на английском? — удивился я. Судя по его невзрачной внешности, я решил, что он был солдатом.

— Немного, да. У меня сердце болит. — Он приложил руку к груди, и усы его снова завибрировали.

— Как тебя зовут?

— Ахмед Аль-Чирзги. Я хороший человек.

— Из какого ты рода войск?

— Я не солдат, — ответил он, сейчас его лицо было похоже на морду таксы.

— Тогда почему на тебе военная форма и почему ты стрелял в нас?

— Я всего лишь простой солдат из милиции Аль-Квидса. Я не хочу в вас стрелять.

— Но ты стрелял в нас. Мы тебя почти убили.

— У меня пять дочерей. Партия Баас отобрала их у меня и приказала стрелять в американцев, иначе они бы убили девочек. Что вы будете делать?

Я не знал, верить ему или нет, но он задел струнку моей души. Аль-Чирзги по возрасту был как мой отец. Одежда грязная и порванная. Он выглядел таким же измученным, как и мы. Он боялся, что мы его убьем.

— Выпей эту воду и поешь, Ахмед, — сказал я. Он смотрел на колени, потом наши глаза встретились. — Делай то, что мы говорим, и ты не пострадаешь. Если попытаешься выхватить у кого-то оружие или убежать, мы тебя пристрелим. Не раздумывая. — Я повернулся к Кристенсону, чтобы моргнуть и прошептать: — Не стреляй в него.

Кристенсон кивнул; он буквально гипнотизировал нашего пленника своим суровым взглядом.

Лавелл повел свою команду прочесать пальмовую рощу. Она располагалась слишком близко к нашей позиции. Возвратившись, Лавелл сказал мне:

— Сэр, мне нужно вам кое-что показать, просто перейдите здесь дорогу, и вы увидите.

На поляне стояли два длинных трейлера. Они были покрашены в цвет пустыни, на крышах виднелись кондиционеры. Без окон, на дверях — висячие замки. Всё, что мы видели в Ираке, было грязным и в грязи забвения. Эти же трейлеры блестели. Я знал, о чем думал Лавелл: он решил, что это мобильные лаборатории по разработке биологического оружия. Нас инструктировали по этому поводу, и трейлеры полностью подпадали под это описание.

— Возьмите свои кусачки и ЗОМП (защита от оружия массового поражения), — сказал я. — Я буду рапортовать начальству после вашего возвращения. Нужно знать, что находится внутри.

«Группа три» побежала к объекту, а мне в это время передавали новые сведения по передвижению батальона. Рота «Чарли» находилась в городе. «Альфа» подорвала, по крайней мере, один иракский танк Т-72 с помощью одноразового противотанкового гранатомета AT4 — немалым мастерством нужно обладать.

Уинн настроил радио на «Би-би-си». Мы слушали репортаж о том, что морские пехотинцы на глазах ликующей толпы снесли памятник Саддаму Хусейну на площади Фирдос.

— Что делать с пленником? — спросил Уинн, показывая головой в сторону «Хаммера», где Аль-Чирзги со счастливым видом ел круглый фунтовый кекс из нашего индивидуального пайка. Кристенсон, кто бы сомневался, стоял рядом.

— Мы не можем оставить его здесь — несоблюдение Женевской конвенций. Придется взять его собой. Он типа того, — произнес я, крутя указательным пальцем у виска. — Для всех, включая его, было бы легче, если бы мы дали ему еды и отпустили. Но есть правила, и нужно им подчиняться.

Группа Лавелла срезала замок первого трейлера и осторожно

вошла внутрь. Вдоль стен располагался нержавеющий инвентарь и цифровые дисплеи. Почти все надписи были сделаны на арабском. Ребята думали, что сорвали большой куш… пока не начали открывать шкафчики и буфеты. Подносы, дежа тестомесильной машины, мерные ложечки. Мобильная лаборатория по разработке оружия оказалась кухней иракской армии. Мы дружно посмеялись.

Уже появились признаки заката, когда мимо нас проехала рота «Браво», — морпехи активно махали захваченным флагом Республиканской гвардии.

Уинн задал мне вопрос, над ответом на который я и сам в тот момент размышлял.

— Ты думаешь, если мы проедем мимо, они опять Откроют по нам огонь?

— Нет, думаю, нет. Ты слушал «Би-би-си»? Война окончена.

Через две минуты пришло очередное известие: «Воюющая свинья» вовлечена в перестрелку в пяти километрах от нас.

На горизонте светился Багдад. В первый раз за месяц это были не сполохи бомбежки и пожара, а зарево электрического освещения.

34

ТРИ НЕДЕЛИ МЫ КРУТИЛИСЬ вокруг города и только утром 10 апреля наконец в него вошли.

Наши машины выстроились в линию для заправки. Вспомнив про Аль-Чирзги, спящего в «Хаммере», я разбудил его и сказал, что пришло время идти.

Складское помещение рядом с бензонасосами использовалось военной полицией в качестве места заключения иракских пленных. В коридоре за столом сидел сержант. Пистолет за поясом, наручники, дубинка и перцовый аэрозоль.

— Лейтенант Фик. Первый разведывательный. Мы подобрали этого чувака рядом с Баакубой несколько часов назад. Его имя Ахмед Аль-Чирзги.

Сержант подпрыгнул:

— Боже мой, сэр, это пленный? Я думал, он ваш переводчик или типа того.

Его рука потянулась к пистолету.

— Расслабьтесь. Он всю ночь был со мной.

Появились два морских пехотинца, схватили Аль-Чирзги за локти и повели в глубь коридора. Он обернулся.

— Салам, Ахмед, — сказал я. — Надеюсь, ты найдешь своих дочерей.

Архитектура Багдада очень сильно напоминала сталинскую: грубая простота и однообразие, только вместо серого все было коричневым.

Нашим пунктом назначения был район шиитских трущоб в северной части Багдада.

Не прошло и дня после крушения старого режима, а изображения, статуи и так далее усатого вождя кучами валялись на улицах города. США провозгласили немедленный снос памятников и уничтожение всех изображений бывшего лидера. Американцы санкционировали переименование Международного аэропорта Саддама в Багдадский международный аэропорт и изменили название «Саддам Сити» в «Садр Сити». Мудрость людей, подобравших такое название, нас искренне удивила.

Мы искренне радовались прибытию в наш новый дом. На здании была табличка: ИРАКСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАБАЧНАЯ КОМПАНИЯ. На территории завода располагались высокие башенные здания, предназначенные для офисных работников, и четыре складских помещения.

Над цементной стеной, окольцовывающей завод, еще была намотана и колючая проволока. Внутри же были деревья, маленький сад, а теперь и сотни морских пехотинцев, раскинувшие свой палаточный лагерь.

За стеной — анархический город и пять миллионов иракцев. На крыше одного из офисных зданий расположились снайперы спецназа ВМС. У них был приказ: стрелять в каждого иракца с оружием в руках. И они открывали огонь каждые несколько минут. Днем и ночью.

Предполагалось, что мы начнем патрулировать «Садр Сити» завтра.

Площадь города — четыреста квадратных километров, население — более пяти миллионов человек. Багдад больше Чикаго, Бостона, Атланты или Далласа. Я аккуратно окольцевал на карте зону патрулирования нашего батальона синим маркером: двадцать кварталов в северной части Тигра — самая густонаселенная часть города.

На следующее утро наше патрулирование отменили — зона патрулирования Первого разведывательного уже изменилась. Завтра мы покинем сигаретную фабрику.

Мы выехали из Багдада, колеса опять крутили на север, в наш новый штаб: здание детской больницы в нескольких километрах от города. Толпы ликующих людей праздновали свое возвращение домой после нескольких недель отсутствия, вызванных угрозой бомбежки. Иракцы махали руками с кузовов грузовиков-самосвалов и крыш легковых машин. Морские пехотинцы сигналили и махали руками в ответ. Я искренне удивлялся размаху города и количеству людей, обитающих в нем.

— Можешь себе представить, что бы было, если бы все эти люди решили на нас ополчиться? — спросил я Уинна.

— Подожди пару месяцев, и если наша деятельность не совпадет с их ожиданиями, они так и сделают, — ответил сержант уверенно.

Мы въехали в детскую больницу несколькими минутами позже полудня.

Каждая рота заняла помещения, в которых раньше располагались палаты, а штаб батальона занял, кто бы сомневался, то здание, где раньше находилась администрация больницы. На полу каждой палаты были кучи разбитых бутылок, шприцев и тонны разной бумаги. Мебели не осталось; даже щитки переключателей были выдраны из стен. Мои морпехи ели, устроившись прямо на полу. Я тоже сел на пол, присоединившись

к своему взводу.

— Сэр, как вы думаете будут разворачиваться события? — озвучил вопрос капрал Джек, который, я знал, существовал в мыслях каждого из солдат. Все оторвались от еды и молча смотрели на меня.

— Слишком рано делать выводы, но я скажу, что произойдет в соответствии с моими надеждами, — сказал я. — Я надеюсь, мы наконец перестанем наматывать круги и за нами закрепят сектор патрулирования. Я надеюсь, мы будем патрулировать этот сектор день за днем. Сейчас местные не имеют ни малейшего понятия, что значит демократия. Им нужна чистая вода. Они должны знать: их не застрелят посреди ночи. Люди ставят свои деньги на коня, который выглядит победителем. Ми должны убедить их, что мы победители.

— Какая еще вероятность существует, сэр? — спросил младший сержант Чаффин, почему-то не спускавший свою винтовку с коленей. — Бьюсь об заклад, мы как раз продолжаем кружить и раздавать обещания, которые не сможем выполнить, а потом обычные люди начнут видеть в нас оккупантов, а не освободителей. — Чаффин был светлокожим парнем с рыжеватыми волосами. Когда он говорил, его лицо почему-то темнело. — Очень скоро никто не захочет видеть нас здесь, и на нашей родине у хреновых либералов начнутся трудности, а потом мы получим второй Вьетнам. Но только мы будем не в книжках о нем читать, а вариться в нем.

— У меня как-то более оптимистичные взгляды, — ответил я. — Это не Вьетнам — у солдат, с которыми мы сражаемся, нет сверхмощной поддержки и безопасного района, куда они могут скрыться.

— Сэр, я собираюсь убрать из колоды вашу крапленую карту, — перебил меня Эспера. — Со всем уважением к вам, я думаю, вы ошибаетесь. — Он наклонился ко мне и продолжал, как бы тыкая в меня своей тонкой сигарой: — Партизанские войны не ведутся из безопасных районов и необязательно имеют подкрепление в лице солдат братских держав. Они вызревают в головах, а потом выплескиваются наружу. — Он покрутил сигарой у виска. — Если люди сами для себя ничего не хотят, как мы можем им что-нибудь навязывать? Это точно будет Вьетнам. Мы уйдем, а Ирак станет хуже, чем был тогда, когда мы первые постучались в его хренову дверь.

— От кого ждать самых больших проблем? — спросил я.

— От парней твоего возраста, — ответил мне Эспера. — Они ненавидят нас. Хотят убить. У них на лице написано.

Я с ним согласился. Все люди моложе восемнадцати были

рады нас видеть. Женщины нас приветствовали возгласами одобрения. Мужчины старше пятидесяти пяти или около того одобрительно кивали головами. Но вот те, кто был моложе их, в возрасте от двадцати до пятидесяти, всегда смотрели на нас молча.

— Почему так, Эспера? — спросил я его.

— Сэр, мы их кастрировали. Оторвали им яйца. Мы сделали для них то, что они сами давно должны были сделать.

— Но у них было на это двенадцать лет.

— Сэр, я не профессор, чтобы знать ответы на все вопросы. Я только объясняю, почему они себя так ведут. Я не говорю, что они правы.

Его обрубил Кольберт. Он лежал на бетонном полу и чистил своей зубной щеткой гранаты «М-203»: «А как насчет того, что у молодежи при предыдущем режиме была власть, а теперь большинство из них ее лишилось?»

— Об этом будут говорить «умники» с телевидения, я уверен. Но они ошибаются, — произнес Эспера, по-прежнему тыча сигарой при каждом слове. — Ты думаешь, все массовые захоронения полны маленькими детьми и стариками? Эти молодые парни пострадали от режима ровно настолько, насколько и все остальные. Саддам без сожаления убивал всех — детей, стариков, женщин. Он убил даже мужа собственной дочери.

Все замолчали. Только звук зубной щетки, трущейся о гранату.

На следующее утро мы совершили свою третью за четыре дня поездку, — ехали сначала на север, а потом на запад, в Менин Аль-Квидс, к ЭС рядом с Тигром.

Вся рота «Браво» въехала на предписанную территорию, обосновавшись в одном из складских помещений.

Опускалась ночь, а морские пехотинцы роты «Браво» в это время вопили и орали, бегая под струями льющегося с неба ливня.

Майор Уитмер сидел в углу одной из комнат, читал рапорты. Он не находился в цепочке моего командования, но мы знали друг друга почти четыре года, я ему доверял, действительно доверял.

— Добрый вечер, сэр. Можно присоединиться к вам на минутку?

— Добро пожаловать, Нат. Двигай стул.

— Сэр, вы выгладите уставшим. Я думал, старший офицерский состав спит по восемь часов в день

Он засмеялся и по-дружески ударил меня кулаком в грудь.

— У тебя видок не лучше.

— Да, но обещаю с этим справиться. Утром мы со взводом отправляемся на сорокавосьмичасовое задание. Предполагается, что мы будем патрулировать юг данной территории, на реке Тигр. Может, совет дадите? — Я развернул перед ним план патрулирования.

«Помни, Нат, не прошло и недели с того времени, как мы постоянно подвергались обстрелу врага. И это означает три вещи. Первое — жизнь людей бесповоротно изменилась; второе — они ждут от нас многого, тем не менее не надо связывать себя непосильными обязательствами; третье — плохие парни исчезли вместо того, чтобы умереть в бою. Они могут остаться плохими парнями, а могут и нет, но в любом случае они вокруг вас, поэтому будь осторожен».

35

«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ, ЭТО ГОЛОВОРЕЗ-ДВА, запрашиваем разрешения покинуть территорию с пятью „Хаммерами“, одним офицером морской пехоты, двадцатью солдатами морской пехоты, одним солдатом ВМФ и двумя местными жителями. Маршрут патруля был доложен ранее; расчетное время возвращения — сорок восемь часов начиная с этой минуты».

После этого сообщения по рации ворота ЭС открылись и взвод вместе с Мишем и репортером Званом Райтом двинулся в путь — курс на Багдад. В районе были зафиксированы федаины, разведка сообщала об их присутствии в парке с аттракционами, расположенном рядом с Тигром. Нашей миссией было излучать флюиды доброжелательности на мирных граждан, собирать информацию, касающуюся федаинов, и всеми средствами мешать им осуществить их планы.

Мой взгляд с автострады упал на добротные дома. Я прикинул: в домах такого уровня при режиме Хусейна могли жить только члены партии Баас или их единомышленники. Нашей миссией была стабилизация жизни города и искоренение сомнительных элементов, и, подумал я, устранение хотя бы одного опорного пункта партии Баас будет неплохим началом. Поэтому я поступил так, как поступил бы каждый офицер, закаленный тремя неделями боев на неприятельской территории: я решил их спровоцировать.

Мы поехали к близлежащим домам, оставляя за собой облака дизельного дыма и вовсю размахивая нашим оружием. Вместо ледяных взглядов мы были встречены распростертыми объятиями. К нам подбегали дети, а взрослые собрались вокруг, чтобы задать пару вопросов на очень плохом, честно говоря, английском.

— Наконец-таки приехали американцы! Ирак — хорошая страна, не правда ли?

К нам сквозь толпу людей шел старик, пробивая себе путь локтями. Он выглядел обозленным. Когда я вылез из «Хаммера», ко мне подошел Миш. Я кинул взгляд на Миша, нужно было убедиться, что он уловил те же вибрации, что и я. Все хорошо. Миш зажимал пистолет между коленями. Старик же улыбнулся и схватил меня за руку.

— Здравствуйте, здравствуйте. Спасибо вам. Добро пожаловать. — Он объяснил, что в основном в домах по соседству жили врачи и инженеры, уважаемые даже во времена Саддама Хусейна люди. — Но мы рады, что Саддам уже в прошлом.

Я поблагодарил его, предупредил, что они должны держать детей подальше от взрывчатых вещей и пообещал вернуться на следующий день. Мне не терпелось осмотреть зону, до наступления темноты оставалось не так уж много времени. Мы уезжали от них под шум одобрительных возгласов: «Завтра, Америка, завтра!»

Я хотел увидеть парк с аттракционами — это поможет нам выработать план действий на следующий день.

В парке с ветки на ветку порхали птички, на солнечном лугу красовались распустившиеся белые цветы.

Кольберт присвистнул:

— Мы только что нашли райский сад.

Когда мы вышли из деревьев на гравийную дорогу, проходящую параллельно реке Тигр, было уже почти темно. На дороге стояли трое мужчин. Увидев нас, они не стали убегать.

Миш крикнул им что-то, и они ему ответили.

— Все в порядке, это местные патрулируют территорию. Они охраняют дома от мародеров.

Один из мужчин сказал, что каждую ночь здесь появляются мародеры и воруют все, что могут унести. С окон домов свисали самодельные перетяжки. Миш их перевел. «ГОРОД САЛИ ХАСАНА НЕ ПОТЕРПИТ ВОРОВ. ВЫ БУДЕТЕ УБИТЫ».

Становилось темнее и темнее, и мы поехали на юг, хотели получше сориентироваться в обстановке, прежде чем организовывать наблюдательный пост базы. План действий в моем мозгу менялся. Выяснилось, что почти везде действуют патрули, организованные местным населением. Вооруженные иракцы, охраняющие свои дома, и передвигающиеся в ночи морские пехотинцы — вряд ли удачное сочетание. Я решил найти хорошее место для ночевки взвода, а затем заслать команду для разведки обстановки.

Мы остановились, выбрав подходящее место, «Хаммеры» поставили тесным кругом на бетонной площадке. Пулеметы 50-го калибра направили на каждый участок рва, через который сами приехали, а «Mark-19» направили в поля, рядом разложили гранаты, чтобы в случае нападения их не пришлось долго вытаскивать. Наше месторасположение находилось выше остальной территории футов на тридцать. Место было естественной крепостью. Морские пехотинцы уже патрулировали территорию, а я принялся за доклад обстановки по рации.

— Крестный отец, это Головорез-два. Примите доклад. — Головорез-два, — это Крестный отец, слышим вас хорошо. Сообщаем местоположение наблюдательного поста базы.

Я передал точные координаты на тот случай, если нам ночью

понадобится артиллерийская поддержка, затем вкратце проинформировал их обо всех полученных за день сведениях.

— Крестный отец, мы планируем остаться здесь до утра. Пеший патруль с позывными Головорез Два-Два обследует местность на предмет ПИЗ. Как поняли? ПИЗ — это первоочередное информационное задание — основная информация, которая потом прорабатывается разведкой. Наше ПИЗ включало в себя установление местонахождения таких объектов, как школы, больницы, дороги, по которым можно осуществлять движение, а также сбор информации, касающейся парка с аттракционами.

Когда батальон отрапортовал об одобрении плана, мы с Уинном собрались на вылазку.

Лунный свет был сверхъестественно ярок. Мы развернули карту на капот — все было видно и без фонаря. В то время как мы обсуждали план вылазки, на востоке от нас, с поля донеслись выстрелы.

Через несколько секунд огонь был слышен уже с трех направлений. Мы инстинктивно припали к земле — кажется, это по нашу душу.

— Боже всемогущий! Откуда это все взялось? — Уинн произнес то, о чем все мы думали.

Потом мы решили, что это местные жители убивали в порыве ярости мародеров, вступивших на их территорию. Стрельба не ослабевала целый час. Потом вдруг грохот стал громче, и это было очень похоже на зенитки.

До стрельбы мы собирались на вылазку, но я вдруг вспомнил совет майора Уитмера: не втягивайтесь в чужую перестрелку, не торопитесь убивать своих морских пехотинцев.

Я посмотрел на Уинна и сказал:

— Думаю, нам надо отменить сегодняшнее мероприятие, до рассвета всем нужно оставаться здесь. Если бы мы пошли, то это бы называлось не храбростью, а тупостью.

«Чертовски верно. Не стоит гробить морских пехотинцев только из-за того, что кто-то собирается украсть чей-то телевизор».

Батальон утвердил изменение наших планов. Командир роты связался с нами только после полуночи и внес дополнительные уточнения в завтрашний план. Нам нужно было отметить на карте все оставленное противником оружие или невзорвавшиеся боеприпасы, или взрывные устройства.

Наш день начался еще до рассвета. Ближайшее оставленное оружие было прямо под нашими ногами.

Две зенитные ракеты лежали в поле за зданием. В то время как я осматривал снаряды, ища маркировочное клеймо, ко мне из близлежащего дома подошел старик, одетый в серую национальную одежду.

Я положил руку на грудь и поприветствовал его:

— Салам алейкум.

— Алейкум ас салам. — Он начал какую-то бурную тираду, время от времени пихая ногой снаряды. Я посмотрел на Миша.

— Он говорит, что рад вашему приходу и благодарен за свое освобождение. — Я ожидал от Миша перевода поразвернутей.

— Он также говорит, отсюда иракцы атаковали американские воздушные средства. Они отступили около недели назад. Он зол и на Саддама за его травлю людей, и на армию, у которой нет чувства собственного достоинства. Он поражен тем, что они отступили без боя.

— Скажи ему — массовые убийства не являются доказательством наличия чести. И спроси, есть ли еще оружие или федаины поблизости.

Миш передал теперь уже мою тираду. Мужчина рьяно отвечал и показывал на линию деревьев вдалеке. Глядя на него, мои морские пехотинцы уже садились в «Хаммеры».

— Он говорит, в той деревне, что расположена за деревьями, есть дом, в котором много снарядов. Больших и маленьких. Около двадцати. Вверх по дороге стоит здание, в котором обосновались федаины. Это высокая башня, рядом с озером.

Деревня, указанная стариком, была не в нашей зоне, так что мы просто отметили ее на карте. Но вот здание у озера — очень похоже, что оно как раз находится в парке с аттракционами.

36

И ВОТ ВРЕМЯ для основного мероприятия нашего патруля.

Батальон приказал вернуться в строго обозначенный час. Я посчитал время на дорогу — на разведку парка у нас оставалось пять часов.

На линии горизонта явно обрисовалась башня, входящая в зону парка. Она выглядела меньше и хуже, но все равно напоминала сиэтлский «Спэйс Нидл» — чудо начала 1970-х, постепенно приходящее в упадок. Башню окружали прогулочные тротуары и амфитеатры.

Смотря в бинокль, я представил себе толпы людей и разноцветные шары вокруг. Я не мог понять: это одно из самых обнадеживающих мест в Ираке или одно из самых печальных? Потом я все-таки остановился на последнем варианте.

Мы с Уинном обсуждали целесообразность входа в огромный парк в составе всего лишь двадцати двух человек, а в это время в нашу сторону пропыхтел красный побитый «Фольксваген». Поравнявшись с нами, он остановился. Моих солдат долго ждать не надо: на машину немедленно было направлено с десяток стволов. Я повернулся посмотреть и параллельно продолжал наш диалог.

— Это пустынный островок. Они могут запросто нас всех тут перестрелять. Нужен четкий план, — говорил Уинн. Он не был против похода в парк; он просто хотел убедиться, что мы заранее все продумали.

— Может, сначала отправим в башню команду снайперов? — спросил я. — Они смогут осмотреться и при необходимости сообщить батальону координаты объектов.

— Плохая мысль, сэр. Они там будут слабо защищены, да и к. тому же нас останется всего пятнадцать человек. Лучше оставаться всем вместе.

— Сэр Уинн, пойдите взгляните, — подозвал нас к себе док Брайан.

На водительском сиденье сидела женщина средних лет, сложив руки, она как бы молила нас о помощи; позади нее сидел мужчина с невозмутимым выражением лица. Я подошел к машине и почувствовал больничный запах, исходивший от девушки-подростка, лет тринадцати. Она сидела спереди, откинувшись на спинку кресла. Одна нога ее была в гипсе. Девочка стоически, несколько застенчиво улыбнулась, но ее губы дрожали, а в глазах билась едва сдерживаемая боль. Миш сказал, что ее зовут Сухар. Ее ранило осколком бомбы больше недели назад. Иракские врачи

наложили на ногу гипс, но никакой реабилитационной помощи она не получила. Ее родители, надеясь пройти сквозь американские КПП, хотели найти госпиталь, но, увидев нас на обочине дороги, решили остановиться.

Я посмотрел на часы. Еще четыре часа, и нам нужно будет возвращаться к батальону. «Док, у тебя пятнадцать минут», — отчеканил я.

Гипс сняли, рана была рваная, видны мышцы, кость раздроблена. От запаха я чуть не потерял сознание.

Я встал на колени рядом с ее матерью:

— Миш, пожалуйста, спроси, как ее зовут.

Она посмотрела на меня и сказала:

— Марианна.

— Марианна, мы сделаем все, что сможем, чтобы помочь Сухар.

Родители, наблюдали за работой Дока. Я не могу передать словами их эмоционального напряжения. Их ребенок был тяжело ранен, возможно американцами, но ее жизнь сейчас зависела от сострадания американцев.

Хреново все складывается. Нашей задачей было провести разведку парка аттракционов. Моим командирам совсем не понравится то, что мы помогаем девочке, а не выполняем свою миссию.

Родители смотрели на Дока с большим почтением, а он тем временем промывал рану девочки и делал ей необходимые уколы. Когда он посмотрел на меня, я спросил его про состояние ребенка.

— Эта инфекция ее убьет. Но сердцебиение хорошее, септического шока нет. Сэр, мы должны доставить ее в больницу. — Док отвернулся от машины и тихо сказал: — Я понимаю, какой вам предстоит сделать выбор, но вы должны знать: без лечения у нее нет шансов.

Связавшись с батальоном, я попросил доктора Обина. Брайан взял у меня рацию и передал информацию по ранению Сухар. Мы ждали. Обин искал подходящее медучреждение по всему Багдаду.

Я старался не палить сгоряча:

— По Багдаду? А как насчет наших, американских военных врачей?

Наконец Обин отрапортовал:

— Головорез-два, в Ираке нет станций «Скорой помощи» для местного населения. Нам известно местонахождение некоторых иракских госпиталей, но у них нет медикаментов. Постарайтесь оттянуть время распространения инфекции и пусть ее родители сами ищут соответствующий медпункт.

Я был зол, нет, скорее — в бешенстве. Обин был хорошим врачом и хорошим человеком. Я знал, эта ситуация бесит его так же, как она бесит меня. Он сделал все, что мог. Повернувшись к доку Брайану, спросил, какой у нас есть выход.

— Я промыл рану и накачал ее антибиотиками. Можем перевязать рану, дать ее родителям перевязочных средств, необходимые медикаменты и проинструктировать. Но без надлежащего ухода инфекция будет систематически вспыхивать опять. Она умрет.

— Сделай что можешь, дай все необходимые медикаменты, но ровно столько, чтобы не ставить под угрозу безопасность взвода. Скажи мне, когда закончишь.

Я подошел к Уинну и сел на землю рядом с ним.

— Ничего себе ситуация! Я думал, мы обладаем здесь хоть какой-то властью, а на самом деле не можем помочь даже одной девочке, — уныло произнес я.

Уинн посоветовал направить родителей в штаб ПБГ-1. Мы знали точное место их дислокации, они были более оборудованы, чем мы. Я согласился и подошел к капоту, чтобы написать записку большими черными буквами:

> ЭТА ДЕВОЧКА, СУХАР, БЫЛА РАНЕНА ОСКОЛКОМ АМЕРИКАНСКОЙ БОМБЫ. МЫ СДЕЛАЛИ ВСЕ, ЧТО МОГЛИ, И ПОСЛАЛИ ЕЕ СЕМЬЮ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЛЕЧЕНИЯ В ШТАБ ИНЧХОНА. ПОЖАЛУЙСТА, ПРЕДОСТАВЬТЕ ЕЙ ВСЮ ВОЗМОЖНУЮ ПОМОЩЬ.
>
> ВСЕГДА ВАША РОТА «БРАВО». ПЕРВЫЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН, 14 АПРЕЛЯ 11.30 ПО ГРИНВИЧУ 2004, 1-Й Л-Т ФИК, МП США.

Миш отдал записку родителям Сухар и рассказал, как доехать до Инчхона (это был позывной ПБГ-1). Док закончил, и «Фольксваген» поехал в сторону Багдада.

— Если их не убьют на КПП, то, вероятно, высмеют в Инчхоне, — заметил Брайан.

Было далеко за полдень, а мы только еще подъезжали к парку.

Парк был пуст. Уже пуст. Определенно, его покидали очень быстро. Настежь распахнутые двери качались на петлях, ветер кидал в разные стороны бумажный мусор. Часть меня, не покорившаяся законам войны, хотела сесть сюда, за стол для пикника и спокойно посидеть на солнышке, почитать свежую газетку.

Но вместо этого я поторопил своих морских пехотинцев,

нужно было идти в южный конец парка, где на моем плане значилось здание, помеченное для нас как «дворец павшего режима».

Здание было одноэтажным, стояло вдоль прибрежной полосы озера.

Я вошел во входную дверь сразу за сержантом Эспера и попал в большую комнату. Морские пехотинцы, держа оружие на уровне глаз, пробирались вдоль стен. В углу, рядом с длинным деревянным баром, стояло пианино.

Потом мы прошли мимо бального зала с мозаичным полом и разбитыми вдребезги люстрами. Потом по коридору. Дверь. Открыли. Вошли. Королевского размера кровать и огромная ванная, больше ничего. Следующая дверь. И опять кровать с ванной.

«Дворец» оказался напыщенной гостиницей. Самой напыщенной из всего увиденного мной в Ираке — конечно, если не брать во внимание резиденцию Саддама. Парк аттракционов был для чиновников среднего звена партии Баас местом проведения выходных. Вполне вероятно, здесь находились и федаины. Прежде чем продолжить зачистку территории, я сделал несколько фотографий гостиницы — может, они пригодятся разведке.

Мы пошли вдоль Тигра на юг.

Так как место выглядело окончательно и бесповоротно пустынным, я разделил взвод на две команды — хоть немного времени наверстаем. Уинн со своими солдатами пошел ближе к берегу, а я с командой сержанта Лавелла отправился проверять подозрительный объект. Это был трейлер, он, как мобильный дом, стоял поодаль от остального парка.

На полу в трейлере валялись бумаги, но сначала я не придал этому значения. Мой взгляд приковали к себе карты, висящие на стене. На картах были улицы Багдада с помеченными местами сосредоточения американцев, закрашенными красным карандашом. Сведения устарели, но всего на несколько дней.

— Матерь божья, Лавелл, посмотри. Они знают все наши позиции.

— Похоже, мы нашли штаб-квартиру федаинов, — сказал Лавелл.

Мы собрали стопки бумаг, намереваясь отнести их в разведывательное бюро, уделив основное внимание картам.

Мы нагоняли время, потраченное днем, поэтому спешили добраться до южного конца парка. Сквозь деревья я увидел ряд складских помещений.

Я соединился с батальоном и запросил дополнительный час

для завершения операции. Мне было отказано, и мы проехали мимо складов, сильно надеясь на то, что они пусты. Я сфотографировал и записал место их расположения в патрульном журнале.

За пятнадцать минут до расчетного времени возвращения я запросил разрешение въехать в зону расположения наших войск. Мы медленно проехали в открытые для нас ворота и остановились у склада, отведенного роте «Браво». Я пошел отчитываться в Разведывательно-оперативный центр. Мы пододвинули к столу стулья в ярко освещенной комнате и достали из кулера в углу по баночке холодной «Кока-колы».

Я доложил всю информацию, собранную взводом. Мы сделали все, что планировали, не успели только одного — проверить склады.

На следующее утро другому разведывательному взводу было поручено прочесать эти самые склады, из-за чего им пришлось отодвинуть задание, возложенное на них ранее. Взвод нашел там дюжины ракет класса «земля — воздух». Складывалось впечатление, что ракет было гораздо больше, похоже, часть их успели увезти, может, даже прошлой ночью. В следующие месяцы, когда мы видели падающие с неба подорванные вертолеты, падающие на землю и убивающие этим самым десятки людей, я все время думал, а не этот ли снаряд мы тогда не успели отыскать на складе? Помощь Сухар далась мне дорогой ценой. Я понял для себя: на войне редко дается выбор между плохим и хорошим, чаще бывает выбор между плохим и худшим.

37

НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ мы планировали, патрулировали, готовили отчеты и опять планировали. Формулировка нашей задачи стала шире: «Патрулировать предписанную зону, разоружать население, обнаруживать невзорвавшиеся боеприпасы, стабилизировать беспорядки, фиксировать ключевые учреждения, такие, как школы и больницы, снабжать население едой и водой, предоставлять первую медицинскую помощь и показывать американское присутствие». Мы занимались этим каждый день, но редко делали все за один заход.

17 апреля, в четверг, мы выехали с базы и отправились патрулировать «Садр Сити». К стандартной формулировке нашей миссии добавилось нахождение зоны, нуждающейся в воде. Следующим утром туда привезут четыре тысячи галлонов свежей воды. Миш патрулировал с другим взводом, и к нам присоединился Хаммид Хусейн. Хаммид был местным жителем, нанятым батальоном в качестве переводчика. Вскоре после рассвета он прибыл на базу. Он подошел к нам и сразу же пустился в яростный монолог, суть которого была в неприятии им американской культуры и войны в Ираке.

— Вы не должны были этого делать. Саддам был плохим человеком, но Америка обязана была предоставить иракцам возможность самим совершить переворот. Мы бы его свергли в свое время.

— Хаммид, я всего лишь лейтенант, — ответил я. — Я возглавляю патруль. Я не делаю политику. Или помогай нам, или иди домой, не надо затевать со мной перепалку. Я слишком занят.

На восток мы ехали по земляному валу, получив прекрасную возможность посмотреть на «Садр Сити» сверху.

Он по-прежнему был охвачен насилием и мародерством, в нем не было элементарного — электричества и чистой воды. Мне казалось, что мы всегда находились под пристальным взглядом людей, которым все меньше и меньше нравилось то, что происходит вокруг.

Я остановил взвод на привал. В трех километрах за «Садр Сити» стояла кучка кирпичных зданий. Оттуда в нашу сторону шла толпа людей. Ее возглавлял грузный мужчина с редеющей шевелюрой. Он представился как мистер Кадэм и попросил, чтобы вся помощь населению координировалась через него. Я спросил, какая именно помощь ему нужна.

— Нам нужны только две вещи: чистая вода и бронзовые статуи Джорджа Буша.

Я решил ему подыграть:

— С водой мы вам поможем, но что вы будете делать со статуями Джорджа Буша?

— Мы поставим их на улицах, чтобы показать свою приверженность. Но до этого американцы должны помочь нам убрать из города нечистоты, которые буквально затопили его.

Я сказал мистеру Кадэму, мы можем дать ему сто галлонов воды прямо сейчас.

С помощью морских пехотинцев команда, организованная мистером Кадэмом, опорожнила запасные фляги с водой в общегородскую цистерну. Лишенные воды и части медикаментов, мы поехали на восток, в поисках очередного места для нашей очередной капли в иракскую губку.

Утром я варил себе кофе, получая истинное наслаждение от этого, казалось бы, обычного ритуала.

Моя оловянная фляжная чашка была слишком горячей, чтобы дотрагиваться до нее руками. Я надел перчатку. Сдувая кофейную дымку, я наблюдал за восходом солнца в полях за нашей оградой.

Мы были готовы выдвигаться и ждали только Хаммида. Вскоре он прошел через ворота и весело помахал мне рукой.

Через несколько минут, когда я спустился вниз, чтобы объявить о десятиминутной готовности, он уже сидел с чашкой в руках и был поглощен дебатами на тему, кто была самой молодой моделью «Плэйбоя». И опять поток критики в сторону Америки.

Впервые за время нашего патрулирования мы въехали в центр Багдада, нужно было встретить автоцистерну на основной базе МТО морской пехоты. Далее мы сопровождали автоцистерну на север. Несколько дней назад мы уже ехали по этой дороге.

— Оружие на три часа!

Предупреждение исходило от Руди Рэйса. Я посмотрел направо. Подросток, облокотившись о дом, качал на пальце ружье. Когда мы остановились, он даже поднял выше голову и расправил плечи, как будто бросая нам вызов. Моей первой мыслью было: он служит для нас приманкой. Морские пехотинцы осматривали стены и крыши близлежащих домов. Я выбрался из «Хаммера» и пошел прямо к малому. Подождав, пока я подойду поближе, он положил ружье на землю и предусмотрительно отошел на несколько шагов. Я подобрал старинный «Энфилд», проверил — в нем было три патрона. Ружье было чистым и хорошо смазанным. Я повернулся и, подойдя к «Хаммеру»,

положил ружье в кузов. Ничего не выражающее лицо мальчика смотрело нам вслед. Если это был тест, то мы его с честью выдержали.

В северной части Эль-Джабра дорога раздваивалась.

Мы организовали оцепление — автоцистерна посередине — и через несколько минут вокруг уже собралась толпа. Люди стекались со всех углов города, неся, таща и волоча все виды тары: пластмассовые ведра, бутылки из-под антифриза, резиновые камеры и даже маленькие резиновые детские бассейны. Кое-что увозили на тракторах и ослах, но основной рабочей силой были женщины и девушки. Я со страхом смотрел, как семилетняя девочка подняла семигалонный бидон воды, весящий сорок фунтов, и водрузила его на голову.

Группа Эсперо обеспечивала нашу безопасность со стороны дороги. Он оперся о панель задней боковой части кузова «Хаммера», чтобы понаблюдать за этой толчеей:

— Черт возьми, сэр, если бы нам пришлось воевать здесь с женщинами, а не с мужчинами, мы бы уже давно спасали свои задницы, — произнес он в легком шоке.

Когда на дороге раздались выстрелы, мы с Уинном разговаривали с двумя иракскими мужчинами.

— Автомат! У него в руках автомат!

— Не стрелять! Он поворачивает.

Мы выбежали на дорогу и увидели белую «Тойоту Ленд-Крузер», остановившуюся и взятую на мушку группой Руди. В машине сидели четыре человека с поднятыми руками.

Подняв вверх автомат, они едва не лишили себя жизни — Джеке увидел оружие и чуть было не открыл по ним огонь из своего «Mark-19». Потом они сообразили, что нужно опустить оружие.

Мы с Уинном поспешили к «Тойоте». Мужчины были хорошо и опрятно одеты, данная особенность была присуща федаинам и иностранным бойцам. Водитель начал говорить:

— Мы Курдистан. Курдистан — Америка друзья. Прийти бум-бум партию Баас. Джордж Буш хорошо. Мы Курдистан. Америка друзья.

Он протянул свернутый бумажный лист. Наверху была гербовая печать, ниже надпись на английском. Прочитав, я понял: это разрешение, выданное Патриотическим движением Курдистана, позволяющее мужчине хранить автомат.

— Они пешмерги, — сказал я. Пешмерги были курдскими бойцами, полностью поддерживающими Америку.

У нас был приказ разоружать население, но также был приказ не вмешиваться в не касающиеся нас бои.

— Отдай ему обратно автомат, Руди, и пусть едут.

Руди протянул автомат со словами: «Враги моего врага — мои друзья».

— Никогда не слышал, чтоб мы так говорили, — произнес я. — Наверное, мы уже слишком долго на Среднем Востоке.

Сопровождая автоцистерну обратно на базу, мы узнали, что батальон перемещается на новое место дислокации.

Новое место — это футбольный стадион в центре города рядом с президентским дворцом. Я повернулся к Уинну:

— Похоже, мы переезжаем в центр.

— Черт, а я только начал привыкать к нашей базе у черта на куличках.

Я поставил приемник на приборную панель и настроился на лондонское вещание. Диктор сообщал о сотнях багдадских жителей, устроивших американским оккупантам марш протеста.

Уинн криво улыбнулся и произнес:

— Как я рад, что сегодня моей задницы там нет.

38

НОЧЬ МЫ ПРОВЕЛИ на холодной траве футбольного поля на стадионе, построенном сыном Саддама Удэем. Утром я сидел на траве рядом с Уинном, он чистил зубы.

Я думал, это у нас очередная промежуточная станция и предполагал возобновление патрулирования на следующий день. Но меня ошарашил своим известием майор Уитмер.

Подойдя к нам, он сказал:

— Надеюсь, день прошел хорошо, Нат? Вчера было ваше последнее патрулирование.

На мгновение я подумал, что меня уволили: может, я слишком налегал на своего командира роты?

— Почему, сэр?

— Будет организована иракская армия, и они сами будут себя защищать. Все логично. Мы возвращаемся домой.

Дом. Для меня домом стал «Хаммер». Самым роскошным воплощением дома для нас был какой-нибудь склад или заброшенное здание, укрывающее от палящего солнца и ветра. Понятие стало слишком абстрактным.

19 апреля. Режим пал всего лишь десять дней назад. А мы ожидали переброски через полгода-год. Мы знали: самый тяжелый этап — начальный этап. Багдад до сих пор кипит.

И все же, вероятно, домой нас пока не отправят.

— Может, повезет? Прямо в Кувейт, а оттуда первым же рейсом до-о-мо-ой, — сказал Уинн, опершись на боковое стекло «Хаммера»; у него даже выпала из рук электрическая бритва.

Я изумленно раскрыл глаза.

— Ты прав, — произнес Уинн. — О чём я только думаю. Надо быть повнимательней.

Мы покинули стадион еще до рассвета, нужно было отъехать как можно дальше, пока не началось дневное пекло. К середине апреля средняя температура в полдень приближалась к ста градусам по Фаренгейту и с каждым днем и с каждой милей южнее становилось все жарче и жарче. Я поменялся местами с Кристенсоном и теперь, сидя сзади, мог выпрямить спину и впитывать лицом дорожный ветерок. К тому же я хотел вдоволь насладиться последним взглядом на Багдад.

У знака, показывающего направление к бывшему аэропорту имени Саддама, батальон повернул на «Автостраду-1». Багдад остался сзади.

Ни дыма. Ни бомбардировщиков или вертолетов. Ни артиллерийского огня, ни реактивных установок залпового огня. Я перестал все время тянуться к оружию.

В нашу последнюю ночь в поле, когда я прогуливался по линии батальона, тянущейся вдоль автострады, к нашему флангу причалила армейская автоцистерна, припарковалась к краю дороги. За ней качались еще пять. Второй лейтенант высунулся из кабины и помахал мне рукой:

— Привет. Вы не можете мне сказать, где «Автострада-8»? — спросил он. Он держал в руке смятую от руки нарисованную карту.

— Боже, приятель, тебе до нее еще километров пятьдесят.

Он озадачился:

— Ладно. А как дорога? Безопасная?

— По-разному. Сопровождение есть? Оружие большой дальности есть?

Лейтенант быстро кивнул:

— Мы вооружены.

— Ты имеешь в виду это? — Я показал на пистолет у него за поясом.

— В каждом грузовике по пулемету, — дерзко произнес он.

— Держитесь от меня, на хрен, подальше. У вас ни карт, ни оружия, ни хреновой идеи, где вы сейчас находитесь. Я не хочу быть рядом, когда вам будут надирать задницы.

Я хотел перевести все в шутку, но не мог. В прошлом месяце мы стали бывалыми солдатами и, как все бывалые солдаты в каждой войне, не хотели бы находиться рядом с чайниками. Чайников часто убивают.

22 апреля мы проехали еще сотню километров на юг и добрались до так называемого Тактического района сосредоточения Пейдж — бывшей иракской военной базы на окраине Дивании.

Взвод жил в гараже длиной в сотню футов и шириной в двадцать.

Боевые акции стимулировали батальон. Без них в нашу жизнь вернулись вялость и однообразие. Как-то утром командир роты собрал нас всех для занятий физкультурой: пробежка вокруг Пейджа с последующим рядом упражнений. Одетые в зеленые рубашки и полевые ботинки желто-коричневого цвета, мы выстроились в ряды, душ принять нам не дали. Морские пехотинцы были мрачнее тучи, отказывались выполнять приказы командира, которого больше не уважали.

Командир роты выбрал в качестве первого упражнения отжимание от пола. Он считал, а рота должна была хором повторять за ним. Вместо пятидесяти морские пехотинцы сделали чуть больше двадцати пяти, вслух вообще никто не считал. Потом пресс. Капитан спросил, кто хочет считать, Уинн сделал шаг вперед. Он лег на спину и начал громко считать. Рота ревела в унисон. «Один… два… три… четыре!» Морские пехотинцы других рот оглядывались на нас, понимая: произошел маленький бунт. Я улыбался, смотрел в небо и, обхватив бедра руками, пытался перекричать всех.

В тот день командир роты вызвал меня к себе, в самодельный кабинет в старой казарме. Войдя, я обнаружил его сидящим за столом, одетым в полное обмундирование вместо футболки и штанов, которые мы обычно носили в жару. Когда он не пригласил меня присесть на ящик из-под индивидуальных пайков, которыми был буквально завален пол, я понял: у меня неприятности.

— Лейтенант Фик, я увольняю Уинна за нарушение субординации.

Я хотел возразить, но он меня перебил.

— В Ар-Рифе он оспаривал мой приказ на глазах у морских пехотинцев, — сказал он. Я опять открыл было рот, но он уставился на свои бумаги на столе и громко произнес: — Уволен.

Моим первым порывом было сорвать с себя металлические лейтенантские нашивки, кинуть ему на стол и сказать, что я тоже увольняюсь.

Но я решил, что нам на время нужно спрятать гордость подальше и найти способ выпутаться из этого дерьма.

Вернувшись в гараж, я предложил Уинну: — Пойдем прогуляемся.

Мы вышли из лагеря. Без пулемета идти было легко, но с пистолетом я не расставался.

— Командир роты хочет тебя уволить за неподчинение приказам, — выпалил я.

Уинн переварил новость и сказал:

— Хрень собачья. Я не подчинялся приказам только в случаях, когда они могли беспричинно убить моих людей. Я иду к полковнику.

— Нет. — Слово прозвучало резче, чем я хотел. — Я сам с этим разберусь.

— Сэр, — возмутился он, — такие парни, как он, начинают варить кашу, когда у самих рыльце в пушку. Я иду к полковнику.

— Майк, дело не в тебе, — сказал я, пытаясь надавить на его чувство долга. — Дело во взводе. Ты — связующее звено между

ним и морскими пехотинцами. Послушай меня: я все сам улажу. Я знаю, звучит странно, но у меня сейчас больше огневой мощи.

Вернувшись в гараж, я сел и попытался сообразить, что сказать командиру роты.

Когда я вернулся в кабинет командира, он выглядел усталым.

— Сэр, должен вас предупредить, если вы уволите Уинна, большая часть вашей роты восстанет против вас.

Он попросил меня присесть. Надо отдать ему должное, он в этот раз слушал мои объяснения. Я сказал, что увольнение Уинна, несмотря на мои возражения, означает его недоверие к принимаемым мною решениям. Если дело в этом, то ему следует уволить вместе с Уинном меня. Я замолчал, решая, произносить следующую фразу или нет. Он жестом попросил меня продолжать. «Рота сделала свою работу, и ни один человек не погиб. Может, оставим все как есть?»

Уинн сохранил свою работу, а я — свою.

В пятницу днем, в мае, я собрал свой взвод в центре гаража. Всю предыдущую неделю я работал над секретным проектом — отстаивал в дивизии разрешение на посещение старинного города Вавилона.

У нас был шанс вернуться домой с действительно стоящими воспоминаниями. Да и к тому же поездка в Вавилон даст нам возможность отдохнуть от орудийных прицелов.

Информируя морских пехотинцев о предстоящей поездке, я допускал, что кому-то эта поездка может показаться дурацкой и рискованной. Отказаться мог любой. Но Вавилон выбрали все.

Старинный Вавилон был расположен в нескольких километрах за дворцом Саддама Хусейна. Веком раньше город был раскопан немецкими археологами, и все его сокровища были перевезены в Берлин. То, что осталось, должно было дорисовываться воображением. Саддам реконструировал Вавилон не в соответствии с археологическими свидетельствами, а руководствуясь лишь своими фантазиями.

Раз в год режим проводил в Вавилоне торжество, посвященное триумфу Ирака. Сам же Саддам играл в этом действе роль царя Навуходоносора.

Мы остановились у знаменитых ворот Иштар, синей арки, усыпанной выпуклыми рисунками львов, оленей и мифических существ. Я помнил только вехи истории Вавилона — Хаммурапи, висячие сады Семирамиды, смерть Александра Македонского — и почувствовал облегчение, когда к нам подошел престарелый джентльмен. От первого же его предложения я чуть не разразился хохотом. «Называйте меня Измаилом».[5] Престарелый

джентльмен был археологом в Вавилоне, пока к власти не пришла партия Баас в 1968 году. Измаил предложил нам свои услуги в качестве гида.

Мы прогулялись мимо Вавилонского льва, взошли на арену, где, по предположениям, умер Александр Македонский. Кольберт, шедший около меня, горделиво заметил, что всего за два года мы побывали в местах самых легендарных Александровых кампаний — Афганистане и Ираке. «Только я почему-то сомневаюсь, — добавил он, — что меня будут помнить как Брэда Великого».

Эспера стоял, опираясь о стену.

— Оглянись. Эта великая империя поднялась и упала. Все поднимается и падает — народы и личности тоже, — сказал он. — Иногда я думаю, что не мы принимаем решения. Все решено за нас.

Кольберт его перебил:

— Опять твоя теория насчет лотереи?

Эспера проигнорировал колкое замечание и, повернувшись ко мне, продолжал:

— На секунду подумай про лотерею. Ты покупаешь билеты, включаешь ночью телик и смотришь, как какой-то придурок произносит вслух номера, написанные на мячах для пинг-понга. Никакого случая здесь нет, — Эспера рассказывал так, как будто испытал все на собственной шкуре. И закончил: — Если вычислить вес шаров, учесть температуру, влажность в помещении и тысячи других переменных, то наверняка можно узнать, какие номера выпадут. — Он удовлетворенно посмотрел по сторонам. — То же самое и здесь. Вавилон пал. Ирак пал. Когда-нибудь и США падут. Так предначертано. На пуле, ранившей Паппи, было его имя. Мы просто не смогли вовремя посчитать переменные, чтобы уберечь его. И я не знаю, хуже мне или лучше от осознания этого.

Собралась маленькая толпа. Рэйс похлопал Эспера по плечу и произнес:

— Я не знаю, согласен я с тобой или нет, но сказано хорошо. Аминь.

Кольберт же заметил:

— Тони, тебе домой пора, лечиться.

— Думаешь, что-то новое для меня открыл, белый мальчик? — сказал Эспера, и мы пошли с Измаилом в сторону ворот Иштар.

* * *

Через неделю мы готовились к пятисоткилометровой поездке в Кувейт. Отправление назначалось на шесть утра, чтобы избежать палящего дневного солнца. Мы проезжали мимо Эс-Самавы, где вчера обстреляли конвой. Город спал, мы видели только собак, лающих под фонарями. Мы ехали параллельно реке Евфрат рядом с Эн-Насирией, и, несмотря на теплую погоду увидев на горизонте свет города, я почувствовал легкий озноб. Воспоминания о нашем первом визите сюда ровно два месяца назад очень ярко всплыли в моем мозгу.

Еще через некоторое время мы проехали рядом с железнодорожным мостом Ар-Ратави и нефтяными полями Румайлы. Потом я уснул. Проснулся в голой кувейтской пустыне.

Часть III
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Каждый, смотрящий на несчастья с состраданием, должен осознавать трагедию всего происходящего; и если кто-то воспринимает несчастья без сострадания, его жаль вдвойне, так как, оставаясь безразличным, он теряет человечность.

Августин Гиппонийский

39

Я ПРОГУЛИВАЛСЯ ПОД ЛЕТНИМ солнцем по берегу озера, где собралась вся семья. Маленькие двоюродные сестры и братья играли в футбол, а взрослые тем временем смеялись и пили. Вдалеке играла какая-то группа. Я подходил к своим, хотел поддержать разговор, но никто меня не видел и не слышал. Для них я был невидимкой. В непонимании я смотрел на себя, на свое тело и видел, что на мне пустынный камуфляж, пулемет с ремнем через плечо. Моя одежда вся пропитана кровью.

По возвращении домой прошло уже несколько месяцев, но этот сон все продолжал и продолжал будить меня посреди ночи. Не каждую ночь, но, наверное, десятки раз за все время, так что теперь я заставляю себя ложиться спать только усилием воли. Иногда я просыпался после сна и шел прогуляться. Иногда делал отжимания от пола, пока не падал от усталости. Но чаще всего смотрел на потолок и пытался думать о чем-то другом.

Возвращение на родину — это уже всем известное клише. Как только мы приехали в Кувейт, я почувствовал, что будет происходить дальше. Психика одного морского пехотинца (не из нашего батальона) дала трещину почти мгновенно: он застрелил одного из солдат, когда они вместе играли в тачбол. Из Кувейта мы вылетели на борту коммерческого авиалайнера. Как только колеса оторвались от земли, салон самолета взорвался криками «Ура!» и другими, присущими данному поводу. Мое сиденье было чистым, еда вкусной, а стюардесса красивой. Некоторые болтали, но большинство спали, я смотрел в иллюминатор. Пирамиды Гизы ускользали в утреннем свете назад. Во Франкфурте я минут двадцать стоял у дверей терминала и просто наслаждался видом зеленой травы. Мы вошли в американское воздушное пространство в районе Сиракьюс, север штата Нью-Йорк, во вторник, 3 июня 2003 года в два часа пополудни. Пилот сказал: «Добро пожаловать домой». И мы опять заорали: «Ура!»

Приземлившись на базе ВВС в Риверсайде, штат Калифорния, я спустился по трапу к предангарной площадке. Там стояли решетки, на которых члены Красного Креста готовили для нас гамбургеры, это был как раз тот ангар, где мы когда-то спали на полу, телевизор и сейчас все еще освещал ряды пустых стульев, на которых когда-то сидели мы и наблюдали за возгоранием космического корабля многоразового использования. Ничего не изменилось.

Потом были утомительная поездка в автобусах в Кэмп-

Пендельтон и полночное воссоединение с нашими семьями на баскетбольной площадке за батальонными офисами.

Увидев нас, люди начали махать руками, приветствуя, а мы играли роль возвращающихся с войны героев. Сержант Патрик стоял отдельно от толпы, впервые за два месяца он надел камуфляжную военную форму и ботинки. Он надел их вопреки боли в ноге, думал, что именно в таком виде будет правильно встретить взвод. Мы все подошли и обняли его, так же как наших матерей, отцов, жен и девушек, — он был членом нашей семьи.

В ту ночь в номере отеля я чувствовал себя одиноким: нет шипения рации, нет звезд над головой, нет морских пехотинцев, стоящих в патруле где-то поблизости. Я мог спать не больше двух часов подряд, потом вставал, думал, бродил и ложился опять. Перед рассветом я не выдержал, пошел в душ, во второй раз за эту ночь — только потому, что сейчас я мог себе это позволить. Из зеркала в ванной на меня смотрело темно-коричневое лицо. Я заметил морщины на лбу, раньше их не было. Подкова со шнурком из стропы все еще висела на моей шее. Я снял ее с шеи впервые после Рождества.

По дороге домой я застрял в пробке, а потом зашел в продуктовый магазин: холодильник требовал еды. Я был так счастлив и благодарен за простые повседневные удобства, что практически забыл о войне. Возвращение было гладким и безболезненным. Тогда я представлял себе, что четырехмесячный отрезок времени был сном, который я скоро забуду.

Но капля за каплей пустячные мелочи тащили меня обратно в омут воспоминаний. Однажды, в субботу, мой приятель — морской пехотинец, не служивший в Ираке, пригласил меня на стрельбу по тарелочкам в тир Кэмп-Пендельтона. Я принял приглашение рефлекторно. Когда мы ехали по автостраде, я поймал на себе его удивленный взгляд:

— Что ты, на хрен, делаешь?

И тут я понял: я вел машину беспорядочными зигзагами. Мы привыкли делать это в Ираке — так было трудней попасть в «Хаммер» лимонками.

— Извини, я какой-то рассеянный.

Придя в тир, я встал на линию огня, взял дробовик и пакет с пульками. И вдруг я осознал свое полное нежелание стрелять по тарелочкам. В последний раз я пускал в действие оружие 1 апреля, около полуночи, на автостраде севернее от Эль-Хая.

Я сканировал каждого человека на улице, осматривал с ног до головы, ища признаки пистолета или бомбы. Я проглатывал каждую, даже ничтожную новость о сражающихся солдатах, но

предпочитал об этом не говорить. Иногда я начинал плакать, абсолютно беспричинно плакать. Когда водитель подрезал меня на узкой дороге, я представлял себе, без эмоций, как откидываю его голову назад и перерезаю горло ключом от машины. Четвертого июля, услышав взрыв фейерверка, я побежал к машине и начал судорожно искать пистолет в кармашке передней двери. Его, понятное дело, там не было. И еще сны.

Я думал, что схожу с катушек, а это значили, что пока я был в своем уме. Это-то я знал наверняка: если я боюсь свихнуться, значит, я еще нормальный. Сумасшедшие думают, что они в своем уме. Только здравомыслящие могут думать, что сходят с ума. Я утешал себя тавтологией.

Проведя три года в качестве командира взвода, я получил повышение, став капитаном, и был занесен в список кандидатов на должность начальника «Курсов по основам разведки». В морской пехоте есть ограниченное количество оперативной работы, поэтому два моих развертывания в боевом порядке гарантировали мне офисное турне, а не очередную поездку в Афганистан или Ирак. Поступая в ШПО в 1998 году, я решил остаться в морской пехоте. После Афганистана эта решимость несколько ослабла. После Ирака я знал: мне нужно уходить.

Многие люди относились к моим уходам абсолютно спокойно, как к само собой разумеющемуся. После ухода из Дартмауса и присвоения мне офицерского звания друзья и родственники задавали мне вопросы типа: «Когда мы общались с тобой в последний раз, ты еще учился в Дартмаусе. Что случилось?» или «Морским пехотинцам хорошо платят?» Сейчас, поставив родителей в известность об увольнении, я сказал напоследок: «Вы, наверное, так огорчены». Люди думают, что я исправляю какую-то старую ошибку или пришел в противоречие со своей подростковой бравадой. Они решили, что трудная работа меня окончательно вымотала — длинные командировки, частое перемещение, маленькая зарплата, опасная обстановка. Они ошибались. Для меня неосязаемая честь и гордость быть офицером морской пехоты перевешивали все невзгоды.

Некоторые из моих друзей-морпехов понимали: проблема была личной. Они знали, меня раздражали офицеры, ценящие в командирах отполированные ботинки больше, чем тактическую компетентность. Мы прикинули и выяснили, что сделали за четыре года столько, сколько предшествующее поколение морских пехотинцев сделало за двадцать лет или вообще не сделало. Есть ли смысл стремиться наверх дальше? Продвижение по офицерской лестнице означало больше бумажной волокиты и

меньше времени с войсками. И друзья, и подруги знали: я пошел в морскую пехоту, чтобы держать в руках меч, а не карандаш. Они были правы, однако настоящая причина скрывалась еще глубже.

Я ушел из морской пехоты, потому что мне перехотелось воевать. Многие морские пехотинцы напоминали мне гладиаторов. В них было непостижимое качество, присущее прирожденным бойцам: готовность всегда и в любую секунду своей жизни надеть латы, взять в руки меч и начать сражаться. Я их уважал, восхищался ими, пытался им подражать, но все равно, я не был одним из них. Я мог убить, если не мог поступить по-другому, я почти сразу «подсел» на адреналин, вырабатывающийся при сражении, как, впрочем, и все остальные солдаты. Но я не мог принять сознательного решения сделать такое состояние нормой своей жизни. Великие командиры морской пехоты, как все великие борцы, могут посылать на смерть тех, кого любят больше всего в жизни, — своих солдат. Это основной принцип войны. Я же убедился в том, что для меня это самое тяжкое. Я дважды обманывал судьбу, испытывать ее дальше было бы глупостью.

Традиционно батальон устраивал церемонию проводов для своих увольняющихся офицеров, носящую название «Здравствуй и прощай». Майор Бенелли, узнав, что меня не будет в городе, назначил мои проводы на пятничный вечер. Выказал свое пренебрежение, но меня это нисколько не задевало: у меня не было привязанности к батальону, я любил свой взвод.

Разведывательные взводы имеют богатые традиции, и одна из самых запоминающихся — «весельная вечеринка». Конечно, они мне ее устроили пятничным августом дома у Майка Уинна. Они усадили меня на стул, а сами собрались вокруг. Корни церемонии уходили еще в войны викингов. В соответствии с этой традицией, когда воин покидает команду, чтобы осесть и завести семью, товарищи дарят ему весло, как символ того, насколько ослабнет команда при его отсутствии.

Сначала весло взял самый молодой морской пехотинец, младший капрал Кристенсон. Мы с Уинном выдвинули его на досрочное присвоение звания за особые заслуги. Из рядового 1-го класса он превратился в младшего капрала — первый случай в морской пехоте со времен Вьетнамской войны. Весло от него перешло к другому, и так далее, выше и выше по званию. Каждый, кто держал его, рассказывал свою историю. «Ниже, Кристенсон. Ты стреляешь слишком высоко». Зона высадки десанта в Бриджпорте. Оперативно-тактическая группа «Свод». «Аллея засад». Эспера и его вечно тыкающая сигара. Миссия в

Муваффигуа. «Лошадеголовый». Вылазка на лодках. Весло перекочевало от Уинна, старшего среди солдат, к сержанту Патрику. Он повернул весло, теперь я его видел. Весло сделал он сам — собственными руками.

Патрик вырезал его из четырехфутового полена. Зеленое, рукоятка обмотана парашютной стропой. Мои капитанские нашивки, значок, выданный после прыжков с парашютом, в форме крыльев и орденская лента украшали нижнюю часть весла. С обратной стороны Руди нарисовал эмблему Первого разведывательного и приклеил фотку взвода, сделанную в кувейтской пустыне накануне войны.

Я потянулся, чтобы дотронуться до нее, и понял: это в прошлом. Когда моя рука охватила рукоятку весла, обмотанную парашютной стропой, я перестал быть командиром взвода. По их словам, я получил повышение из командира в мистеры. Я же знал одно: самый важный год в моей жизни подошел к концу.

Через несколько дней я поехал утром на эту работу в последний раз. Было холодное, туманное южнокалифорнийское утро. На парковке я увидел своего преемника — рыжего капитана Брэнта Морела. Вчера мы пошли пообедать вместе, и я часа два описывал ему каждого члена взвода — Кольберт всегда невозмутим, Руди пышет энтузиазмом, Джек — дока в «Mark-19», Патрик всегда говорит южными афоризмами. Война в Ираке не была закончена, и я хотел, чтобы Морел знал людей, с которыми отправится туда, — для них это будет вторым походом в эту страну.

— С добрым утром, Брэнт.

Он оторвал глаза от заламинированной бумаги:

— Привет, Нат. Мы собираемся со взводом на пляж повеселиться.

— Все?

— Весь взвод. Поедешь с нами?

Предложение было заманчивым, но я не мог его принять.

— Теперь они твои. Веселитесь.

В кабинете я собрал все свое снаряжение, почистил его, сложил в рюкзак и отнес на склад. Я взял пулемет и вспомнил Эль-Гарраф и убитого федаина. Взявшись за рукоятку пистолета, вернулся в воспоминаниях на мост в Муваффигуа.

На складе я простоял очередь: оказалось, есть еще желающие сдать свое снаряжение. Некоторые переводились, другие, как и я, увольнялись. Все были спокойны, агрессии в словах и действиях не было. У противоположного дверного проема, стояла горстка вторых лейтенантов, новички со свежесделанными короткими

стрижками. Они шутили и смеялись, делали вид, что не замечают нас. Я хотел подойти к ним и сказать то, что в свое время написал мне отец, узнав о намечающихся военных действиях: «Будьте стойкими, вернитесь домой физически и психически невредимыми». Я знал, они дружно похлопают мне, будут с уважением слушать, но потом будут смеяться за спиной какого-то сбрендившего капитана, ничего не знающего о неуязвимости лейтенантов морской пехоты. Поэтому я просто пошел к машине и поехал домой. Со временем они поймут все сами.

Спустя несколько месяцев, к тому времени я уже работал в Вашингтоне, взвод вернулся в Ирак. Утром четверга, в апреле, я ехал по Виржинии Бич, чтобы прикрепить на грудь Шона Патрика медаль — «Бронзовую звезду». Он оправился от ранения, был назначен инструктором в «Школу Морской Разведки» и тренировал новое поколение морских пехотинцев. Я ехал около Квантико и слушал советника по национальной безопасности, дающего показания Комиссии, разбирающей обстоятельства 11 сентября. Меня потряс этот символизм: я проезжаю место, где начиналась моя карьера морского пехотинца, и слушаю дебаты по поводу события, отправившего меня в двухгодичное сражение, и вообще, я еду на церемонию, которая положит конец этой главе моей жизни.

Зазвонил телефон. Это Кара Уинн, жена Майка. Она задыхалась, говорила так быстро, что я с трудом понимал ее речь.

— Взвод угодил в засаду в Фаллудже. Куча парней была подстрелена. Их отправили в Германию. На данный момент это все, что мне известно.

При патрулировании рота «Браво» наскочила на засаду — группа повстанцев, прятавшихся у дороги, открыла по ним огонь. Реактивная граната попала прямо в «Хаммер», забитый до отказа людьми и оружием. Один морской пехотинец потерял обе руки, еще четверо получили ранения. Взвод атаковал позиции врага и убил десяток повстанцев.

Виржиния Бич. Сержант Патрик стоял, гордо выправив спину, а его командир в это время зачитывал объявление о награждении «Бронзовой звездой»:

> «За профессиональные достижения, выражающиеся в выполнении своего долга во время „Операции по освобождению Ирака“ в качестве командира разведывательной группы под названием Группа-два второго взвода роты „Браво“ Первого разведывательного батальона Первой дивизии морской пехоты с марта по

май 2003-го. Ночью первого апреля, при входе в город Муваффигуа в Ираке сержант Патрик был ранен врагами, устроившими засаду. Под вражеским огнем с трех направлений он наложил жгут и продолжил огонь, в результате чего группа под его командованием нанесла огромный урон позициям врага. Сержант Патрик оставался в огневом мешке и продолжал командовать своей группой до тех пор, пока враг не был уничтожен и морские пехотинцы не оказались в безопасности. Исключительный профессионализм, инициативность и верность долгу сержанта Патрика полностью оправдали возложенные на него Морской пехотой и Военно-Морской службой Соединенных Штатов Америки обязанности».

Затем мы пошли на торжественный обед, нов глазах каждого из нас стояла тревога за своих друзей, находящихся в семи тысячах миль от нас, и сожаление о том, что нас с ними не было.

Я возвращался в Вашингтон. Опять звонок Кары:

— Нат, у меня плохие новости.

Я съехал на обочину.

— Капитан Морел умер.

Во время контрнаступления Брэнт получил пулю в грудь. Морские пехотинцы рассказывали, что, когда он умирал на вертолете, эвакуирующем раненых, его рыжие волосы вмиг стали седыми.

Обновленный Мемориал Второй мировой войны принимал посетителей еще до официального открытия. Все еще в шоке от смерти Брэнта, я ехал туда. Свет прожекторов заливал круг гранитных плит теплым желтым мерцанием, намного менее интенсивным, чем освещение Мемориала Авраама Линкольна и Мемориала Джорджа Вашингтона.

Я обходил центральный фонтан по часовой стрелке и читал слова, высеченные на камне, и письма, оставленные друзьями и родственниками. Три раза я уходил в тень, чтобы скрыть, что мои глаза наполнились слезами. Имена и лица были разными, но судьбы в чем-то схожи. На одном конце мемориала стоит стена золотых звезд — их четыре тысячи. Каждая звезда олицетворяет сто американцев, убитых во время Второй мировой войны. Я встал и начал считать: восемь из этих четырех тысяч звезд, как было написано маленькими буквами в левом нижнем углу, отождествляли людей, погибших в Афганистане и Ираке. Все перестрелки, бомбежки, ракетный обстрел и подбитые вертолеты.

Брэнт и «Лошадеголовый». Величайший героизм, кровь, страх, шутки и скукота. Восемь хреновых звезд.

После моего увольнения я дрейфовал. В возрасте двадцати шести лет мне было все-таки страшновато — ведь я уже прожил лучшие годы моей жизни. Больше никогда я не испытаю той общности и единства в достижении цели, которые я испытал в морской пехоте. Также я осознал, что участие в боевых действиях почти выбило меня из жизненной колеи. Несмотря на любовь моей семьи, поддержку друзей и хорошее образование, война оставила след на каждом аспекте моей жизни. Но если уж я довел себя до такого состояния, то что же говорить о моих морских пехотинцах? А что будет с парнями, у которых нет семей? Чьи друзья даже не пытаются вникнуть в их проблемы? Которые уйдут из морской пехоты и не будут иметь перед робой таких перспектив, как я? Я переживал, что они выживут в войне только для того, чтобы умереть на ее поминках.

Направив всю свою энергию на подачу заявления в аспирантуру, я в скором времени был удостоен звонка из приемной комиссии:

— Мистер Фик, мы прочитали ваше резюме и были очень впечатлены. Но член нашего комитета прочитал статью Эвана Райта о вашем взводе в журнале «Роллинг Стоун». Он вас цитирует: «Плохая новость — нам сегодня почти не удастся поспать; хорошая новость — начинаем убивать людей».

Она сделала паузу, ждала, что я начну отнекиваться от цитаты. Я молчал. Она продолжала:

— У нас в штате есть офицер в отставке, и он предупредил меня, что существует категория людей, которым нравится убивать, и не очень бы хотелось находиться рядом с ними. Вы бы не могли объяснить мне ваши процитированные слова?

— Нет, не мог бы.

— Вы один из таких людей? — в ее тоне была серьезность и даже оттенок мольбы.

— Вы имеете в виду, не стану ли я забираться на вашу часовую башню и убивать людей из своего охотничьего ружья?

Теперь молчала она.

— Нет, я не стану. Хочу ли я вывернуть для вас свою душу наизнанку? Нет, не хочу.

Не меньше меня раздражали попытки проявления уважения и понимания, пропитанные бесчувственностью и невежественностью. Но хуже всего воспринималась похвала людей за то, «что вы, парни, там делали». В благодарность им

хотелось спросить: стреляли в детей, с ужасом вглядывались в тропинки и метали снаряды в дома людей? Быть там — это не гордость. Моей гордостью были, есть и будут правильные решения. Я надеялся, что сделал больше правильного, чем неправильного, надеялся, что не играл жизнями людей. Там я был вынужден признать, что единственный способ борьбы со злом — другое зло, но с добрыми целями.

В июне, по прошествии года возвращения из Ирака, я потащил себя вместе с подругой детства на место самого кровопролитного сражения гражданской войны — Антиетам на западе Мэриленда. Я хотел пройтись по земле. За полуразрушенными заборами и реставрированными артиллерийскими орудиями мне мерещились реактивные гранаты и федаины. Куда бы я поставил свой пулемет? Как Головорез-два будет атаковать «Кровавую улицу»?

Солнце припекало мои руки, в высокой траве жужжали пчелы, а мы пытались отыскать дорогу к Бернсайдскому мосту. Там в самый кровавый день американской истории войска под смертельным огнем сделали три безуспешные попытки пересечь Антиетамскую бухту.

— Неужели все зря? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Они победили, и Линкольн издал «Манифест об освобождении рабов». Они дали свободу рабам, как вы дали свободу жителям Афганистана.

Я ничего не ответил.

— Подумай о женщинах под гнетом Талибана и иракцах под гнетом Саддама, — продолжала она, ухватившись за возможность сменить тему разговора. — Ты принес добро многим людям. Почему ты не можешь успокоить себя этой мыслью?

Уставившись на воду, я снова и снова, уже в тысячный раз, прокручивал оправдания, которые сам себе придумал. Добро — понятие абстрактное. Добро не кажется таким уж добром, как зло — злом. Мое добро не было таким добром, после которого я мог спокойно спать ночью.

— Твои слова звучат так беспринципно, — продолжала она, мотая головой. — Почему ты не можешь обрести душевный комфорт, осознав, скольким пожертвовал и ты, и твои люди? Почему ты не можешь гордиться этим?

Я вел на войну шестьдесят пять человек и шестьдесят пять вернул домой. Я дал им все, что имел. Вместе мы выдержали испытание. Страх нас не сломил. Я надеялся, что жизнь в Афганистане и Ираке наладится, но сражались мы не за них. Мы сражались за себя.

Да, я горжусь собой.

ОТ АВТОРА

Я действительно испытал мысли и чувства, описанные в данной книге, и, конечно, корпус морской пехоты — это намного большая единица, чем мои взводы, и только все вместе мы смогли пройти описанные мною войны. При написании книги я активно использовал полевые журналы патрулирования и мой дневник, редкие письма домой, воспоминания моих товарищей по морской пехоте. Все события описаны искренне и, насколько мне известно, исторически точно и достоверно.

При интересе читателя к морским пехотинцам и моральным ценностям воинов я бы посоветовал прочесть «Солдата великой войны» Марка Хелприна, «Бойца поневоле» Майкла Ходгинса, «Прощай, мрак» Уильяма Манчестера, «Врата огня» Стивена Прессфилда, «В войсках» Тома Рикса, «Одиссею в Америке» Джонатана Шейа, «Старое воспитание» Юджина Следжа и «Поля огня» Джеймса Уэббера.

Часть дохода от проданных книг будет переведена на счета ветеранских организаций, включая «Фонд стипендий корпуса морской пехоты», оплачивающих образование в высших учебных заведениях детей морских пехотинцев, убитых в бою.

Я благодарю своих родителей Нейла и Джейн, моих сестер Мурин и Стефани за их безграничную любовь и поддержку.

Мои сослуживцы всегда были и останутся моими самыми верными друзьями и товарищами. Благодарю Патрика Инглиша, Ви Джея Джорджа, Эда Хинмана, Тая Мура, Уолта Мешика, Брэндана Салливана, Джона Нэша и Джима Била. Моего бывшего командира Рича Уитмера, научившего меня большему, чем он может себе представить. Спасибо Одэну Сиксу. Кейт Марин я могу сказать только одно: «Черт возьми».

Я буду вечно благодарен Майку Уинну, Брэду Колберту, Шону Патрику, Руди Рэйсу, Стивену Лавеллу, Тони Эспера, Тиму Брайану, Майку Штайнторфу, Гектору Леону, Гейбу Гарза, Эвану Стэнфорду, Антонии «Мэнимал» Джеку, Уолту Хассеру, Натану

Кристоферу, Джеймсу Чаффингу, Гарольду Тромбли, Терену «Т» Холси, Джону Кристенсону, Майклу Брунмайеру, Джесону Лили, Джошу Персону, Леандро «Шэди» Баптисту, Эрику Кочеру, Дэну Редману и Э. Д. Халл. Я всегда был готов протянуть вам руку помощи.

Всегда ваш.

Написание книги — более одинокое занятие, чем сражение в войне. Я благодарю Брэдли Тайэра, Джереми Джозефа, Крейга Неренберга и Франка Рассела за то, что посеяли в моем мозгу идею написания книги. Эрик Хэммел одобрил ее, а мой агент Э. Д. Мак Кэси сделал ее реальной. Кэли Раккер Оттингер всегда оказывала мне неутомимую поддержку. Искренние читатели оттачивали мои наброски до совершенства. Благодарю Остина Уитмана, Эндрю Хилтона, Марка Хотса, Эбби Джозефа, Джонатана Мэя, Эвана Райта, Маргарет Энджелл, Энди Кэрролл, Майка Ходгинса,

Аль Стэма и Энди Колера. И, наконец, Дениз Гитшман, которая была со мной с самого начала до самого конца. Спасибо.

В издательстве «Хаутон Миффлин» я нашел людей, которые отнеслись к моей книге с такой же искренностью, как и я. Благодарю Лори Глейзер, Бриджит Мармион, Лэрри Купера и Барбару Джеткола. Энни Сэйвераз отвечала на все мои бесконечные вопросы с безграничным терпением и тактом, а Уитни Пилинг любезно взялась за координацию проекта. Я приберег самую большую благодарность своему редактору Имону Долану. С терпением и напором инструктора по строевой подготовке он быстро привел в надлежащую форму как книгу, так и автора.

Copiright

УДК 82-94 (1-87)
ББК 84 (7США)
Ф48
Художественное оформление С. Курбатова

© ONE BULLET AWAY, 2005 by Nathaniel Fick
Originally published in the USA by Houghton Mifflin Company
© ООО «Агентство „КРПА Олимп“», 2008
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2008

НАТАНИЭЛЬ ФИК

Эта автобиографическая книга написана человеком, который с юности мечтал стать морским пехотинцем, военнослужащим самого престижного рода войск США. Преодолев все трудности, он осуществил свою мечту, а потом в качестве командира взвода морской пехоты укреплял демократию в Афганистане, участвовал во вторжении в Ирак и свержении режима Саддама Хусейна. Он храбро воевал, сберег в боях всех своих подчиненных, дослужился до звания капитана и неожиданно для всех ушел в отставку, пораженный жестокостью современной войны и отдельными неприглядными сторонами армейской жизни. Эта чрезвычайно интересная и познавательная книга расскажет не только о реальных исторических событиях в системе однополярного мира, но и даст читателю понять, что такое американская армия, чем она отличается и чем похожа на нашу.

интернет-магазин
OZON.ru

ISBN 978-5-699-31475-1

Эксмо

notes

Примечания

1

Ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа. (*Примеч. перев.*)

2

Цит. по кн. Стивена Прессфилда «Врата огня». М.: ЭКСМО, 2006. С. 460. (*Примеч. перев.*)

3

В морской пехоте США роты называются в алфавитном порядке: «Альфа» (Alfa — по букве «а»), «Браво» (Bravo — по букве «Ь») и т. д. (*Примеч. перев.*)

4

Hind — натовское обозначение вертолета Ми-24. (*Примеч. перев.*)

5

Английское слово «Ishmael» имеет еще и значение «пророк». (*Примеч. перев.*)

comments

Комментарии

1

Сьюзи Роттенкротч (Suzie Rottencrotch) — дословно: Сьюзи Гнилопромежностная.

2

Мелодия «Гимна морской пехоты» основана на музыке из оперы-буфф «Женевьева Брабантская» немецкого композитора Жака Оффенбаха, который был очень популярен во Франции в XIX веке. Предание Корпуса морской пехоты гласит, что текст <…> «Гимна» был сочинен в Мексике каким-то морским пехотинцем во время Америко-Мексиканской войны (1846–1848 гг.). Многие знают начало этой песни: «From the halls of Montezuma, to the shores of Tripoli, we fight our country's battles in the air on land and sea…»

Энциклопедия «Encarta»

З

Foxhole («лисья нора») — стрелковая ячейка; индивидуальный окоп (обычно вырытый наспех).

4

Тяжелый трёхдвигательный военно-транспортный вертолет Sikorsky CH-53E Super Stallion. Диаметр главного ротора 24 м, длина 30,19 м. Максимальный взлётный вес до 33,34 т (нормальный — 25,4 т), может перевозить до 55 десантников или 24 раненых. CH-53E был принят на вооружение в 1981 году.

5

Второй лейтенант — самое низшее офицерское звание Армии, ВВС и Корпуса морской пехоты США, находится между старшим уоррент-офицером (высшее звание младшего командного состава) и первым лейтенантом.

www.killology.org

7

Очень невнятный перевод описания десантно-вертолётного корабля-дока типа «Остин».

8

Джейкобабад (Jacobābād) — город в пакистанской провинции Синд, в 418 км к северо-востоку от Карачи. Основан в 1847 г. британским генералом Джоном Джейкобом, чья память увековечена в городе несколькими памятниками, а память его лошади — земляной пирамидой. Население около 80000 человек (1981 г.). Город также известен постоянной жарой и держит рекорд самой высокой температуры воздуха, зарегистрированной в Пакистане: +52°C.

9

«Philippine Sea» — название ракетного крейсера типа «Тикондерога».

10

«Убежище от бури».

11

Название происходит от сокращенного варианта произношения девиза Корпуса морской пехоты Semper Fi (Semper Fidelis, «Всегда верен!»).

12

Катера с надувными бортами и жестким днищем.

13

McDonnell-Douglas AV-8C Harrier II — модификация английского Harrier GR.1, производится в США по лицензии.

14

Далбандин (Dālbandin) — город провинции Белуджистан, в 515 км на юго-запад от Карачи, через него проходит железная дорога из пакистанского г. Кветта в иранский Захидан.

15

«Верхом на молнии».

16

Lockheed C-130 Hercules — четырехмоторный военно-транспортный самолёт Си-130 «Геркулес», имеет множество модификаций. В грузовой кабине C-130J могут размещаться 92 пехотинца с полной выкладкой или 64 парашютиста-десантника.

17

Пасни (Pasni) — город на побережье Аравийского моря, в 360 км к западу от Карачи.

18

JDAM (Joint Direct Attack Munition) — комплект из модулей наведения и управления, устанавливаемый на обычные бомбы (например, Mk-82 или Mk-84), что превращает их в высокоточное всепогодное оружие (GBU-38 и GBU-31 соответственно). Бомбы оборудованные комплектом JDAM направляются к цели интегрированной инерциальной системой наведения в паре с GPS-приёмником улучшенной точности. Величина КВО, показанная на испытаниях, составляет 11 метров.

19

Lockheed P-3 Orion — четырёхмоторный патрульный и противолодочный самолёт.

20

«Тихая ночь».

21

«Придите, правоверные!» — популярный рождественский гимн (carol); является английским переводом 19 в. с лат., в оригинале *Adeste fideles*.

22

LAV-25 (Light Armored Vehicle) — легкобронированный плавающий бронетранспортер швейцарской фирмы «Моваг», производится по лицензии в США и Канаде.